

95
ПЕРВЫЙ
ПО ПРАВУ

LEX *RUSSICA*

научный юридический журнал

- Пространственно-временное измерение юридической онтологии научно-технологического развития России
- Правовое обеспечение технологического суверенитета Российской Федерации: предпосылки, состояние и перспективы
- Онлайн-разрешение споров как фактор развития торгового оборота: модели правового регулирования

Том 79

АПРЕЛЬ

2026

№ 4 (233)

XIII МОСКОВСКИЙ ИННОВАЦИОННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ (МИЮФ-2026)

Московский
государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА) совместно
с Правительством Москвы
и при поддержке Ассоциации юристов
России проводит **XIII Московский
инновационный юридический форум**
(МИЮФ-2026)

14-15 МАЯ
2026 г. Цифровое деловое
пространство:
г. Москва,
ул. Покровка, д. 47

В 2026 году Форум ставит перед собой стратегическую задачу — обеспечение качественной правовой среды как одной из национальных целей Российской Федерации для достижения технологического лидерства. Форум станет платформой для обсуждения актуальных вопросов, обмена опытом и презентации новых решений в сфере юриспруденции и правовых технологий. Деловая программа включает пленарное заседание, открытые диалоги, панельные дискуссии по выработке правовых решений по тематическим трекам: «Информационные технологии и право», «Промышленность. Технологии и право», «Экономика. Технологии и право», «Наука. Технологии и право», «Общество. Технологии и право».

Мероприятие соберет ведущих экспертов в области права, IT, экономики, промышленности, представителей федеральных и региональных органов государственной власти, юридических фирм, корпоративных юридических подразделений, общественных организаций, научных и образовательных организаций.

В рамках Форума пройдут спутниковые мероприятия, в том числе в формате бизнес-завтраков. Ключевыми участниками диалога выступают представители органов государственной власти, корпоративного сектора, ведущих юридических фирм, а также эксперты в сфере биоэтики и генетических технологий.

Приглашаем вас принять участие в деловой программе Форума! Верим, что наше совместное участие станет важным шагом к новым профессиональным вершинам.

Для участия необходимо зарегистрироваться на сайте и получить именное приглашение, направив запрос через форму регистрации. До встречи на Форуме!

Деловая программа XIII МИЮФ

Регистрация на XIII МИЮФ

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВАВИЛИН Евгений Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного пра-

ва и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЁВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 79
№ 4 (233)
апрель 2026

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 27.04.2026
Объем 13,28 усл. печ. л. (10,58 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

С. И. Ершова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Evgeniy V. VAVILIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy

Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 4 (233)
April 2026

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

27.04.2026
Volume: 13,28 conventional printer's sheets (10,58 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

S. I. Ershova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / *JUS PUBLICUM*

Кабышев С. В. Пространственно-временное измерение юридической онтологии научно-технологического развития России 9

Аничкин Е. С. Правовое обеспечение технологического суверенитета Российской Федерации: предпосылки, состояние и перспективы 18

ЧАСТНОЕ ПРАВО / *JUS PRIVATUM*

Кораев К. Б. Недостатки правового регулирования представительства: исторические корни и современные решения 30

Долотина Р. Р. Влияние трудовых споров на деловую репутацию работодателя 46

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / *JUS CRIMINALE*

Плошкина Я. М. Социально-интегративное предназначение уголовно-процессуального права 55

Рублев А. Г. Принцип правовой определенности при формулировании и толковании уголовно-правового запрета при нарушении правил дорожного движения 70

ТЕОРИЯ ПРАВА / *THEORIA LEX*

Тогузаева Е. Н. Социализирующая функция правовой пропаганды в современной России 81

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / *COMPARATIVE STUDIES*

Сергеева О. В. Онлайн-разрешение споров как фактор развития торгового оборота: модели правового регулирования 91

Пономарева Д. В. Правовые аспекты противодействия дискриминации в сфере биотехнологий в рамках БРИКС 105

CONTENTS

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

- Kabyshev S. V.** The Spatiotemporal Dimension of the Legal
Ontology of Russia's Scientific and Technological Development 9
- Anichkin E. S.** The Legal Framework for Ensuring the Technological Sovereignty
of the Russian Federation: Preconditions, Current State, and Future Prospects 18

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

- Koraev K. B.** Shortcomings in the Legal Regulation of Representation:
Historical Roots and Modern Solutions 30
- Dolotina R. R.** The Impact of Labor Disputes on an Employer's Business Reputation 46

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

- Ploshkina Ya. M.** The Socially Integrative Purpose of Criminal Procedure Law 55
- Rublev A. G.** The Principle of Legal Certainty in Wording
and Interpretation of Criminal Law Prohibitions in Violation of Traffic Rules 70

THEORY OF LAW / THEORIA LEX

- Toguzaeva E. N.** The Socializing Function of Legal Propaganda in Contemporary Russia 81

COMPARATIVE LEGAL STUDIES / COMPARATIVE STUDIES

- Sergeeva O. V.** Online Dispute Resolution as a Factor in the Development
of Commercial Transactions: Models of Legal Regulation 91
- Ponomareva D. V.** Legal Aspects of Combating Discrimination
in the Field of Biotechnology within BRICS 105

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.009-017

С. В. Кабышев

Государственная Дума Федерального Собрания
Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Пространственно-временное измерение юридической онтологии научно-технологического развития России

Резюме. Статья посвящена исследованию пространственно-временных аспектов юридической онтологии в контексте научно-технологического развития России. Автор исходит из того, что современная технологическая динамика, характеризующаяся экспоненциальным ускорением инновационных циклов и системной неопределенностью последствий, формирует принципиально новую техносоциальную и правовую реальность, требующую глубокого теоретического осмысления. Темпоральная асимметрия между скоростью технологических изменений и инерционностью правового регулирования обостряет проблему догоняющего характера права и ставит задачу выработки механизмов опережающей адаптации. Одновременно пространственная асимметрия научно-технологического потенциала России, усиленная устойчивым стереотипом восприятия территории как бремени, ведет к сверхконцентрации научных центров и научному опустыниванию периферии, что углубляет социально-территориальную стратификацию и ослабляет совокупный инновационный потенциал страны. В работе обосновывается необходимость формирования особого проективно-адаптивного режима правового регулирования, который сочетает императив сохранения связи с прошлым через фундаментальные принципы и ценности (выступающие темпоральными инвариантами), синхронное регулирование текущих технологических практик и конструирование будущего посредством правильно понимаемого опережающего регулирования. Раскрывается онтологический смысл последнего: не как предугадывания будущих отношений, а как установления в настоящем гибких регулятивных рамок, способных вместить различные сценарии технологического развития. Рассматриваются конкретные инструменты такого регулирования: сценарное правотворчество, экспериментальные правовые режимы, адаптивные нормативные конструкции, ревизионные процедуры. Особое внимание уделяется роли правовых принципов, ценностей и фикций как темпоральных стабилизаторов, обеспечивающих целостность правопорядка в условиях высокой неопределенности.

Ключевые слова: юридическая онтология; научно-технологическое развитие; опережающее регулирование; пространственная асимметрия; темпоральная адаптация; правовые принципы; технологическое лидерство

Для цитирования: Кабышев С. В. Пространственно-временное измерение юридической онтологии научно-технологического развития России. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 4. С. 9–17. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.009-017

The Spatiotemporal Dimension of the Legal Ontology of Russia's Scientific and Technological Development

Sergey V. Kabyshev

State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the spatiotemporal aspects of legal ontology in the context of Russia's scientific and technological development. The author proceeds from the premise that contemporary technological dynamics — characterized by the exponential acceleration of innovation cycles and systemic uncertainty regarding their consequences — are generating a fundamentally new technosocial and legal reality that requires profound theoretical reflection. The temporal asymmetry between the pace of technological change and the inertia of legal regulation exacerbates the problem of law's «catch-up» character and necessitates the development of mechanisms for anticipatory adaptation. At the same time, the spatial asymmetry of Russia's scientific and technological potential, reinforced by the persistent stereotype of perceiving territory as a «burden», results in the overconcentration of research centers and the scientific «desertification» of the periphery, thereby deepening socio-territorial stratification and weakening the country's overall innovation capacity. The paper substantiates the need to develop a distinct projective-adaptive regime of legal regulation that integrates the imperative of maintaining continuity with the past through fundamental principles and values (serving as temporal invariants), the synchronous regulation of current technological practices, and the construction of the future through properly conceived anticipatory regulation. The paper elucidates the ontological meaning of anticipatory regulation not as the prediction of future legal relations, but as the establishment, in the present, of flexible regulatory frameworks capable of accommodating multiple scenarios of technological development. The study examines specific instruments for implementing such regulation, including scenario-based lawmaking, experimental legal regimes, adaptive normative structures, and review procedures. Particular attention is devoted to the role of legal principles, values, and legal fictions as temporal stabilizers that ensure the coherence and integrity of the legal order under conditions of heightened uncertainty.

Keywords: legal ontology; scientific and technological development; advanced regulation; spatial asymmetry; temporal adaptation; legal principles; technological leadership

Cite as: Kabyshev SV. The Spatiotemporal Dimension of the Legal Ontology of Russia's Scientific and Technological Development. *Lex russica*. 2026;79(4):9-17. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.009-017

Введение

Современное научно-технологическое развитие влечет формирование новой правовой реальности и рациональной картины мира, которые не имели исторических аналогов и нуждаются в глубоком научном осмыслении¹. Одна из принципиальных его черт — экспоненциальное ускорение, которое существенным образом влияет на роль временного фактора в праве, обостряет ряд давно существующих проблем правовой регуляции и выявляет их в новом качестве. Цикл «открытие — разработка — внедрение» сократился с десятилетий до месяцев, тогда как право сохраняет существенную инерцию подходов, сложившихся в индустриальную эпоху. Эта темпоральная асимметрия не является уникальной для современности: она проявлялась и ранее, в

частности в регулировании атомной энергетики, генной инженерии, информационных технологий. Однако масштаб и повсеместность технологической экспансии превращают проблемы локального отставания правового регулирования в системный вызов, требующий осмысления и преодоления.

Право всё чаще функционирует в режиме постоянно догоняющего реагирования, что ставит задачу разработки методологии и механизмов опережающей адаптации. Сложность задачи коррелирует с системной неопределенностью как онтологической характеристикой формирующейся техносциальной реальности, в которой долгосрочные последствия новых технологий, тем более кумулятивный эффект их одновременного развития, не поддаются точному прогнозированию (что ни в коей мере

¹ Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции. М. : Норма, Инфра-М, 2025. С. 17.

не снимает задачу прогнозирования права будущего²).

Основная часть

Темпоральные проблемы современного правового регулирования сосуществуют и сопрягаются с пространственно-территориальным вызовом научно-технологического развития. Пространственная асимметрия научно-технологической сферы России носит исторически обусловленный характер, но в период постсоветской трансформации, породившей масштабные структурные разрывы и дисбалансы в экономике, она стала зоной повышенного стратегического риска. В политико-правовом обиходе сложился (пусть не доминирующий, но распространенный) стереотип понимания пространственного фактора как проблемы, обременения, заставляющий мыслить в логике минимизации издержек, а не максимизации возможностей.

Это провоцирует стягивание и сверхконцентрацию научно-технологического потенциала в нескольких агломерациях, создающие иллюзию эффективности за счет экономии на масштабе, и научное опустынивание обширных территорий с сопутствующими угрозами устойчивому развитию. Территории, не обладающие развитой научной инфраструктурой, оказываются одновременно в стороне от процессов активной правовой институционализации научно-технологического прогресса (включая качественную экспертизу), что воспроизводит и углубляет отставание, препятствует созданию благоприятных условий для стимулирования наукоемких производств. Социально-антропологическим следствием такого подхода является формирование устойчивой социально-территориальной стратификации с существенным диапазоном стартовых и функциональных возможностей, в частности доступа к знаниям, профессиональной реализации и привлечения капитала. Парадокс заключается в том, что оголение периферии в кадровом отношении ведет к ослаблению возможностей использовать уникальные компетенции, которые могли бы развиваться только в связи с конкретной локальной спецификой.

Изменения и риски, возникающие в пространственно-временной плоскости правовой онтологии научно-технологического развития, сопровождаются ростом энтропийных факторов в самой системе права и механизме правового регулирования. Дело не только в том, что параметры регулирования меняются быстрее, чем формируются регуляторные решения, а в том, что неопределенность становится, по существу, уже не внешним вызовом, но внутренним условием правового существования, требующим развития представлений о правосубъектности, юридических фактах, юридической ответственности и т.п. Использование современных цифровых технологий ставит ряд вопросов и на уровне понимания традиционных форм реализации права в том смысле, что происходит фактическое делегирование части полномочий лица определенным программным средствам, которые начинают действовать и порождать юридические последствия для такого лица независимо от его воли, а иногда и вопреки ей³. Ответом на гипердинамизм как характеристику техносциальной реальности нередко становятся попытки дальнейшего наращивания формальной юридизации посредством расширения объема и предметного охвата позитивного права. Возникают и новые регулятивные источники, включая алгоритмическое регулирование (машинный код как норма).

Так, сложность и динамика процессов научно-технологического развития стимулируют радикальное усиление делегированного законодательства (не просто подзаконного, а узковедомственного), которое воспринимается как более оперативное, специализированное и сопряженное с конкретно-отраслевыми потребностями и экспертизой. Оно, однако, не обладает легитимностью уровня народного представительства и носит функционально-партикулярный характер. Алгоритмическое регулирование формирует новый тип нормы, не обусловленной ни ценностно-побудительными установками, ни принуждением, а технологически исключающей иное поведение. Эти и другие тенденции в динамике правового регулирования ведут к возникновению коллизионной лавины, затрагивающей идейно-доктриналь-

² Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. М. : Российская академия наук ; ИЗИСП при Правительстве РФ ; Инфра-М, 2023.

³ Амелин Р. В., Чанов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма, 2025. С. 9.

ные, догматические, юридико-технические, дисциплинарно-отраслевые и иные аспекты (уровни). Под угрозой оказывается способность права выступать системообразующим, интегративным и главенствующим институтом социальной регуляции, обеспечивающим определенность отношений в актуальном контексте.

В этих условиях должна играть особую роль фундаментальная юриспруденция, ослабление которой само по себе становится метапроблемой. Нельзя не согласиться с тем, что для современной российской юриспруденции характерны «глубокая заморозка» теоретического знания, стремление избавиться от критической и методологической рефлексии в пользу практикоориентированности⁴. Между тем очевидно, что правовая организация практики неразрывно связана с необходимостью системного переосмысления фундаментальных категорий времени и пространства в контексте правовой онтологии научно-технологического развития. Традиционная правовая онтология, оперирующая сложившимися представлениями о нормативной устойчивости (стабильности), локализованности, субъектной идентичности, в новых реалиях дает сбой. Задача юридической науки — предложить адекватные вызовам времени онтологические модели (способы описания бытия права), которые позволят праву оставаться эффективным регулятором, сохраняющим свою гуманистическую сущность и обеспечивающим единство и развитие технологического пространства.

Адаптация права к реалиям научно-технологического развития требует уточнения темпоральной модели правового регулирования. Хотя было бы ошибкой утверждать, что классическое право строилось в подчинении логике темпорального монизма и концептуально обуславливалось прошлым (через нормативные или прецедентные формы реагирования на свершившиеся факты), право прежних эпох, безусловно, решало стоящие перед ним задачи в основном исходя из представления о будущем как относительно предсказуемом продолжении настоящего, проистекающего из прошлого.

В обычных (ординарных) условиях право черпало нормативный материал из сложившихся социальных практик, ожиданий и устоявшихся институтов. Так, Н. П. Загоскин связывал

с историей национального государства и права возможность «заглянуть вперед в жизнь народа» и «исходя от прошедшего и настоящего, предугадать будущее»⁵. Исследуя нормативную практику с точки зрения закономерностей построения правовой системы как целостности, как отмечала Р. О. Халфина, можно прогнозировать воздействие нормы на общественные отношения⁶. В экстраординарных же условиях, связанных прежде всего с революционными событиями и учреждением нового социального порядка, право хотя и приобретало выраженный преобразовательный характер, ориентированный на разрыв с прошлым, но в соответствии с возобладавшей социально-политической волей, которая оставляла простор для субъективной гибкости.

Следует отметить, что при определенном сходстве правового контекста современной ситуации научно-технологического развития с революционным правотворчеством (масштаб преобразований, появление принципиально новых социальных феноменов, потребность в новых системообразующих актах) есть и существенные различия. Это, например (но, конечно, не только), скорость и характер изменений (научно-технологическое развитие — перманентный, не имеющий единого центра управления и в значительной степени объективный, а не социально-конструктивный процесс), отсутствие единого программно-целевого проекта (научно-технологическое развитие реализуется посредством формирования разнородных технологических возможностей, дающих в отдельности и тем более в совокупности слабо прогнозируемые социальные эффекты), распределенность изменений (даже при основной, руководящей роли государства научно-технологическое развитие существенным образом зависит от научных сообществ и отдельных изобретателей).

Современная ситуация научно-технологического развития применительно к методологии и формам правового воздействия требует не революционного разрыва (отрицания прошлого) и не простой пролонгации, экстраполирования существующих (известных) тенденций, а формирования особого проективно-адаптивного режима, который: а) сохраняет связь с прошлым через фундаментальные принципы и ценности, служащие темпоральными инвари-

⁴ Пржиленский В. И. История и философия науки. М. : Норма, Инфра-М, 2025. С. 206.

⁵ Загоскин Н. П. История права русского народа. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1899. Т. 1. С. 11.

⁶ Халфина Р. О. Критерий истинности в правовой науке // Советское государство и право. 1974. № 9. С. 24.

антами; б) учитывает настоящее через синхронное регулирование текущих технологических практик; в) конструирует будущее посредством правильно понимаемого опережающего регулирования.

Вопрос о возможности опережающего регулирования требует уточнения его онтологического статуса. Опережающее регулирование не следует понимать как предугадывание будущих общественных отношений и их преждевременную регламентацию. Такой подход был бы онтологически некорректным, поскольку право не может регулировать то, чего еще не существует в социальной реальности. Опережающее регулирование в любом случае мыслимо не как регулирование будущих отношений, но только как регулирование настоящего применительно к будущему, а это означает, что право сегодня определяет границы, процедуры и условия для технологических практик, которые могут возникнуть завтра. Право не предписывает (и не в состоянии предписать), каким именно будет технологическое будущее, но оно может и должно предусматривать, какие варианты будущего (в научно-технологическом измерении) допустимы, а какие исключаются как несовместимые с основами правопорядка. Соответственно, опережающий характер правового регулирования, его перспективность, реализуется не через гипотетические нормы о еще не существующих отношениях (объектах), а путем установления режимных параметров, внутри которых технологическое развитие может осуществляться сообразно собственным закономерностям. Иными словами, право призвано конструировать будущее через создание гибких регулятивных рамок, способных вместить разные модели, сценарии технологического развития, что и является опережающим регулированием в уточненном смысле.

Если говорить о реализации опережающего регулирования, то можно обозначить прежде всего следующий комплекс взаимосвязанных инструментов:

1) сценарное правотворчество, предполагающее формирование пакета альтернативных правовых режимов, которые активируются в зависимости от того, по какому сценарию пойдет технологическое развитие, что позволяет праву актуализироваться вместе с технологией, не запаздывая, но и не блокируя развитие преждевременными запретами;

2) экспериментальные (пилотные) правовые режимы, позволяющие в ограниченном

пространственном, временном и субъектном составе тестировать создание и реализацию новых технологий и сопутствующих правовых моделей, что создает временной и пространственный буфер, где право и технология взаимно адаптируются в режиме реального эксперимента без риска для всей социально-правовой системы;

3) специальные адаптивные нормативные конструкции (открытые и оценочные понятия, динамические отсылки к техническим стандартам и т.п.), которые сохраняют регуляторный потенциал при изменении социально-технологической практики;

4) нормативно-ревизионные процедуры, обеспечивающие обязательный пересмотр нормативных требований по истечении определенного срока или при наступлении конкретных технологических событий, что легализует устаревание нормы, превращая его из недостатка правотворчества в элемент механизма планового обновления.

В условиях ускорения технологических изменений особую роль приобретают элементы правовой системы, обеспечивающие целостность, системное единство правопорядка и обладающие повышенной темпоральной устойчивостью: правовые принципы, ценности, цели. Так, правовые принципы и ценности, выражающие исторически сложившийся и социокультурно обусловленный идейный базис (идентичность) общества, имеют высокую степень временной инвариативности, что позволяет им служить отправными критериями оценки любых технологических новаций. При столкновении с принципиально новым феноменом (например, автономными системами принятия решений) право на основе фундаментальных метаюридических категорий позволяет оценить приемлемость, допустимость технологического решения (практики), в частности с точки зрения соблюдения достоинства человека и принципа справедливого распределения благ. Правовые принципы и ценности служат не морально-политическими декларациями, а регулятивными темпоральными мостами между прошлым (устоявшейся системой ценностей) и будущим (новыми технологическими возможностями), не подменяют непосредственное текущее регулирование, но задают систему координат, в которой оно должно формироваться и осуществляться, а также позволяют находить обоснованные интерпретационные решения в рамках судебно-юрисдикционных механизмов, сталкивающихся с новой

техносоциальной реальностью в условиях пробельности, фрагментарности, противоречивости позитивного права. Законодатель сознательно включает в законы общие юридические нормы (нормы-принципы), а суды под видом толкования развивают правовую систему⁷.

В контексте темпоральной адаптации права к научно-технологическому развитию могут быть востребованы также правовые фикции, но их применение требует особой осторожности. Так, использование фикции для признания искусственного интеллекта субъектом права, хотя и упрощало бы некоторые правоотношения, несет в себе риски размывания фундаментальной категории правосубъектности. Следует согласиться, что онтологически и прагматически предпочтительно конструировать правовое положение искусственного интеллекта исходя единственно из обеспечения безусловной безопасности и эффективной ответственности за ущерб, причиненный при использовании этой технологии⁸. Вместе с тем правовая фикция оправдана в тех случаях, когда технологическое явление в силу радикальной новизны не поддается регулированию через аналогию, но требует безотлагательного включения в правовое поле.

Осмысление пространственных аспектов правовой онтологии научно-технологического развития органически сопряжено с темпоральными факторами и не может быть в отрыве от них. Императив сохранения научного потенциала, закрепленный в п. «в.1» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ, охватывающий такие ключевые аспекты, как воспроизводство, удержание и привлечение (возвращение) научных кадров, сохранение и развитие научной инфраструктуры, обеспечение преемственности научных знаний, правовая защита научной деятельности и институциональная стабильность, имеет отчетливо выраженное территориальное измерение. Сохранение научно-технологического потенциала в сложившихся компактно-территориальных формах его организации представляет собой не дань мемориально-символической политике и не ритуальное почитание традиции, а отражение глубокого понимания того фундаментального обстоятельства, что преемственность выступает необходимым условием планомерного научного развития, которое со временем неиз-

бежно обретает собственную уникальную географию. Действовать здесь по принципу *tabula rasa*, делая ставку на стратегические инновации с нуля в ущерб сложившимся формам научной локализации, прежде всего наукоградом, было бы не только расточительно, но и стратегически рискованно.

Концепция развития научных территорий с чистого листа, противопоставляемая преемственному развитию, обосновывается, как правило, утилитарными аргументами. Среди них сравнительно высокие издержки на модернизацию устаревшей инфраструктуры, возможности привлечения нового поколения исследователей без необходимости преодолевать инерцию сложившихся структур и ортодоксальный менталитет, перспективы внедрения новых моделей управления, создание образа динамичного будущего и символический разрыв с архаикой. Есть и более глубокие основания такого подхода, корнящиеся в устойчивых, хотя и не всегда рефлекслируемых, представлениях, в частности о том, что развитие науки и технологий — это прерогатива крупных городов и мегаполисов и что для успешного функционирования научно-исследовательских и инженерных центров, даже расположенных в малых и средних городах, не требуется каких-либо особых мер по развитию территорий их размещения — достаточно общих механизмов территориального развития.

Развитие в парадигме научно-территориальной преемственности является, однако, не просто конституционно оправданным, но и социально необходимым. Локально-социальная концентрация научных, образовательных и наукоемких производственно-технологических факторов сама по себе дает неоспоримое конкурентное преимущество. История достигнутых успехов, сформировавшийся культ науки и технологий («намоленные места» не в метафорическом, а социально-психологическом смысле), особая интеллектуальная атмосфера, свойственная научным и инженерным городкам, высокий уровень развития городской среды — всё это выступает неперенным условием устойчивого развития территорий с высоким научно-технологическим потенциалом. С прагматических позиций соблюдение преемственности предопределяется как мини-

⁷ Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М. : Норма, Инфра-М, 2013. С. 20.

⁸ Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. М. : Норма, Инфра-М, 2026. С. 118.

мум следующими факторами: наличием уже существующей социальной и инженерной инфраструктуры для науки, воссоздание которой с нуля потребовало бы колоссальных и часто неподъемных затрат; сохранением уникального человеческого капитала, включая не только кадровый состав, но и незримую среду, традиции научных школ и неявные, неформализованные знания, передаваемые от учителя к ученику, т.е. живую научную культуру; риском безвозвратной утраты сложившихся форм научной и научно-производственной кооперации; потерей мест национальной научной гордости и идентичности, имеющих огромную ценность не только для отечественной, но и для мировой научной общности.

Впрочем, сказанное, при всей значимости, не исчерпывает существа проблемы. Качество научного развития в значительной степени имеет ценностно-мировоззренческую основу и обусловлено укорененным чувством принадлежности к великому наследию, стремлением соответствовать ему и в конечном счете превзойти. Желание начинать с чистого листа в ущерб преемственности представляет собой стратегическую ошибку, поскольку означает добровольный отказ от интеллектуального наследия, воплощенного в территориальных формах научно-социальной жизни. Нематериальные факторы научно-технологического прогресса: ценности, мотивация, интеллектуальная воля, как убедительно свидетельствуют переломные этапы отечественной истории, нередко сопряженные с экстремальным материальным дефицитом, имеют огромное, подчас решающее, значение. Именно на этой основе формируется научный патриотизм, неотделимый от осознания социально-культурной и исторической общности и подкрепляемый особой психологической атмосферой и архитектурной средой.

Принципиально важна правильная постановка вопроса: не ложная альтернатива между преемственностью и развитием с чистого листа, а необходимость сбалансированного сочетания и органического сопряжения исторически сложившихся и новых организационных и территориальных форм институционализации научной деятельности на основе «перезапуска» исторических научных территорий. Сохранение без перезагрузки — это неизбежный путь в музей, консервация и угасание. Но перезагрузка без опоры на наследие — это путь национального самоотчуждения, принятия на себя неприем-

лемо высоких рисков и неоправданной потери времени, которого у нас нет.

Выстраивание пространственно-правовой онтологии научно-технологического развития требует преодоления радикальной территориальной асимметрии, но не путем схематичного, формального выравнивания, а путем объективно обоснованной дифференциации, в частности предполагающей признание особого пространственно-правового статуса и режима функционирования наукоградов и территорий с высокой концентрацией научно-технологического потенциала, не сводимых к ординарным формам (видам) публично-территориальных образований. Наличие такого статуса и режима должно предполагать введение особых форм согласованного управления, включающего в себя федеральные, региональные и местные институциональные элементы, а также представителей научного сообщества.

В пространственно-онтологическом правовом измерении научно-технологического развития исключительно важным является понимание того, что в свете стратегических национальных приоритетов и задач кооперация ценнее конкуренции. Речь не идет о субстантивном отрицании роли конкуренции в данной сфере, которая не только объективно неустранима, но и крайне важна, если иметь в виду соперничество за качество исследований, лучшие идеи и таланты. Но кооперация необходима и предпочтительна на уровне стратегического целеполагания, распределения функций, использования инфраструктуры.

Конкуренция территорий, будучи в некоторых сферах экономической активности естественным и даже результативным механизмом, в области стратегических научно-технологических приоритетов обнаруживает ограниченность и контрпродуктивность. Когда территории вступают в конкурентную борьбу за ограниченные ресурсы — будь то федеральное финансирование, привлечение высококвалифицированных кадров или обретение специального статуса, — неизбежно появляется дополнительный фактор фрагментации единого научного пространства. Средства могут распределяться не по принципу максимальной эффективности для решения общегосударственных задач, а в зависимости от посторонних факторов.

Возникает порочная практика дублирования одних и тех же исследовательских направлений и технологических разработок в нескольких территориальных единицах, каждая из которых

стремится создать у себя полный цикл, вместо того чтобы развивать уникальные компетенции и встраиваться в общенациональную кооперационную сеть. Такая конкуренция не просто ведет к нерациональному расходованию бюджетных средств, но и углубляет пространственную асимметрию: обладающие ресурсами влияния территории оказываются в беспроектной позиции, в то время как потенциально перспективные, но менее влиятельные остаются на периферии научно-технологического развития, что в конечном счете ослабляет целостность и совокупную мощь национального научно-технологического потенциала. Природа научного познания и технологического творчества такова, что наиболее значимые прорывы совершаются не в изоляции, а на стыке дисциплин, в общении и обмене идеями между разными школами и подходами, что делает конкуренцию, если понимать ее как обособление и противопоставление (а именно так нередко и происходит в реальной практике), методологически контрпродуктивной. Кооперация, напротив, основываясь на функциональной специализации территорий и их осмысленном взаимодействии, позволяет преодолеть эту фрагментацию.

Функционально специализированное, распределенно выстроенное научно-технологическое развитие, предполагающее территориальную дифференциацию научных и технологических задач посредством стимулирования и координации, обеспечивает не только эффективную консолидацию разрозненных потенциалов, но и научно-технологическую «сцепку» государственно-политического единства. При этом кооперативная модель создает условия для масштабирования идей и решений: успешная разработка, созданная в одном регионе, при наличии кооперационных связей может быть быстро адаптирована, тиражирована и внедрена в других регионах, тогда как конкурентная модель ориентирует на изобретение собственного «уникального» велосипеда. Наконец, следует учитывать, что в условиях санкционного давления и необходимости достижения технологического лидерства научно-технологическая политика должна быть ориентирована на консолидацию усилий, а не

на их распыление в межрегиональной борьбе за приоритеты. Право в этой ситуации призвано сыграть ключевую роль, создавая институциональные механизмы, которые делают кооперацию не просто морально одобряемой, но и экономически и административно выгодной для всех участников (софинансирование межрегиональных проектов, развитие правовых форм консорциумного типа, налоговые стимулы для кооперационных связей, приоритет в распределении бюджетных средств для сетевых инициатив и т.п.).

Заключение

Резюмируя, следует констатировать, что пространственно-временная юридическая онтология научно-технологического развития требует *новой методологии правоведения*, основанной на междисциплинарных подходах и категориях проективности, адаптивности, кооперации и позволяющей преодолевать ретроспективность и индивидуализм юридической мысли. Перспективным направлением является разработка *динамических правовых режимов*, способных к самомодификации в ответ на изменение технологических условий при сохранении аксиологических рамок. Такие режимы предполагают *процедурную конкретизацию* принципов, регулярный пересмотр норм, институционализированный диалог заинтересованных сторон. Юридическая онтология научно-технологического развития должна стать *основой конкретной правовой политики*, а не абстрактной метатеорией, что требует организационного оформления соответствующих функциональных задач в области пространственно-временного проектирования и развития междисциплинарной правовой экспертизы. В конечном счете пространственно-временная юридическая онтология научно-технологического развития направлена на обеспечение *суверенитета России как способности к самоопределению в условиях технологической экспансии* — не изоляции, но активного, ценностно ориентированного участия в мировом научно-технологическом развитии на основе рациональной организации собственного пространства-времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амелин Р. В., Чанов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма, 2025. 280 с.
Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М. : Норма, Инфра-М, 2013. 320 с.
Загоскин Н. П. История права русского народа. Т. 1. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1899. 512 с.
Пржиленский В. И. История и философия науки. М. : Норма, Инфра-М, 2025. 296 с.
Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции. М. : Норма, Инфра-М, 2025. 168 с.
Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. М. : Норма, Инфра-М, 2026. 144 с.
Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. М. : Российская академия наук ; ИЗИСП при Правительстве РФ ; Инфра-М, 2023. 176 с.
Халфина Р. О. Критерий истинности в правовой науке // Советское государство и право. 1974. № 9. С. 20–28.

REFERENCES

- Amelin RV, Chanov SE. Evolution of Law under the Influence of Digital Technology. Moscow: Norma Publ.; 2025. (In Russ.).
Gadzhiev GA. Ontology of law (critical study of the legal concept of reality). Moscow: Norma; Infra-M Publ.; 2013. (In Russ.).
Halfina RO. Criterion of truth in legal science. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1974;9:20-28. (In Russ.).
Khabrieva TYa, Chernogor NN. Future of law. The legacy of academician V. S. Stepin and legal science. Moscow: Russian Academy of Sciences; IZiSP under the Government of the Russian Federation; Infra-M Publ.; 2023. (In Russ.).
Khabrieva TYa. Law in the realities of the technological revolution. Moscow: Norma; Infra-M Publ.; 2025. (In Russ.).
Khabrieva TYa. Legal essays on the technological revolution. Moscow: Norma; Infra-M Publ.; 2026. (In Russ.).
Przhilenskiy VI. History and philosophy of science. Moscow: Norma; Infra-M Publ.; 2025. (In Russ.).
Zagoskin NP. History of the law of the Russian people. Vol. 1. 512 p. Kazan: Imperial University Publ.; 1899. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кабышев Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по науке и высшему образованию, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
svkabyшев@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Kabyshev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; Chair of the State Duma Committee of the Federal Assembly of the Russian Federation on Science and Higher Education; Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
svkabyшев@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 10 марта 2025 г.
Статья получена после рецензирования 11 марта 2026 г.
Принята к печати 15 марта 2026 г.*

*Received 10.03.2025.
Revised 11.03.2026.
Accepted 15.03.2026.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.018-029

Е. С. АничкинАлтайский государственный университет
г. Барнаул, Российская Федерация

Правовое обеспечение технологического суверенитета Российской Федерации: предпосылки, состояние и перспективы

Резюме. Исследование посвящено анализу формирования системы правового регулирования отношений в сфере технологического суверенитета Российской Федерации как нового явления государственной и правовой жизни, а также определению оптимальных векторов ее развития. В соответствии с этим основными смысловыми блоками статьи стали правовая природа технологического суверенитета, его цели и причины, иерархическая система нормативных правовых актов в рассматриваемой области, нетипичные юридические регуляторы (рекомендации, программы развития, стандарты), проблемы внутрисистемного соотношения и перспективные направления совершенствования правового регулирования технологических отношений. Особое внимание уделено основным чертам нового Федерального закона от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и его соотношению со смежными федеральными законами. Сделаны выводы о необходимости обеспечения гармонизации нормативных правовых и иных юридических регуляторов, синхронизации правового регулирования на федеральном и региональном уровнях, рационализации организационно-управленческих решений в данной сфере отношений, расширения практики использования экспериментальных правовых режимов, диверсификации и конкретизации правового регулирования технологической интеграции с дружественными странами, а также изучения наиболее успешных правовых практик обеспечения технологического суверенитета за рубежом.

Ключевые слова: технологический суверенитет; технологическое право; национальная безопасность; правовое прогнозирование; экспериментальный правовой режим; акты стратегического планирования; технологическая политика; антироссийские санкции

Для цитирования: Аничкин Е. С. Правовое обеспечение технологического суверенитета Российской Федерации: предпосылки, состояние и перспективы. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 4. С. 18–29. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.018-029

The Legal Framework for Ensuring the Technological Sovereignty of the Russian Federation: Preconditions, Current State, and Future Prospects

Evgeniy S. Anichkin
Altai State University
Barnaul, Russian Federation

Abstract. The study is devoted to analyzing the formation of a system of legal regulation governing relations in the sphere of the technological sovereignty of the Russian Federation as a new phenomenon in state and legal development, as well as to identifying optimal vectors for its further evolution. Accordingly, the principal substantive components of the paper include the legal nature of technological sovereignty, its objectives and underlying causes, the hierarchical system of normative legal acts in this field, atypical legal regulators (including recommendations, development programs, and standards), issues of internal systemic coherence in legal regulation, and prospective directions for improving the regulation of technological relations. Particular attention is paid to the key features of the new Federal Law on Russia's technological policy and its correlation

© Аничкин Е. С., 2026

with related federal legislation. The study concludes that it is necessary to ensure harmonization of normative legal acts and other legal regulatory instruments; synchronization of legal regulation at the federal and regional levels; rationalization of organizational and managerial decision-making in this sphere; expansion of the use of experimental legal regimes; diversification and specification of legal regulation governing technological integration with friendly states; and examination of the most successful foreign legal practices for ensuring technological sovereignty.

Keywords: technological sovereignty; technological law; national security; legal forecasting; an experimental legal regime; acts of strategic planning; technology policy; anti-Russian sanctions

Cite as: Anichkin ES. The Legal Framework for Ensuring the Technological Sovereignty of the Russian Federation: Preconditions, Current State, and Future Prospects. *Lex russica*. 2026;79(4):18-29. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.018-029

Введение

В соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 года» в качестве одной из национальных целей развития нашего государства определено технологическое лидерство¹. Для его достижения в п. 7 названного Указа конкретизированы задачи и целевые показатели. Данные положения Указа напрямую основывались на Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г., в котором глава государства подчеркнул необходимость развития технологического суверенитета нашей страны как основы экономической независимости России и национальной безопасности². Технологический суверенитет имеет множество аспектов, но в силу новизны этого явления практически не познанной остается его правовая сторона. В этой связи актуально осмысление правовой природы, целей и причин технологического суверенитета, формирующейся системы источников его правового регулирования, внутрисистемных юридических проблем и путей их преодоления.

Понятие, телеология и предпосылки технологического суверенитета

По справедливому мнению О. В. Танимова и А. А. Арнаутовой, суверенитет государства всегда «выражается в направленности действий го-

сударства в его интересе, т.е. политика государства должна быть направлена на получение им пользы, процветание, развитие»³. Причем это не зависит от той области жизнедеятельности государства, которую суверенитет затрагивает. Суть технологического суверенитета состоит в способности государства обладать технологиями, принципиально важными для обеспечения устойчивого развития и конкурентоспособности, а также в возможности самостоятельно разрабатывать их, не попадая в одностороннюю зависимость от других стран. Из доктринальных определений технологического суверенитета наиболее удачна его трактовка как «возможности и способности страны независимо от внешних воздействий выбирать, создавать, приобретать, использовать, продвигать технологии, которые обеспечивают геополитическое лидерство и преимущества в долгосрочном развитии»⁴.

Официальное понимание технологического суверенитета отражено в Концепции технологического развития на период до 2030 г., где это явление определено как «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий, собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. Технологический суверенитет обеспечивается в двух основных формах — исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий (по установленному перечню) и

¹ СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

² Российская газета. № 46. 01.03.2024.

³ Танимов О. В., Арнаутова А. А. Правовое обеспечение экономического суверенитета современного государства // Финансовое право. 2024. № 8. С. 7.

⁴ Бородушко И. В. Технологический суверенитет России: теоретико-правовые основы, механизмы достижения // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2023. № 3 (43). С. 88.

производство высокотехнологичной продукции, основанное на указанных технологиях»⁵. Некоторые ученые декомпозируют вышеупомянутое общее определение применительно к отдельным составляющим технологического суверенитета: искусственному интеллекту⁶, технологиям оборонно-промышленного комплекса⁷, цифровому суверенитету⁸.

В то же время еще несколько лет назад категория «технологический суверенитет» не имела столь масштабного значения и распространялась только на технологии искусственного интеллекта. Так, в п. 19 Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» провозглашался принцип технологического суверенитета: «обеспечение необходимого уровня самостоятельности Российской Федерации в области искусственного интеллекта, в том числе посредством преимущественного использования отечественных технологий искусственного интеллекта и технологических решений, разработанных на основе искусственного интеллекта»⁹.

Государственная политика формирования технологического суверенитета преследует ряд важных целей. Они не раз являлись объектом масштабного публичного обсуждения (например, на международном форуме «Технопром-2022»¹⁰), а в настоящее время получили юридическое оформление в вышеуказанной Концепции технологического развития на период до 2030 г. По сути, эти цели охватывают основные звенья поддержания технологического суверенитета страны: разработку и внедрение собственных высоких технологий; их последующее развитие и продвижение; производство на их основе конкурентоспособной и востребованной продукции. Соответственно, развитие технологического суверенитета России должно

основываться на активном государственном финансировании перспективных отечественных наукоемких разработок, в том числе ключевых цифровых продуктов и решений, создании максимально благоприятных условий для их прототипирования и внедрения в производство, масштабирования и коммерческом продвижении наиболее успешных и востребованных технических решений, опережающем развитии собственной (национальной) технической базы, восстановлении разрушенных антироссийскими санкциями технологических цепочек путем расширения международной и взаимовыгодной научно-технической кооперации с дружественными странами СНГ, ШОС и БРИКС, а также всемерной поддержке национального производства импортозамещающей и конкурентоспособной продукции.

Основным поводом для введения политики обеспечения технологического суверенитета нашей страны послужила беспрецедентная в истории санкционная блокада России со стороны широкого пула недружественных стран во главе с США в ответ на проведение специальной военной операции (СВО) на территории Украины. В рамках антироссийской санкционной политики произошли отказ США, Канады, Австралии, стран ЕС и некоторых азиатских государств от экономического и научно-технического сотрудничества с Россией, принудительный отзыв большого числа иностранных компаний с внутрироссийского рынка, разрыв устоявшихся логистических цепочек и были приняты разнообразные вредоносные ограничительные меры секторального, территориального и персонального характера, включая запрет импорта критически важных товаров и технологий.

Если на начало СВО против России действовали только 2 754 санкции, во многом ставшие

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «О Концепции технологического развития на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

⁶ Матюк Ю. С. Правовая политика в сфере использования систем искусственного интеллекта в контексте обеспечения технологического суверенитета страны // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. Т. 11. № 1. С. 41.

⁷ Петрова Г. В. Финансово-правовое регулирование управления оборонно-промышленным комплексом в обеспечении технологического суверенитета России // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 1. С. 68.

⁸ Залоило М. В. Правовые проблемы обеспечения технологического суверенитета // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 2 (3). С. 504.

⁹ СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

¹⁰ Баламирзоев Н. Л. Стратегия технологического суверенитета России // Механизм реализации стратегии социально-экономического развития государства : сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции / под ред. А. М. Эсетовой. Махачкала, 2022. С. 53–54.

реакцией Запада на принятие в состав России Крыма и Севастополя в 2014 г.¹¹, то в последние два года была объявлена еще 15 821 санкция¹². Примечательно, что к началу 2022 г. самым подсанкционным государством мира являлся Иран, против которого было объявлено около 5 тыс. санкций, в то время как сейчас в отношении России действует более 18 тыс. санкций¹³. При этом немало санкций прямо или косвенно ориентированы «на ограничения в сфере научных исследований и разработок, научно-технического сотрудничества, доступа к научной информации»¹⁴, что обостряет необходимость форсирования формирования технологического суверенитета.

Но глубинной предпосылкой официальной постановки вопроса о технологическом суверенитете как жизненно важном для Российского государства направлении дальнейшего развития выступила, как представляется, явная угроза технологической деградации, обусловленная прежней экономической и научно-технологической политикой страны. Следствием ставки государства на массивированный экспорт невозобновляемых природных ресурсов и импорт программно-технических средств, оборудования и важнейших для повседневной жизни товаров из-за рубежа (в основном из недружественных ныне стран) стала утрата важнейших производств и технологий, а значит, угроза потери экономического суверенитета вообще. По верному замечанию И. Н. Плотниковой, именно «исчерпание экспортно-сырьевой модели социально-экономического развития и резкое снижение роли традиционных факторов обеспечения роста экономики, связанное с научно-

технологическими изменениями, являются одними из основных вызовов и угроз экономической безопасности России»¹⁵.

Данное утверждение может быть аргументировано на примере программно-технических средств связи и электронных компонентов, которые в огромном количестве импортировались в Россию в недавнем прошлом. Но, как верно отмечают специалисты, «все западные микропроцессоры имеют закладки, чтобы в час икс вывести устройство из строя по воле западного производителя», в связи с чем «оборудование, содержащее в своем составе электронный компонент, может быть выключено». В этих условиях становится очевидным, что «полную уверенность может дать только собственное производство электронных компонентов»¹⁶.

Вместе с тем следует отметить, что некоторые важные решения в этом направлении принимались и ранее. Наиболее показательным из них был курс на импортозамещение, в том числе в сфере технологий. В частности, еще с 2016 г. был запланирован переход на отечественное офисное программное обеспечение¹⁷. Но время показало, что для серьезного экономического подъема и технологического прорыва импортозамещения недостаточно. Выступая на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2022 г., Президент РФ В. В. Путин подчеркнул, что «импортозамещение — это не панацея, не кардинальное решение» и «если мы будем лишь повторять других, пытаться заменить, пусть и самыми качественными копиями, чужие товары, то рискуем оказаться в позиции постоянно дого-

¹¹ Артёмов Н. М., Ситник А. А. Противодействие антироссийским санкциям в платежной и валютной сферах // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 6. С. 50.

¹² Против России ввели санкций в 3 раза больше, чем против Ирана за 40 лет // URL: <https://ria.ru/20240222/sanktsii-1928870408.html> (дата обращения: 23.04.2024).

¹³ Санкции против России: актуальная статистика // Информационная группа «Интерфакс». URL: <https://x-compliance.ru/statistics> (дата обращения: 11.01.2025).

¹⁴ Лапаева В. В. Технологический суверенитет России: правовые проблемы // Научно-исследовательские исследования. 2023. № 2. С. 62.

¹⁵ Плотникова И. Н. Конституционные основы экономического суверенитета Российского государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 3 (158). С. 45.

¹⁶ Гущина Е. А., Макаренко Г. И., Сергин М. Ю. Обеспечение информационно-технологического суверенитета государства в условиях развития цифровой экономики // Право.ру. 2018. № 6 (56). С. 61.

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 16.11.2015 № 1236 «Об утверждении Правил формирования и ведения единого реестра российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных и единого реестра программ для электронных вычислительных машин и баз данных из государств — членов Евразийского экономического союза, за исключением Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 47. Ст. 6600.

няющих, а надо быть на шаг впереди, создавать собственные конкурентные технологии, товары и сервисы, которые способны стать новыми мировыми стандартами»¹⁸. Собственно, с 2022 г. речь идет о полноценном технологическом суверенитете. Как верно отмечает Н. Л. Калинин, «на первый взгляд эти понятия кажутся сходными, однако представляется, что имеется существенное различие в их сущности и содержании: импортозамещение основано на поиске аналогов зарубежных решений, а технологический суверенитет предполагает создание собственных конкурентоспособных на мировом рынке технологий, что позволит обеспечить научно-техническое развитие страны для достижения национальной безопасности»¹⁹.

Источники правового регулирования технологического суверенитета

Кардинальные трансформации научно-технологической сферы потребовали скорейшего формирования соответствующей нормативной правовой базы, выступающей правовой основой обеспечения технологической независимости страны, которую некоторые исследователи условно начали именовать технологическим правом²⁰. По нашему мнению, формирующийся правовой массив обладает по меньшей мере тремя очевидными особенностями. Во-первых, многогранность и мультидисциплинарность самого технологического суверенитета предопределяют комплексность правового регулирования соответствующих общественных отношений. Иными словами, технологическое право включает в себя нормы различных отраслей, главным образом административного, бюджетного, налогового и гражданского права. Во-вторых, это использование непривычной специальной терминологии (например, «карта технологической кооперации», «критическая технология», «сквозная технология», «собственная линия разработки технологий») и особых правовых конструкций, вовлечение в сферу пра-

ва тех вопросов, которые ранее регулировались техническими нормами или были основаны на правилах саморегулирования. В-третьих, в области технологического суверенитета наблюдается явное преобладание (первичность, масштаб регламентируемых вопросов, большой объем, основополагающий характер) федерального правового регулирования общественных отношений, что обусловлено Конституцией РФ.

О каких источниках правового регулирования технологического суверенитета России можно вести речь в настоящее время? Прежде всего это Конституция РФ, предусматривающая необходимые правовые основы исследуемого явления. По справедливому наблюдению С. В. Кабышева, «Конституция РФ содержит комплексное обоснование научно-технологического развития, определяя его ценностные, социально-целевые, принципные, компетенционные, институциональные основы (часть 1 статьи 44, пункты “е” и “м” статьи 71, пункт “е” части 1 статьи 72, пункты “в” и “в.1” части 1 статьи 114)»²¹. В основном данные нормы были включены в Конституцию РФ в результате последних поправок 2020 г. Среди них дополнение перечня предметов ведения Российской Федерации такими позициями, как «установление основ федеральной политики и федеральные программы в области научно-технологического развития Российской Федерации», «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных», а также расширение компетенции Правительства РФ, уполномоченного обеспечивать «государственную поддержку научно-технологического развития Российской Федерации, сохранение и развитие ее научного потенциала». Немаловажным представляется дополнение Конституции РФ статьей 75.1, предусматривающей создание в Российской Федерации условий для устойчивого экономического роста страны.

Следующим источником являются федеральные законы, главным образом приня-

¹⁸ О чем рассказал Владимир Путин на пленарном заседании ПМЭФ-2022 // URL: <https://rg.ru/2022/06/17/stenogramma-o-chem-rasskazal-vladimir-putin-na-plenarnom-zasedanii-pmef-2022.html?ysclid=I9lrron136783145146> (дата обращения: 11.01.2025).

¹⁹ Калинин Н. Л. Импортозамещение и технологический суверенитет // Образование и право. 2023. № 11. С. 90.

²⁰ Залоилов М. В. Указ. соч. С. 506.

²¹ Кабышев С. В. Правовая стратегия научно-технологического развития Российской Федерации // Вестник Российской академии наук. 2023. Т. 93. № 10. С. 923.

тый совсем недавно Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²² (далее — Закон о технологической политике). Некоторые ученые обоснованно сетовали на отсутствие единого специального закона по вопросам технологического развития страны²³, но на сегодняшний день эту проблему можно считать решенной. Закон вступает в силу по истечении 180 дней после дня его официального опубликования, т.е. с 27 июня 2025 г. Следует признать, что Закон заметно упорядочил регулирование общественных отношений в области технологического суверенитета, четко выделив субъекты, объекты, основные виды и содержание соответствующих общественных отношений. О масштабе правового регулирования Закона свидетельствует его структура, включающая 10 глав, объединяющих 30 статей: гл. 1 «Общие положения», гл. 2 «Субъекты, осуществляющие формирование технологической политики, и лица, осуществляющие содействие развитию технологий. Полномочия органов государственной власти и функции организаций с государственным участием», гл. 3 «Критические и сквозные технологии», гл. 4 «Национальные проекты по обеспечению технологического лидерства Российской Федерации. Карты технологической кооперации», гл. 5 «Проекты по развитию сквозных технологий», гл. 6 «Развитие технологических инноваций», гл. 7 «Стимулирование деятельности по реализации технологической политики», гл. 8 «Инфраструктура развития технологий. Информационное обеспечение технологической политики», гл. 9 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», гл. 10 «Заключительные положения».

Закон основан на нескольких основополагающих идеях, получивших юридическое признание во многих его положениях. Законодатель исходит из ключевой роли государства в формировании технологического суверенитета, поскольку финансирование проектов развития технологий предусмотрено только за счет бюджетных средств и с обязательным сохранением национального контроля. Неоднократно

указывается, что технологическая политика имеет комплексный характер и включает в себя правовые, экономические, организационные и иные меры. При этом Закон охватывает все основные этапы технологической цепочки: разработку технологий, их внедрение и последующее развитие, производство на основе высоких технологий соответствующей продукции, а также государственный контроль за этими процессами. Немаловажный момент: Закон исходит из приоритета федерального правового регулирования, управления и финансирования, что объяснимо вышеуказанными предписаниями Конституции РФ.

Согласно ст. 8 Закона о технологической политике «органы государственной власти субъектов Российской Федерации... осуществляют полномочия по формированию технологической политики в случаях и порядке, которые установлены настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации...». Кроме того, данный Закон является специальным (а значит, приоритетным) по отношению к ранее принятым федеральным законам, регулирующим сходные общественные отношения: от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»²⁴ и от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»²⁵.

Заметным преимуществом Закона о технологической политике является закрепление в ч. 2 ст. 22 системного перечня мер государственного стимулирования, применяемых к хозяйствующим субъектам, которые принимают участие в проектах развития технологий и реализации технологических инноваций. К их числу относятся: 1) финансирование проекта развития технологий за счет средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации в формах, предусмотренных бюджетным и гражданским законодательством Российской Федерации; 2) налоговые льготы и иные преференции, установленные НК РФ, а также льготы по уплате таможенных платежей, установленные правом ЕАЭС и (или) законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании; 3) льготы по арендной плате в случае предоставления в пользование иму-

²² Российская газета. № 1–2. 09.01.2025.

²³ Бородушко И. В. Указ. соч. С. 83.

²⁴ СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

²⁵ СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 41.

щества, находящегося в государственной собственности; 4) информационно-консультационная поддержка, в том числе правовая охрана и защита прав на результаты интеллектуальной деятельности, содействие в привлечении инвестиций, оказание услуг таможенного представителя, услуг по развитию кадрового потенциала; 5) поддержка инновационной деятельности; 6) поддержка развития кадрового потенциала; 7) инфраструктурная поддержка, в том числе предоставление в пользование объектов недвижимости и оборудования; 8) поддержка экспорта при выходе на рынки иностранных государств и освоении этих рынков; 9) поддержка в рамках установления экспериментальных правовых режимов; 10) содействие сотрудничеству между разработчиками технологий и производителями высокотехнологичной продукции, а также формированию гарантированного спроса и предложения в отношении высокотехнологичной продукции и иные меры поддержки.

Разновидностями источников, обеспечивающих правовую основу технологического суверенитета России, выступают федеральные подзаконные нормативные правовые акты различной юридической силы. Кроме вышеупомянутой Концепции технологического развития на период до 2030 г., это прежде всего Указ Президента РФ от 14.04.2022 № 203 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»²⁶ и Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации²⁷. Позднее был принят конкретизирующий Указ Президента РФ от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритет-

ных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий»²⁸.

Важно отметить и два постановления Правительства РФ: от 28.12.2022 № 2478²⁹ и от 15.04.2023 № 603³⁰. В постановлении Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 к числу приоритетных направлений отнесены авиационная промышленность, автомобилестроение, железнодорожное машиностроение, медицинская промышленность, нефтегазовое машиностроение, сельскохозяйственное машиностроение, специализированное машиностроение, станкоинструментальная промышленность и тяжелое машиностроение, судостроение, фармацевтическая промышленность, химическая промышленность и композитные материалы, электронная и электротехническая промышленность, энергетическая промышленность. Основными критериями отбора отраслей и перечня видов их продукции послужили критическое значение отрасли для обеспечения технологического суверенитета и ограниченный уровень локализации производства (ниже 50 %).

Необходимо указать на постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 22.02.2023 № 71-СФ «Об обеспечении научно-технологического развития Российской Федерации в целях достижения технологического суверенитета»³¹, в котором были даны соответствующие рекомендации Государственной Думе, Правительству РФ, Министерству науки и высшего образования РФ. Кстати, появление вышеупомянутого постановления Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 было детерминировано данным актом. Немногим позднее было принято и постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 26.04.2023

²⁶ СЗ РФ. 2022. № 16. Ст. 2650.

²⁷ Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

²⁸ СЗ РФ. 2024. № 26. Ст. 3640.

²⁹ Постановление Правительства РФ от 28.12.2022 № 2478 «Об утверждении Правил управления реализацией мероприятий программ и проектов Национальной технологической инициативы, результаты которых направлены на решение задач обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации, о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. II). Ст. 286.

³⁰ Постановление Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации...» // СЗ РФ. 2023. № 17. Ст. 3141.

³¹ СЗ РФ. 2023. № 10. Ст. 1599.

№ 204-СФ «О развитии промышленности и об обеспечении технологического суверенитета Российской Федерации»³².

На основании и в развитие вышеперечисленных актов принят ряд конкретизирующих ведомственных документов, в частности приказы Минэкономразвития России от 30.05.2023 № 361³³ и от 23.06.2023 № 424³⁴.

По результатам экспертных обсуждений отдельных аспектов технологического суверенитета принимались и рекомендательные акты, например рекомендации Комитета Государственной Думы ФС РФ по науке и высшему образованию от 24.11.2022 по итогам выездного заседания в Дубне на тему «Потенциал наукоградов и территорий с высокой концентрацией интеллекта для форсированного научно-технологического развития России: законотворческий аспект»³⁵.

В определенной мере отдельные вопросы формирования технологического суверенитета регулируются на региональном уровне. Но если до недавнего времени это касалось в основном импортозамещения и технопарков³⁶, то к настоящему времени в субъектах РФ происходит активное обсуждение региональных программ

научно-технологического развития, а в некоторых они уже приняты³⁷.

Некоторые внутрисистемные проблемы правового регулирования

Вышесказанное, с одной стороны, позволяет сделать заключение о вполне сформированной правовой основе регулирования общественных отношений в области технологического суверенитета. С другой стороны, в исследуемой области правового регулирования просматривается ряд серьезных проблем, которые требуют разрешения. Во-первых, в ней действует большое количество не только разнообразных нормативных правовых актов, но и документов стратегического планирования. И если правила соотношения нормативных правовых актов общеизвестны и стабильны, то этого нельзя сказать об иных регуляторах, которые не всегда согласованы друг с другом и с нормативными актами. Как уместно отмечает Л. В. Андреева, «помимо государственных программ стали разрабатываться национальные проекты, основные направления деятельности Правительства РФ... а также Еди-

³² СЗ РФ. 2023. № 19. Ст. 3436.

³³ Приказ Минэкономразвития России от 30.05.2023 № 361 «Об утверждении формы и порядка ведения государственной корпорацией развития “ВЭБ.РФ” реестра проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.06.2023).

³⁴ Приказ Минэкономразвития России от 23.06.2023 № 424 «Об утверждении порядка отбора государственной корпорацией развития “ВЭБ.РФ” экспертных организаций, подтверждающих соответствие проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, порядка формирования перечня экспертных организаций» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.08.2023).

³⁵ Рекомендации Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию от 24.11.2022 // URL: http://komitet8.km.duma.gov.ru/upload/site113/Rekomendacii_parlamentskih_slushaniy_naukogrady.pdf (дата обращения: 26.05.2023).

³⁶ Кабалинский А. И. Правовое обеспечение политики импортозамещения на национальном и региональном уровне в условиях геостратегических вызовов // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 5А. С. 64–74.

³⁷ См., например: постановление Кабинета министров Республики Татарстан от 27.12.2022 № 1429 «Об утверждении государственной программы Республики Татарстан “Научно-технологическое развитие Республики Татарстан”» // URL: https://pravo.tatarstan.ru/npa_kabmin/post/?npa_id=1184046 (дата обращения: 12.01.2025); распоряжение Министерства инвестиций, промышленности и науки Московской области от 30.12.2022 № 26-н «Об утверждении региональной программы Московской области “Научно-технологическое развитие Московской области”» // URL: https://www.garant.ru/hotlaw/mos_obl/1606388/ (дата обращения: 12.01.2025); постановление Правительства Приморского края от 27.12.2024 № 948-пп «Об утверждении региональной программы Приморского края “Научно-технологическое и инновационное развитие экономики Приморского края”» // URL: <https://garant25.ru/garantconnect/411228633/> (дата обращения: 12.01.2025).

ный план по достижению национальных целей развития Российской Федерации, приобретающий особое значение в системе документов стратегического планирования, поскольку в соответствии с национальными целями в него включены государственные программы, национальные проекты по их достижению, система показателей, индикаторы факторов достижения национальных целей развития, предусмотрена ежегодная корректировка плана и увязка с бюджетным процессом»³⁸.

Во-вторых, неизбежно возникнет целый ряд вопросов о соотношении положений Закона о технологической политике с отдельными кодексами и неcodифицированными федеральными законами, особенно с БК РФ, НК РФ, ТК РФ, Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», Федеральным законом от 04.08.2023 № 478-ФЗ «О развитии технологических компаний в Российской Федерации». Представляется, что в первую очередь необходимо исходить из специального характера Закона о технологической политике и его первичности при регулировании соответствующих отношений.

В-третьих, отдельной проблемой является мониторинг активно принимаемых в настоящее время региональных программ научно-технологического развития в целях установления степени их корреляции с федеральными актами стратегического планирования в области технологического суверенитета.

В-четвертых, еще одной проблемой управленческого характера, верно подмеченной С. В. Кабышевым, является ситуация, когда «существующие институты поддержки инноваций (в частности, НОЦ, ИНТЦ, особые экономические зоны технико-внедренческого типа, наукограды и т.п.) разведены по разным ведомствам, функционируют и развиваются вне системных связей»³⁹. Это объективно порождает асинхронность и рассогласованность в их работе при общности стратегических целей и решаемых задач. В частности, индустриальные (промышленные) парки и технопарки подчиняются

Министерству промышленности и торговли РФ, особыми экономическими зонами технико-внедренческого типа управляет Министерство экономического развития РФ, а научно-образовательные центры федерального значения подотчетны Министерству науки и высшего образования РФ.

Поскольку Россия вступила в стадию практического осуществления мер по развитию технологического суверенитета, необходимо скорейшее решение названных правовых проблем путем обеспечения системности и гармонизации нормативных и иных юридических регуляторов, а также рационализации организационно-управленческих решений в этой особой сфере отношений. Данное направление очень важное, но его недостаточно для обеспечения эффективности действия правовых основ технологического суверенитета нашей страны. В этой связи обозначим еще несколько направлений работы, которые целесообразно методично претворять в жизнь в ближайшее время.

Заключение (или о перспективах совершенствования правового регулирования технологического суверенитета)

Отрадно, что Закон о технологической политике в качестве одной из мер государственного стимулирования акторов технологического суверенитета предусмотрел поддержку в рамках установления экспериментальных правовых режимов (п. 2 ст. 22). Основа использования таких режимов опережающего или пилотного (пробного) регулирования, имеющих ограниченное временное и (или) пространственное действие, была заложена в Федеральном законе от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»⁴⁰. Теперь актуально масштабирование этой практики на регламентацию новых общественных отношений либо общественных отношений, которые преобразовались под воздействием технологических изменений. Более того, уже есть вполне успешные примеры формализации эксперимен-

³⁸ Андреева Л. В. Меры по реализации государственной политики по достижению технологического суверенитета России: правовой аспект // Россия и мир: развитие цивилизаций. Мир, страна, университет — 25 лет развития : материалы XIV Международной научно-практической конференции (3–4 апреля 2024 г.) / под ред. М. А. Булавиной. М. : Издательский дом УМЦ, 2024. С. 87.

³⁹ Кабышев С. В. Указ. соч. С. 926.

⁴⁰ СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

тальных правовых режимов, имеющих как федеральную⁴¹, так и региональную⁴² сферу действия и срочный характер (в основном три года).

Перспективным вектором работы является усиление технологической интеграции с дружественными странами в рамках международных организаций с их участием (ЕАЭС, ШОС, БРИКС) либо на двусторонней основе, включая научно-технологический экспорт в эти страны. Определенные действия в этом направлении уже предпринимаются и дают некоторые (порой скромные) результаты⁴³. Актуальность такой деятельности осознают и наши зарубежные партнеры. Например, по свидетельству Е. В. Медейко и Е. А. Савиновой, 24–25 мая 2023 г. в Москве в рамках Евразийского экономического форума прошла сессия «Новая промышленная политика: технологический суверенитет и международная кооперация», на которой было заявлено о том, что для преодоления технологической отсталости страны ЕАЭС должны разработать систему мер, направленных на улучшение технологического парт-

нерства, хотя единых правовых актов в области технологической политики в ЕАЭС пока нет⁴⁴.

Безусловно, важно также изучение передового зарубежного опыта, лучших практик реализации технологического суверенитета или близких политик. Но необходимо понимать: Россия сегодня оказалась в беспрецедентных условиях и решения многочисленных экономических и научно-технологических проблем вырабатывает сама, без чьей-либо помощи. Сложно не согласиться с Е. С. Янковской в том, что неодинаковость понимания и содержательного наполнения «технологического суверенитета» объективно обусловлена «неоднозначностью его целей и задач, условий и механизмов обеспечения не только в разных странах мира, но и в отдельные периоды времени, в отдельных сферах экономики в одной и той же стране»⁴⁵. Реагируя на новые вызовы и преодолевая многочисленные барьеры, Россия формирует свой передовой и уникальный правовой опыт, в то время как слепое копирование чужих готовых решений зачастую бывает неуместным и рискованным.

⁴¹ Постановление Правительства РФ от 16.09.2023 № 1510 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации сельскохозяйственных беспилотных авиационных систем» // СЗ РФ. 2023. № 39. Ст. 7025 ; постановление Правительства РФ от 17.10.2022 № 1849 (ред. от 21.09.2024) «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств в отношении реализации инициативы “Беспилотные логистические коридоры”» // СЗ РФ. 2022. № 43. Ст. 7409.

⁴² Постановление Правительства РФ от 17.02.2024 № 185 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем в г. Иннополисе (Республика Татарстан)» // СЗ РФ. 2024. № 9. Ст. 1238 ; постановление Правительства РФ от 14.02.2023 № 211 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по выдаче электронного разрешения на добычу охотничьих ресурсов на территории Новосибирской области» // СЗ РФ. 2023. № 8. Ст. 1320.

⁴³ Аничкин Е. С., Васильев А. А., Куликов Е. А., Резинкин А. Ю., Серебряков А. А. Правовое регулирование международного научного и научно-технического партнерства в рамках Шанхайской организации сотрудничества : монография. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2022.

⁴⁴ Медейко Е. В., Савинова Е. А. Сравнительно-правовой анализ регулирования технологической политики в Евразийском экономическом союзе и Европейском Союзе в свете разработки законопроекта «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 3 (64). С. 43.

⁴⁵ Янковская Е. С. Технологический суверенитет России: понятие, сущность, стратегия и пути ее реализации // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2022. № 4 (84). С. 80.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева Л. В. Меры по реализации государственной политики по достижению технологического суверенитета России: правовой аспект // Россия и мир: развитие цивилизаций. Мир, страна, университет — 25 лет развития : материалы XIV Международной научно-практической конференции (3–4 апреля 2024 г.) / под ред. М. А. Булавиной. М. : Издательский дом УМЦ, 2024. С. 85–88.

Аничкин Е. С., Васильев А. А., Куликов Е. А., Резинкин А. Ю., Серебряков А. А. Правовое регулирование международного научного и научно-технического партнерства в рамках Шанхайской организации сотрудничества : монография. Барнаул : Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2022. 372 с.

Артёмов Н. М., Ситник А. А. Противодействие антироссийским санкциям в платежной и валютной сферах // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 6. С. 48–62.

Баламирзоев Н. Л. Стратегия технологического суверенитета России // Механизм реализации стратегии социально-экономического развития государства : сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции / под ред. А. М. Эсетовой. Махачкала, 2022. С. 52–55.

Бородушко И. В. Технологический суверенитет России: теоретико-правовые основы, механизмы достижения // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2023. № 3 (43). С. 86–96.

Гущина Е. А., Макаренко Г. И., Сергин М. Ю. Обеспечение информационно-технологического суверенитета государства в условиях развития цифровой экономики // Право.бу. 2018. № 6 (56). С. 59–63.

Залоило М. В. Правовые проблемы обеспечения технологического суверенитета // Journal of Digital Technologies and Law. 2024. № 2 (3). С. 500–520.

Кабалинский А. И. Правовое обеспечение политики импортозамещения на национальном и региональном уровне в условиях геостратегических вызовов // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 5А. С. 67–74.

Кабышев С. В. Правовая стратегия научно-технологического развития Российской Федерации // Вестник Российской академии наук. 2023. Т. 93. № 10. С. 923–929.

Калиненко Н. Л. Импортозамещение и технологический суверенитет // Образование и право. 2023. № 11. С. 87–91.

Лапаева В. В. Технологический суверенитет России: правовые проблемы // Научно-исследовательские исследования. 2023. № 2. С. 60–72.

Матюк Ю. С. Правовая политика в сфере использования систем искусственного интеллекта в контексте обеспечения технологического суверенитета страны // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2024. Т. 11. № 1. С. 39–44.

Медейко Е. В., Савинова Е. А. Сравнительно-правовой анализ регулирования технологической политики в Евразийском экономическом союзе и Европейском Союзе в свете разработки законопроекта «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 3 (64). С. 39–47.

Петрова Г. В. Финансово-правовое регулирование управления оборонно-промышленным комплексом в обеспечении технологического суверенитета России // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 1. С. 67–73.

Плотникова И. Н. Конституционные основы экономического суверенитета Российского государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 3 (158). С. 42–48.

Танимов О. В., Арнаутова А. А. Правовое обеспечение экономического суверенитета современного государства // Финансовое право. 2024. № 8. С. 6–9.

Янковская Е. С. Технологический суверенитет России: понятие, сущность, стратегия и пути ее реализации // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2022. № 4 (84). С. 76–81.

REFERENCES

Andreeva LV. Measures to implement the state policy to achieve technological sovereignty of Russia: the legal aspect. In: Bulavina MA. Russia and the world: the development of civilizations. World, country, university — 25 years of development: Proceedings of the 14th International Scientific and Practical Conference (April 3–4, 2024). Moscow: UMTs Publ.; 2024. (In Russ.).

Anichkin ES, Vasilyev AA, Kulikov EA, Rezinkin AYU, Serebryakov AA. Legal regulation of international scientific and technical partnership within the framework of the Shanghai Cooperation Organization. Barnaul: Altai State University Publ.; 2022. (In Russ.).

Artemov NM, Sitnik AA. Countering Anti-Russian Sanctions in Payment and Currency Fields. *Actual Problems of Russian Law*. 2022;17(6):48-62. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2022.139.6.048-062.

Balamirzoev NL. Technological sovereignty strategy of Russia. In: Esetova AM (ed.). Mechanism for the implementation of the strategy of socio-economic development of the state. Proceedings of the 14th International Scientific and Practical Conference. Makhachkala; 2022. (In Russ.).

Borodushko IV. Technological sovereignty of Russia: theoretical and legal frameworks, mechanisms of achievement. *National Security and Strategic Planning*, 2023;3(43). С. 86–96.

Gushchina EA, Makarenko GI, Sergin MYu. Ensuring information and technological sovereignty of the state under the conditions of development of digital economy. *Pravo.by*. 2018;6(56):59-63. (In Russ.).

Kabalinskiy AI. Legal support of import substitution policy at the national and regional levels in the context of geostrategic challenges. *Matters of Russian and International Law*. 2024;14(5A):67-74. (In Russ.).

Kabyshev SV. Science and society legal strategy of scientific and technological development of Russian Federation. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2023;93(10):923-929. (In Russ.).

Kalinenko NL. Import substitution and technological sovereignty. *Education and Law*. 2023;11:87-91.

Lapaeva VV. Technological sovereignty of Russia: legal issues. *Naukovedciskie issledovaniya*. 2023;2:60-72. (In Russ.).

Matyuk YuS. Legal policy in the field of use of artificial intelligence systems in the context of ensuring the technological sovereignty of the country. *Bulletin of the law faculty, Southern Federal University*. 2024;11(1):39-44.

Medeyko EV, Savinova EA. Comparative legal analysis of the regulation of technological policy in the Eurasian Economic Union and the European Union in the light of the development of the draft law «On technological policy in the Russian Federation and on amending certain legislative acts of the Russian Federation». *Law. Safety. Emergency Situations*. 2024;3(64):39-47. (In Russ.).

Petrova GV. Financial and Legal Regulation of the Management of the Military-Industrial Complex in Ensuring the Technological Sovereignty of Russia. *Economic Problems and Legal Practice*. 2023;19(1):67-73. (In Russ.). DOI: 10.33693/2541-8025-2023-19-1-67-73.

Plotnikova IN. Constitutional Foundations of Economic Sovereignty of the Russian State. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2024;3(158):42-48. (In Russ.).

Tanimov OV, Arnautova AA. Legal regulation of economic sovereignty of a modern state. *Financial Law*. 2024;8:6-9. (In Russ.).

Yankovskaya ES. Technological Sovereignty of Russia: Concept, Essence, Strategy and Ways of its Implementation. *Scientific letters of Russian Customs Academy St. Petersburg branch named after Vladimir Bobkov*. 2022;4(84):76-81. (In Russ.).

Zaloilo MV. Legal issues of ensuring technological sovereignty. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024;2(3):500-520. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аничкин Евгений Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права, директор Юридического института Алтайского государственного университета
д. 61, Ленина пр., г. Барнаул 656049, Российская Федерация
rrd231@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy S. Anichkin, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law, Director of the Law Institute of Altai State University, Barnaul, Russian Federation
rrd231@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 12 февраля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 16 марта 2025 г.
Принята к печати 15 марта 2026 г.

Received 12.02.2025.
Revised 16.03.2025.
Accepted 15.03.2026.

Недостатки правового регулирования представительства: исторические корни и современные решения

Резюме. В статье анализируется необходимость четкого разграничения категорий представительства — полномочия и поручения. Автор предлагает рассматривать поручение не только как элемент договора, но и как самостоятельную правовую категорию, которую следует закрепить в ст. 182 ГК РФ наравне с полномочием. Подчеркивается, что представительство без поручения обязывает к пассивности, а поручение «активирует» полномочие.

Доказано, что современное регулирование (ст. 174 и 183 ГК РФ) ошибочно заменяет «поручение» на «договорные ограничения», создавая пробелы. Предлагается разграничить ст. 183 ГК РФ — для отсутствия (превышения) полномочий — и ст. 174 ГК РФ — для нарушений поручения. Исторический анализ показывает, что полномочия из обстановки (действия продавца, кассира) относятся к принятию исполнения (ст. 312 ГК РФ), а не к сделкам. Автор предлагает исключить абз. 2 п. 1 ст. 182 ГК РФ, перенести его в ст. 312 Кодекса, что меняет подход к рассматриваемому институту. Критикуется расширение представительства на юридические поступки (уведомления, претензии) как возврат к доктрине XIX в. Отмечается межотраслевая природа исследуемого института при единых гражданско-правовых основаниях возникновения полномочий.

Ключевые слова: представительство; полномочия; поручение; доверенность; сделки; договор поручения; конклюдентное уполномочие; видимые полномочия; исполнение обязательства; полномочия из обстановки; представитель; представляемый

Для цитирования: Кораев К. Б. Недостатки правового регулирования представительства: исторические корни и современные решения. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 4. С. 30–45. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.030-045

Shortcomings in the Legal Regulation of Representation: Historical Roots and Modern Solutions

Konstantin B. Korayev

St. Petersburg State University of Economics

St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The paper examines the need for a clear conceptual distinction between the categories of representation, namely: authority and mandate. The author proposes treating the mandate not merely as an element of a contract but as an independent legal category that should be expressly incorporated into the Civil Code of the Russian Federation (Article 182) alongside authority. It is emphasized that representation without a mandate entails an obligation of «passivity», whereas the mandate «activates» the authority. The author demonstrates that current regulation (Articles 174 and 183 of the Civil Code of the Russian Federation) erroneously substitutes «mandate» with «contractual restrictions», thereby creating doctrinal and practical gaps. A distinction is proposed whereby Article 183 of the Civil Code should apply to cases involving the absence or excess of authority, while Article 174

should govern violations of a mandate. A historical analysis shows that authority arising from circumstances (e.g., the actions of a salesperson or cashier) pertains to the acceptance of performance (Article 312 of the Civil Code of the Russian Federation), rather than to the conclusion of transactions. The author therefore proposes deleting paragraph 2 of Clause 1 of Article 182 of the Civil Code and transferring its substance to Article 312, thereby fundamentally revising the conceptual approach to the institution. The paper further criticizes the expansion of representation to encompass juridical acts (such as notices and claims), viewing this as a return to nineteenth-century doctrine. At the same time, the author underscores the cross-sectoral nature of the institution of representation, while maintaining the unity of its civil-law foundations for the emergence of authority.

Keywords: representation; authority; assignment; power of attorney; transactions; assignment agreement; special authority; visible authority; performance of the obligation; powers from the situation; representative; represented

Cite as: Koraev KB. Shortcomings in the Legal Regulation of Representation: Historical Roots and Modern Solutions. *Lex russica*. 2026;79(4):30-45. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.030-045

Введение

Институт представительства дает возможность одному лицу совершать сделки от имени другого. Это позволяет субъекту права выйти за пределы своей физической личности, так как, находясь в одном географическом месте, он может совершать сделки через своих представителей в других географических местах.

Современное регулирование представительства характеризуется следующими особенностями.

Представительство — самостоятельный институт гражданского права, не зависящий от конкретного вида договора. Оно может быть обусловлено заключением различных договоров: поручения, оказания услуг по судебному представительству, транспортной экспедиции и т.д. Именно поэтому положения о представительстве закреплены в отдельной главе общей части ГК РФ (гл. 10).

Несмотря на то что представительство может основываться на различных договорах, необходимо строго различать полномочие и договорное отношение между лицом, дающим полномочие и его получающим. Судьба указанного договорного отношения не определяет судьбу полномочия: последнее может быть действительным и при признании договора между представляемым и представителем недействительным; оно может сохранять свою силу и по прекращении этого договора¹.

Понятие представительства в законодательстве прямо не раскрыто, однако установлено,

что сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу *полномочия*, основанного на доверенности, указании закона либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого (п. 1 ст. 182 ГК РФ).

Содержание данной нормы позволяет заключить, что в основе отношений представительства лежит категория «полномочие», под которой следует понимать возможность совершать сделки от имени другого лица. Чтобы третье лицо могло обладать такой возможностью, его следует наделить полномочием.

Представительство возникает исключительно по поводу совершения сделок (п. 1 ст. 182 ГК РФ).

Эволюция института представительства в гражданском праве России и зарубежных стран

Институт представительства, в противоположность многим институтам гражданского права, отличается преимущественно космополитическим характером, объясняемым однородностью потребностей, вызвавших его возникновение в современном гражданском обороте². Поэтому при его исследовании необходимо учитывать опыт зарубежного законодательства.

В отличие от многих институтов гражданского права, институт представительства не-

¹ Шерешевский И. В. Представительство. Поручение и доверенность : Комментарии к статьям 38–40 и 251–275 Гражданского кодекса. М. : Право и жизнь, 1925. С. 20.

² Нерсесов Н. О. Понятие добровольного представительства в гражданском праве. М. : Тип.-лит. И. И. Смирнова, 1878. С. 175.

возможно понять, не изучив его историческую эволюцию, поскольку многие дискуссионные вопросы современного представительства являются прямым следствием его исторического развития. К сожалению, данный аспект не всегда учитывается в научных исследованиях.

В связи с этим для правильного понимания сущности института представительства необходимо детально рассмотреть процесс его генезиса и эволюции в нормативно-правовых системах и доктринальных источниках как России, так и зарубежных государств.

Римскому праву не был известен институт представительства, где одно лицо действует от имени другого. Вместо этого использовался договор поручения: поверенный приобретал права от своего имени, а затем передавал их доверителю.

В начале XIX в. начали появляться нормы, допускающие представительство — совершение сделок от чужого имени. Они развивались в рамках договора поручения, который, в отличие от римского права, разрешал поверенному действовать от имени доверителя. До конца XIX в. представительство было неразрывным элементом правового регулирования отношений, возникающих из договора поручения³. В это время договор поручения принято было именовать «договор поручения или доверенности». Связь была настолько тесной, что такое наименование (*le mandat ou procuration*) сохраняется даже в современном французском праве (ст. 1984 Французского гражданского кодекса (далее — ФГК)).

Например, в Прусском земском уложении 1794 г., Австрийском гражданском уложении 1811 г., Саксонском гражданском кодексе 1863 г. была закреплена возможность поверенного вести дела (не только совершать сделки) от имени доверителя. При этом правила о представительстве содержались в разделах, нормы которых регулировали договор поруче-

ния. Более точно институт представительства стал определяться в Общегерманском торговом уложении 1861 г., которое провело строгое различие между полномочием, выдача которого порождала отношения представительства, и самим поручением, устанавливая для каждого института отдельные нормы, хотя и употребляя иногда соответствующие термины как синонимы⁴.

Нормы гражданского законодательства Франции XIX в. регулировали представительство, закрепляя соответствующие положения в договоре поручения и доверенности (ст. 1984 ФГК).

В законодательстве Российской империи XIX в. также существовали нормы о представительстве. Они содержались в Своде законов гражданских (т. X, ч. 1 Свода законов Российской империи⁵) и Уставе торговом (т. XI, ч. 2 Свода законов Российской империи⁶). Анализ гл. II разд. 4 кн. 4 Свода законов гражданских («О доверенности и верующих письмах») позволяет сделать вывод, что под доверенностью понимался договор⁷, по которому одно лицо действовало от имени и по поручению другого. Согласно ст. 32 Устава торгового посредством выдачи доверенности заключался договор торговой доверенности, дававшей право на осуществление торговли или таможенных операций (не только сделки) от имени доверителя. Следовательно, в отличие от зарубежного права, революционное российское законодательство квалифицировало не представительство как часть поручения, а наоборот — поручение как составной элемент представительства. Однако эта особенность имела второстепенный характер, поскольку в тот период представительство еще не являлось самостоятельным институтом гражданского права.

Таким образом, правовое регулирование представительства в XIX в. характеризуется следующими особенностями.

³ Шерешевский И. В. Указ. соч. С. 11.

⁴ Цит. по: Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего сената и комментариями русских юристов / сост. И. М. Тютрюмов. Книга вторая // URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/34/page_53.html.

⁵ URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/167.html>.

⁶ URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/250/975.html>.

⁷ «К разряду обязательств, относящихся к личным услугам, следует причислить также договор доверенности как сделку, в силу которой одна сторона, поверенный, принимает на себя обязанность совершить за другую, доверителя, какое-либо гражданское действие». См.: Пахман С. В. Обычное гражданское право в России : юридические очерки. СПб. : 1877. Т. 1 : Собственность, обязательства и средства судебного охранения. С. 237.

1. Представительство не являлось самостоятельным институтом гражданского права, а было элементом договора поручения. Поэтому ни в одном правовом акте того времени нормы о представительстве не были закреплены в отдельном разделе общей части гражданского законодательства.

2. Поскольку представительство было неотъемлемо связано с договором поручения, круг действий, совершаемых представителем, был значительно шире современного. Он включал не только сделки (как в современном представительстве), но и юридические поступки (исполнение обязательства, прием исполнения и т.д.), а также фактические действия.

В рассматриваемый период юридическая наука в области представительства опережала законодательство. Правовая доктрина уже предлагала более прогрессивные концепции, но их закрепление в нормативных актах произошло гораздо позже.

Особое внимание уделялось независимости института представительства от иных договорных форм. Именно поэтому исследователи активно стремились отграничить его от смежных явлений⁸ — прежде всего от договора поручения, а также от фактического и юридического соучастия, действий посланников, договоров в пользу третьих лиц и других подобных институтов⁹.

Отмечалось, что представительство состоит только в заключении сделок¹⁰.

Следующим этапом развития отечественного института представительства стало издание проекта Гражданского уложения Российской империи¹¹. Его составители не учли достижения юридической науки, и отношения представительства по-прежнему оставались связанными с договором поручения. Статья 505 (2035 в поздней редакции) названного проекта содержит

легальное определение договора доверенности или поручения¹². По этому договору доверитель уполномочивает действовать от его имени и за его счет другое лицо (поверенного), которое принимает исполнение возлагаемого на него поручения безвозмездно или за вознаграждение. Из текста указанной статьи также следует, что предметом представительства являются действия (фактические и юридические), а не только сделки.

Предложенный проект Гражданского уложения подвергся критике. Приват-доцент Л. С. Таль обоснованно писал, что с середины XIX в. после исследования Иеринга, Лабанда и др. в науке гражданского права твердо установился взгляд, что понятия «полномочие» и «поручение» не тождественны и не составляют, как раньше думали, двух сторон одного и того же отношения. Поручением называется договор между доверителем и поверенным, полномочием же — волеизъявление, которым одно лицо признает другое в известных пределах своим представителем. Полномочие является самостоятельным институтом, который, хотя и обыкновенно соединяется с поручением и нередко имеет одинаковое с ним содержание, может и не совпадать с ним. Следовательно, полномочие поэтому не может рассматриваться как элемент договора поручения. Оно составляет тесно связанное с ним, но самостоятельное волеизъявление. Начиная с швейцарского Закона 1881 г. об обязательствах, все без исключения гражданские кодексы и проекты отделяют полномочие от договора поручения и закрепляют его в общей части в связи с представительством. Лишь названный проект почему-то вернулся к прежней, осужденной теорией и практикой системе, излагая постановления о полномочиях в главе о договоре поручения¹³.

⁸ Современная доктрина рассматривает представительство как самостоятельный институт гражданского права, и его независимость по отношению к перечисленным институтам очевидна и бесспорна. Однако в силу исторической инерции учебная литература по-прежнему акцентирует этот момент, хотя сегодня он не имеет прежней актуальности.

⁹ *Нерсесов Н. О.* Указ. соч. С. 1–74; *Казанцев Л. Н.* Учение о представительстве в гражданском праве: кандидатское рассуждение. Ярославль: Тип. Г. В. Фальк, 1878. С. 3–97.

¹⁰ *Казанцев Л. Н.* Указ. соч. С. 121.

¹¹ Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Т. 3. Ст. 505–718. СПб.: Гос. тип., 1899.

¹² В отличие от российской практики, зарубежные кодификации акцентировали внимание именно на поручении, в связи с чем соответствующие договоры назывались договорами поручения или доверенности.

¹³ *Таль Л. С.* Договор доверенности или поручения в проекте гражданского уложения // *Право.* 1911. № 12. С. 737–741.

Следующий этап развития отечественного института представительства связан с советским периодом.

1 января 1923 г. был введен в действие ГК РСФСР, нормы которого ознаменовали существенный шаг вперед в правовом регулировании представительства. Оно впервые было квалифицировано как самостоятельный институт гражданского права, а нормы о нем разместили в общей части Гражданского кодекса. Кроме того, было установлено, что представительство может возникать только в связи с совершением сделок (ст. 39 ГК РСФСР 1922 г.).

Между тем не все нормы, касающиеся представительства, были размещены в общей части Кодекса. В частности, положения о доверенности как основании возникновения отношений представительства остались в особенной части. Тем не менее прогрессивным стало отделение этих норм от правил о договоре поручения и признание доверенности односторонней сделкой (гл. IX ГК РСФСР 1922 г. состояла из разд. А «Поручение» и разд. Б «Доверенность»).

Только с принятием ГК РСФСР 1964 г. правовое регулирование отношений представительства приобрело современные черты. В гл. 4 «Представительство и доверенность» Кодекса были закреплены не только нормы, касающиеся представительства, но и положения о доверенности как основании его возникновения. С этого момента в отечественном законодательстве институт представительства окончательно обособился от договора поручения, в рамках которого он изначально возник.

Таким образом, институт представительства эволюционировал от полного отсутствия в римском праве (где использовался лишь договор поручения с действиями от своего имени) к постепенному признанию в XIX в. возможности совершать сделки от чужого имени, хотя и в рамках договора поручения. К началу XX в. юридическая наука обособила представительство как самостоятельный институт, однако в российском проекте Гражданского уложения эта прогрессивная идея не была учтена. Лишь в советский период, особенно с принятием ГК РСФСР 1964 г., представительство окончательно отделилось от поручения, приобретая современ-

ные черты с четким разделением полномочия и договора поручения¹⁴.

Полномочие и поручение как неотъемлемые категории института представительства

Изначальная связь представительства с поручением не была случайной, однако этот аспект упускается в исследованиях. Основной недостаток современного регулирования — искусственная отделенность представительства от поручения, что нарушает их историческую и функциональную взаимосвязь. Подобно тому как полномочие приобрело универсальный и абстрактный характер, поручение также должно стать аналогичной обобщенной категорией для представительства. После исторического разделения, которое прошли данные категории, их необходимо вновь соединить в новом качестве — как универсальные правовые категории, независимые от основания своего возникновения. Это поможет повысить эффективность норм о представительстве.

Обособление представительства от договора поручения проявляется в том, что «полномочие... может существовать независимо от договорной обязанности и ни к чему не обязывать»¹⁵. Например, гражданин, уезжая на долгий срок в другую страну, может оставить своему родственнику доверенность на совершение сделок с имуществом.

В данном случае между лицами существуют исключительно отношения представительства, основанные на односторонней сделке (доверенности), тогда как договорные отношения, устанавливающие поручение действовать в рамках предоставленного полномочия, отсутствуют.

Следовательно, полномочие вне поручения обязывает представителя к пассивности — к воздержанию от реализации предоставленных полномочий. Метафорически выражаясь, в таком состоянии представительство напоминает «спящий вулкан», пробудить который способно только поручение. Именно поэтому в теории представительства особую значимость приобретает исследование поручения как универсальной правовой категории, выходящей за рамки договора поручения.

¹⁴ Во Франции данное разделение произошло в 2016 г. в соответствии с Декретом № 2016-131 от 10.02.2016. До принятия этого Декрета ФГК не предусматривал единого общего режима представительства. См.: *Lecourt A. Fiches de droit des obligations. 7e éd. Éditions Ellipses, 2023.*

¹⁵ *Шерешевский И. В. Указ. соч. С. 19.*

Поручение в рамках представительства представляет собой указание совершить сделку. Такое понимание отличается от его трактовки в контексте договора поручения, комиссии или агентского договора, где оно может включать, помимо сделок, также фактические действия и юридические поступки (например, принятие исполнения, уведомление контрагента).

В отличие от полномочия, которое возникает из односторонней сделки и не обязывает представителя к активности, поручение, напротив, основывается прежде всего на договоре, поскольку создает для представителя обязанность действовать. В отношении законного представительства поручение, подобно полномочию, устанавливается законом. Согласно п. 2 ст. 31 ГК РФ опекуны и попечители выступают в защиту прав и интересов своих подопечных в отношениях с любыми лицами, в том числе в судах, без специального полномочия¹⁶. Данная норма возлагает на законных представителей обязанность действовать в защиту прав и интересов своих подопечных, что фактически является поручением.

Вместе с тем, как и полномочие, поручение носит универсальный характер, проявляющийся в его независимости от конкретного договора. Оно может быть закреплено не только в договоре поручения, но и в других договорных конструкциях: в договоре на оказание юридических услуг (конкретизирующем спор в рамках общей доверенности), договоре транспортной экспедиции (абз. 2 п. 1 ст. 801 ГК РФ), трудовом договоре (дающем руководителю право давать поручения на совершение конкретных сделок в рамках общей доверенности) и т.д.

Таким образом, выдача полномочия влечет возникновение отношений представительства, в рамках которых возникает единственное обязательство: представляемый имеет право требовать, а представитель обязан не совершать сделки без соответствующего поручения. Только после принятия поручения у представителя появляется возможность использовать полномочие для совершения сделок с третьими лицами от имени представляемого. Данная идея

находит свое отражение в законодательстве Китая. Так, согласно ст. 163 ГК КНР, принятого в 2020 г., представитель по доверенности осуществляет свои полномочия в соответствии с поручением представляемого¹⁷.

Действующее законодательство предусматривает правовые последствия заключения сделок в случае отсутствия полномочий или при их превышении (ст. 183 ГК РФ). Аналогично этому представитель может совершить сделки при наличии полномочий, но без поручения или за его пределами. Действующее законодательство также предусматривает правовые последствия совершения таких сделок, несмотря на то что не оперирует категорией поручения. Они установлены в ст. 174 ГК РФ, в которой законодатель вместо упоминания категории поручения использует словосочетание «полномочия... ограничены договором».

Очевидно, что подобная замена терминов не позволит создать эффективную модель регулирования.

Во-первых, на практике возникают сложности в разграничении формулировок, а следовательно, в определении норм, которые необходимо применять:

— «отсутствие полномочий действовать или превышение таких полномочий» (ст. 183 ГК РФ);

— «полномочия... ограничены договором... за пределы этих ограничений» (ст. 174 ГК РФ).

Во-вторых, как быть в приведенном выше примере, когда у представителя есть полномочия, но нет поручения (а значит, и договора, ограничивающего полномочия)? Или как поступить в ситуации, когда работнику выдана доверенность, но не давалось поручение на совершение сделки? В данном случае имеется трудовой договор, но в нем нет условий об ограничении полномочий. Буквальное толкование норм ст. 174 ГК РФ не позволяет применить их к описанным случаям.

Как представляется, указанные недостатки правового регулирования можно устранить, используя категорию поручения. Тогда система норм станет более логичной:

¹⁶ Необходимо отметить, что приведенное положение расходится с ч. 2 ст. 15 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве». Согласно указанной норме опекуны являются законными представителями своих подопечных и вправе выступать в защиту прав и законных интересов своих подопечных в любых отношениях без специального полномочия. Здесь защита прав и законных интересов подопечных является субъективным правом, а не обязанностью, что находится в противоречии с п. 2 ст. 31 ГК РФ и представляется спорным.

¹⁷ URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E6%B0%91%E6%B3%95%E5%85%B8/19435116#2-5>.

— ст. 183 ГК РФ будет применяться при нарушении пределов полномочий;

— ст. 174 ГК РФ — при нарушении пределов поручения.

Кроме того, включение в ст. 174 ГК РФ категории поручения вместо формулировки «полномочия... ограничены договором» позволит распространить ее действие на все случаи нарушения поручения, а не только на их часть — «договорное ограничение полномочий».

Следует установить также ответственность представителя за убытки, причиненные представляемому в связи с заключением сделки при наличии полномочий, но без поручения.

На основании изложенного представляется целесообразным дополнить ст. 182 ГК РФ следующим пунктом:

«Представитель не может совершать сделки от имени представляемого без принятия от него поручения на их совершение.

Убытки, возникшие в результате совершения сделки с нарушением правил, установленных в абзаце первом настоящего пункта, и на которую представляемый не дал согласия, подлежат возмещению представителем».

Необходимо дополнить гл. 10 ГК РФ статьей «Общие положения о поручении» следующего содержания:

«1. Поручением признается указание совершить сделку, исходящее от одного лица и принимаемое другим лицом или другими лицами на основании договора или иного правового основания для представительства перед третьими лицами.

2. Поручения от имени малолетних (ст. 28) и от имени недееспособных граждан (ст. 29) выдают их законные представители.

3. В случае принятия поручения несколькими представителями каждый из них самостоятелен в его исполнении, если договором или существом поручения не предусмотрено, что представители исполняют его совместно.

4. Правила настоящей статьи соответственно применяются также в случаях, если поручение выдано несколькими лицами совместно».

Кроме того, требует изменения п. 1 ст. 174 ГК РФ:

«1. Если имеющий полномочие представитель при совершении сделки действовал без

поручения или вышел за пределы принятого поручения, такая сделка может быть признана судом недействительной по иску представляемого лишь в случаях, когда доказано, что другая сторона сделки знала или могла знать об отсутствии поручения или о его содержании»¹⁸.

Полномочия из обстановки и видимость полномочий

В большинстве случаев полномочия представителя основываются на юридических фактах и состояниях, указанных в абз. 1 п. 1 ст. 182 ГК РФ, к которым относятся:

1) доверенность, которая представляет собой одностороннюю сделку. При этом следует различать:

— доверенность как сделку (т.е. действие представляемого по выдаче полномочия) (п. 1 ст. 185 ГК РФ);

— доверенность как документ, в котором фиксируется волеизъявление представляемого (ст. 185.1 ГК РФ);

2) акт уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, который представляет собой одностороннюю сделку по аналогии с доверенностью;

3) иные основания, указанные в законе (например, законные представители, капитаны судов и т.д.).

Отдельно в абз. 2 п. 1 ст. 182 ГК РФ в качестве основания возникновения полномочий указывается обстановка, в которой действует представитель (продавец в розничной торговле, кассир и т.п.). Как обоснованно отмечается, эта норма позволяет наделить полномочием другое лицо посредством помещения его в такую обстановку, из которой явствуют его полномочия (конклюдентное уполномочие). Если хозяин магазина поручает кому-то встать за прилавок или сесть за кассу, данное лицо будет обладать полномочиями и без выдачи ему письменной доверенности. Из обстановки, в которой действуют такие лица, третьи лица могут сделать вывод не только о наличии полномочия, но и о его объеме¹⁹.

Указанный вид полномочий впервые был разработан немецкой доктриной и получил

¹⁸ Автор предлагает данную редакцию без учета норм о представительстве органов юридического лица, поскольку вопрос применения к ним положений о представительстве выходит за рамки настоящего исследования.

¹⁹ Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. С. 487–488.

название «молчаливое (конклюдентное) уполномочие» (*stillschweigende Bevollmächtigung*)²⁰, поскольку оно основано не на письменной доверенности, а на поведении субъектов отношений представительства. От этого вида полномочий следует отличать «*видимое полномочие*» (*Vollmacht kraft Rechtsscheins*), которое подразделяется на «*кажущееся*» (*Anscheinsvollmacht*) и «*дозволительное*» (*Duldungsvollmacht*)²¹.

Существенное различие названных видов полномочий связано с тем, что в первом случае представитель имеет полномочия от представляемого (кассир в магазине в силу обстановки обладает полномочиями), а во втором у него нет полномочий (например, доверенность отменена). Несмотря на это, в последнем случае ввиду видимости полномочий для третьего лица законодатель устанавливает правовые последствия, как если бы полномочия существовали.

Таким образом, «полномочия из обстановки» («молчаливое (конклюдентное) полномочие») и «видимые полномочия» представляют собой разные аспекты учения о представительстве. Их необходимо четко различать²², а не отождествлять²³.

Полномочия из обстановки

Нормы о молчаливом представительстве впервые получили законодательное закреп-

ление в России с принятием ГК РСФСР 1964 г. В дореволюционный и советский период до указанной даты данный институт не был известен отечественной правовой системе. В настоящее время механизм возникновения полномочий из фактической обстановки применяется не только в российском, но и в зарубежном праве. В частности, ФГК, хотя и не упоминает прямо такой механизм (немой мандат — *mandat tacite*) в разделе о представительстве, допускает его в рамках других правовых институтов. Например, согласно ст. 1432 ФГК, если один из супругов принимает на себя управление личным имуществом другого с ведома последнего и в то же время в отсутствие возражений с его стороны, считается, что он принял *подразумеваемое поручение* (*mandat tacite*), распространяющееся на сделки по управлению и пользованию этим имуществом, но не на сделки по распоряжению им.

В китайском законодательстве полномочия, вытекающие из обстановки, выражены прямо. В общих положениях о представительстве четко указано, что действия работников юридического лица или неюридической организации при исполнении их трудовых обязанностей в пределах своих полномочий, совершенные от имени юридического лица или неюридической организации, имеют силу для последних. Ограничения полномочий работников юридического лица или неюридической организации

²⁰ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Часть третья : Договоры и обязательства // URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/17/page_63.html.

²¹ Hübner H. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Gesetzbuches. 2. Aufl. Berlin ; New York : de Gruyter, 1996. S. 518 (Rn. 1245).

²² «От конклюдентного уполномочия следует отличать видимость полномочий — ситуации, когда обстоятельства, в которых неуполномоченное лицо действует от имени другого, дают третьим лицам основания полагать, будто оно обладает необходимым полномочиём». См.: Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. С. 488.

²³ Представляется спорным подход, изложенный в разд. 2.2 «Предполагаемые полномочия (полномочия из обстановки)» монографии «Представительство: исследование судебной практики» (Егоров А. В., Папченко Е. А., Ширвиндт А. М. Представительство: исследование судебной практики. М. : Статут, 2016. С. 62–65), где анализ полномочий из обстановки проводится сквозь призму концепции видимого полномочия. Как отмечается в немецкой правовой литературе, необходимым условием применения правил о видимом полномочии является фактическое отсутствие полномочий, основанных как на прямом волеизъявлении, так и на конклюдентных действиях (см.: Schade F. Wirtschaftsprivatrecht: Grundlagen des bürgerlichen Rechts sowie des Handels- und Wirtschaftsrechts. 2. Aufl. Stuttgart : Kohlhammer, 2009. S. 51 (Rn. 121)). На этот подход, ссылаясь на немецкий источник, обращают внимание авторы названной монографии: «...в доктрине [немецкой] предлагается исходить из того, что случаи, когда в помещении лица в какую-либо обстановку, с которой связывается наличие у него полномочий, усматривается наделение полномочиями посредством конклюдентных действий, вообще не должны относиться к числу полномочий, основанных на видимости их существования» (Егоров А. В., Папченко Е. А., Ширвиндт А. М. Указ. соч. С. 64).

не могут быть противопоставлены добросовестному контрагенту (ст. 170 ГК КНР)²⁴.

Германское гражданское уложение (далее — ГГУ), как и ФГК, в общих положениях о представительстве также не содержит нормы о молчаливом (конклюдентном) уполномочии. Однако соответствующие положения находят свое применение в области семейных отношений. Согласно предл. 1 абз. 1 § 1357 ГГУ супруги уполномочены совершать сделки для надлежащего обеспечения жизненных потребностей семьи, которые имеют обязательную силу и для другого супруга. В этом отношении эффект сходен с представительством одним супругом другого. Однако ключевое отличие заключается в том, что действующий супруг также становится правомочным и обязанным. Кроме того, действующему супругу не требуется явно выражать намерение обязать другого. Таким образом, § 1357 обладает особой правовой природой — *молчаливого уполномочия* (stillschweigende Bevollmächtigung)²⁵.

В немецкой правовой системе конклюдентное уполномочивание последовательно реализовано в § 56 Германского торгового уложения (далее — ГТУ), согласно которому лицо, работающее в магазине или на открытом товарном складе, считается уполномоченным на совершение продаж и прием платежей, которые обычно осуществляются в данном магазине или на товарном складе.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ регулирования представительства в России и за рубежом демонстрирует признание на законодательном уровне возможности возникновения полномочий из обстановки.

В российской правовой доктрине возможность наделения полномочиями посредством помещения лица в соответствующую обстановку не вызывает дискуссий. Несмотря на это, представляется спорной обоснованность его применения к отношениям представительства.

Как указывалось выше, положения о молчаливом представительстве появились в законодательстве Германии. В XIX в. случаи так называемого безмолвного или немолчаливого уполномочия (*mandatum tacitum*) упоминались только в прус-

ском законодательстве. В это время считалось, что некоторые лица, состоящие в определенных семейных, хозяйственных или служебных отношениях (близкие родственники, соучастники во владении, управители, официанты и т.п.), имеют право действовать в безотлагательных случаях от имени другого лица на основании предполагаемого уполномочия (*vermutete Vollmacht*) с обязательным последующим уведомлением соответствующего лица, чье молчание служит знаком согласия²⁶.

Возникновение института конклюдентного представительства имеет ключевое значение для точного определения его места в системе норм гражданского права. В этот период отношения представительства являлись неотъемлемой частью договора поручения. Следовательно, предмет таких отношений и договора поручения не разделялся и оставался единым. Он охватывал не только сделки, но и иные юридические либо фактические действия — в зависимости от законодательства того или иного государства.

В связи с этим возникает вопрос: к чему именно на начальном этапе применялся механизм молчаливого уполномочивания — к сделкам, юридическим поступкам (таким как исполнение обязательства или принятие его исполнения) или фактическим действиям?

Прусский закон указывал на некоторые внешние признаки случайного или фактического уполномочия. Так, кто приходит получать деньги за кредитора по обязательству или счету с заранее подготовленной распиской, тот считается уполномоченным на получение денег. Но если кто-то приходит от имени кредитора, имея в руках только обязательство или счет без расписки, то в отношении такого лица можно усомниться в правомерности передачи платежа. Лицу, которому передано для продажи движимое имущество, можно производить платежи за него с уверенностью, но нет основания предполагать, что оно уполномочено предоставлять отсрочку платежа. При этом уполномочие на продажу недвижимости еще не означает, что тому же лицу доверяется получить за нее деньги. Когда приказчик продает в лавке

²⁴ URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E6%B0%91%E6%B3%95%E5%85%B8/19435116#2-5>.

²⁵ *Leipold D.* BGB I: Einführung und allgemeiner Teil : Ein Lehrbuch mit Fällen und Kontrollfragen. 5. Aufl. Tübingen : Mohr Siebeck, 2008. S. 350 (Rn. 7–8).

²⁶ *Победоносцев К. П.* Указ. соч.

товар, предполагается, что ему можно вносить платеж за покупку²⁷.

Следовательно, правовой механизм молчаливого уполномочивания изначально касался принятия исполнения (юридического поступка) (ст. 312 ГК РФ), что не входило в предмет представительства с момента его отделения от договора поручения.

Анализ судебной практики применения норм о молчаливом уполномочивании (абз. 2 п. 1 ст. 182 ГК РФ) показывает, что они применяются к принятию исполнения (ст. 312 ГК РФ), а не к совершению сделок. Авторы монографии «Представительство: исследование судебной практики», изучая классификацию полномочий из обстановки, приводят многочисленные примеры из судебной практики, которая касается исключительно случаев принятия исполнения (ст. 312 ГК РФ), а не сделок²⁸.

Таким образом, российский опыт применения норм о конклюдентном уполномочивании тоже показывает, что они не используются в области представительства.

В параграфе 56 ГТУ прямо указывается, что полномочия из обстановки возникают не только в связи с совершением сделок (продаж), но и в связи с приемом платежей и фактической передачей товаров²⁹.

В данном случае тоже видно, что применение конклюдентного уполномочивания касается юридического поступка (принятия исполнения обязательства) (ст. 312 ГК РФ).

Впрочем, параграф 56 ГТУ также допускает возможность использования полномочий из обстановки к продажам (сделкам), совершение которых возможно исключительно на складе или в магазине, под которыми понимаются торговые (складские) помещения, доступные для покупателей. Вместе с тем необязательно, чтобы это была постоянная или стационарная точка — сюда относится и открытый торговый стенд³⁰.

Как представляется, такое регулирование не может свидетельствовать об обоснованности применения полномочий из обстановки к отношениям представительства по следующим причинам.

Во-первых, при исследовании полномочий из обстановки упускается из виду, что в большинстве случаев в магазинах (на складах) продавцы розничной торговли или кассиры не заключают договоры купли-продажи. Открытие в рабочее время магазина (склада), метрополитена и т.д. подразумевает публичную конклюдентную оферту, совершение которой всегда проходит вне поля зрения покупателя. Поэтому вопрос о полномочиях лиц, совершающих данные действия, не имеет значения.

Кроме того, в современных условиях с помощью касс самообслуживания покупатель может совершить покупку, не взаимодействуя с работниками магазина (склада), что очевидно свидетельствует о том, что продажа происходит благодаря конклюдентным действиям работников магазина (склада) или иных организаций (в форме публичной оферты), которые не вступают в контакт с покупателем, и конклюдентным действиям самого покупателя (например, помещению товара в корзину).

Что касается кассы (если покупка не осуществляется через кассу самообслуживания), то кассир лишь принимает платеж за товар (ст. 312 ГК РФ), а не заключает сделку.

Таким образом, в случаях, когда розничные договоры заключаются посредством публичной оферты, молчаливое уполномочивание также опосредует юридические поступки (исполнение обязательства или принятие его исполнения), которые не охватываются институтом представительства. Следовательно, отношения представительства не возникают, поскольку заключение договора осуществляется путем конклюдентных действий, совершаемых сторонами без непосредственного взаимодействия. Непосредственный контакт между сторонами может возникнуть лишь на этапе исполнения уже заключенного договора (если покупка не осуществляется через кассу самообслуживания).

Во-вторых, в случаях, когда в розничной торговле договор заключается вне публичной оферты (например, в автосалонах, мебельных магазинах и аналогичных торговых предприя-

²⁷ Победоносцев К. П. Указ. соч.

²⁸ Егоров А. В., Папченкова Е. А., Ширвиндт А. М. Указ. соч. С. 65–77.

²⁹ Handelsgesetzbuch : Großkommentar / C.-W. Canaris, W. Schilling, P. Ulmer. 4. Aufl. Bd. 1 : Einleitung ; § 1–104. Berlin ; New York : de Gruyter, 1995. S. 469 ; Heymann. Handelsgesetzbuch : Kommentar / N. Horn, P. Balzer, G. Borges, H. Herrmann (Hgs.). 3. Aufl. Bd. 1 : Einleitung ; § 1–104a. Berlin ; Boston : de Gruyter, 2019. § 56.

³⁰ Handelsgesetzbuch : Großkommentar. S. 465–466 ; Gross W. Handelsrecht: Fall — Systematik — Lösung. 3. Aufl. Wiesbaden : Gabler, 1994. S. 175.

тиях), неизбежно возникает вопрос о полномочиях работников организации.

Немецкая правовая система отвечает на него в § 56 ГТУ, согласно которому лицо, работающее в магазине или на открытом товарном складе, считается уполномоченным. К работникам относятся любые лица, действующие с ведома предпринимателя при взаимодействии с покупателями в магазине или на складе, независимо от их основной должности, трудового статуса или характера занятости. Даже сотрудники, обычно не связанные с продажами (например, бухгалтеры или грузчики), могут приобрести этот статус, если выполняют торговые функции. Однако данная норма не применяется к работникам, чьи обязанности не предполагают контакта с клиентами, а также к сделкам, совершенным без ведома работодателя или посторонними лицами, выдающими себя за сотрудников. Молчаливые полномочия продавцов могут быть ограничены предпринимателем путем надлежащего уведомления (например, посредством видимого объявления «Оплата только в кассе» или очевидного наличия кассового аппарата)³¹.

Российское законодательство предусматривает похожее правило. Согласно абз. 2 п. 1 ст. 182 ГК РФ полномочие может также явствовать из обстановки, в которой действует представитель (продавец в розничной торговле, кассир и т.п.). Несмотря на это, в подавляющем большинстве случаев предприниматели не используют такую возможность. Они предпочитают уполномочивать работников организаций, заключающих розничные договоры вне публичной оферты, на основании письменной доверенности. Например, в автосалонах кассиры не участвуют в заключении договоров. Они только принимают исполнение по договорам, заключенным уполномоченными на основании доверенности работниками. Думается, подобное поведение вызвано тем, что письменная доверенность представляет собой более удобный и ясный способ уполномочивания по сравнению с молчаливым (конклюдентным). Определить уполномоченное на продажу лицо среди находящихся в магазине работников, тем более на фоне множества информационных табличек, указывающих на ограничения полномочий, гораздо сложнее, чем определить такое

лицо на основании предъявленной письменной доверенности.

В связи с этим представляется очевидным, что допустимо наделять молчаливыми полномочиями на продажу работников организаций розничной торговли, реализующих товары, работы или услуги вне публичной оферты. Однако подобное законодательное решение менее удобно, чем письменное уполномочивание. Это подтверждается описанным российским опытом.

Таким образом, анализ истории возникновения молчаливых (конклюдентных) полномочий, сравнительно-правовое исследование законодательного опыта Германии (где данная концепция получила наиболее последовательное закрепление как в правовых актах, так и в доктрине) и Китая, а также изучение законодательной и правоприменительной практики России позволяют утверждать, что в абсолютном большинстве случаев полномочия из обстановки применяются исключительно к отношениям по принятию исполнения. Эти отношения не относятся к представительству и регулируются нормами ст. 312 ГК РФ. В исключительных случаях (заключение розничных договоров вне публичной оферты), когда упомянутая концепция может быть применена к сделкам, уполномочивание через доверенность оказывается более удобным механизмом для участников правоотношений.

При указанных обстоятельствах следует признать, что концепция полномочий из обстановки не связана с представительством. Ее применение следует ограничить отношениями по принятию исполнения (ст. 312 ГК РФ), как это имело место при возникновении данной теоретической модели. Следовательно, нормы абз. 2 п. 1 ст. 182 ГК РФ следует перенести в ст. 312 ГК РФ («Исполнение обязательства надлежащему лицу»), дополнив ее следующим положением: «Должник считается исполнившим обязательство надлежащему кредитору, если исполнение производится в обстановке, которая свидетельствует о принятии исполнения самим кредитором или уполномоченным им лицом (продавец в розничной торговле, кассир и т.п.), если не доказано, что должник знал об исполнении обязательства ненадлежащему лицу».

³¹ *Heymann*. *Handelsgesetzbuch (ohne Seerecht) : Kommentar / N. Horn (Hg.)*. 2. Aufl. Bd. 1. Erstes Buch : Einleitung ; § 1–104. Berlin ; New York : de Gruyter, 1995. S. 464–465 ; *Gierke J.* *Handelsrecht und Schifffahrtsrecht*. Berlin ; New York : de Gruyter, 2020. S. 123–124.

Видимые полномочия

Концепция видимых полномочий (*Vollmacht kraft Rechtsscheins*) развернутое теоретическое обоснование нашла в немецкой доктрине.

Существуют ситуации, в которых полномочия представителя отсутствуют. Но что, если третье лицо думало, что полномочия существуют, и полагалось на это? Судебная практика разработала для такого случая две концепции: *дозволительного* (*Duldungsvollmacht*) и *кажущегося* (*Anscheinsvollmacht*) полномочия.

Дозволительное полномочие предполагает, что представитель с определенной длительностью и частотой действует от имени предпринимателя. Предприниматель знает об этом и терпит такое положение дел. При этом он никогда не выдавал доверенность. Третье лицо исходит из того, что доверенность имеется. Правовым последствием, согласно господствующему мнению, является то, что предприниматель рассматривается так, как если бы он выдал доверенность.

Кажущееся полномочие предполагает, что представитель действует от имени предпринимателя. Предприниматель не знает об этом, но при должной осмотрительности мог бы это заметить и предотвратить. Таким образом, предприниматель и здесь создает правовое предположение. Для третьего лица все выглядит так, будто предприниматель выдал доверенность³². Обоснованность существования кажущегося полномочия является спорной в немецкой литературе³³.

Соответственно, кажущееся полномочие отличается от дозволительного только тем, что представляемый не знает о поведении представителя, но должен был знать о нем (в отличие от дозволительного полномочия, где он знает и допускает такое поведение)³⁴.

Использование концепции видимых полномочий в чистом виде в российском законодательстве неоправданно, поскольку ее возникновение и развитие обусловлены спецификой регулирования представительских отношений в немецком праве, не свойственной российской правовой системе. Речь идет, в частности, о различиях в требованиях к форме доверенности и основаниям ее прекращения.

Впрочем, это не означает, что не следует учитывать саму проблематику этой концепции: как разрешать ситуации, когда полномочия фактически отсутствуют, но третьи лица добросовестно полагали иначе?

В российском законодательстве решение данной проблемы содержится в нормах ст. 183 и п. 2 ст. 189 ГК РФ.

Правила названных статей устанавливают правовые последствия совершения сделок неуполномоченным лицом. При этом нормы ст. 183 ГК РФ являются общими и касаются всех случаев нарушения пределов полномочий. Согласно данной норме сделка, совершенная вне полномочий, не имеет юридической силы для представляемого. Норма п. 2 ст. 189 ГК РФ является специальной, поскольку регулирует правовые последствия совершения сделок неуполномоченным лицом путем предъявления прекращенной доверенности. Согласно ей, напротив, такая сделка создает правовые последствия для представляемого при условии добросовестности третьего лица (оно не знало и не должно было знать о прекращении доверенности), что является краеугольным камнем немецкой концепции видимых полномочий. В случае же недобросовестности третьего лица должна применяться норма ст. 183 ГК РФ как общая норма.

Предмет представительства

Действующее гражданское законодательство в качестве предмета представительства называет сделку (ст. 153 ГК РФ).

Подобный подход характерен и для зарубежных правопорядков. Так, статья 161 ГК КНР гласит, что субъекты гражданского права могут осуществлять сделки через представителей. Согласно французскому гражданскому законодательству предметом отношений представительства являются сделки (ст. 1154, 1161 ФГК). В соответствии с немецким правопорядком представительство также возникает по поводу сделок (§ 164 ГГУ)³⁵.

³² *Lippmann S., Scholz L.* Das BGB für ausländische Studierende — Übungen zu Rechtssprache und Methodik: Einführung in BGB AT und Allgemeines Schuldrecht. Heidelberg : C. F. Müller, 2013. Rn. 262–264.

³³ *Tiedtke K.* Gutgläubiger Erwerb im bürgerlichen Recht, im Handels- und Wertpapierrecht sowie in der Zwangsvollstreckung. Berlin ; New York : de Gruyter, 2014. S. 175.

³⁴ *Tiedtke K.* Op. cit. S. 173.

³⁵ Следует отметить, что в § 164 ГГУ используется категория «волеизъявление» (*Willenserklärung*), а не «сделка» (*Rechtsgeschäft*), что не меняет сути вопроса о предмете представительства. В немецком

Несмотря на это, в литературе высказывается мнение, что правила о представительстве необходимо распространить на все виды юридических действий в сфере гражданского права (получение корпоративных документов о деятельности юридического лица, направление уведомлений, извещений, претензий и т.п.). Авторы такого подхода аргументируют свою позицию в том числе ссылкой на немецкую литературу, в которой представлено похожее мнение, согласно которому к сделкоподобным заявлениям (российский аналог — юридически значимые сообщения) могут по аналогии применяться правила о представительстве³⁶.

Данная позиция представляется дискуссионной по следующим причинам.

Во-первых, «сделкоподобные действия» (*geschäftsähnliche Handlungen*) представляют собой термин, который не используется в ГГУ и по своему содержанию близок к волеизъявлению (*Willenserklärung*) (§ 116–142 ГГУ). Подобные действия также охватывают процесс выражения воли (например, уведомления, сообщения и извещения согласно § 149, 170, 510, 665 ГГУ). Однако, в отличие от волеизъявления (*Willenserklärung*) (§ 116–142 ГГУ), направленного на достижение предусмотренного законом правового результата (т.е. сделки), сделкоподобные действия преследуют иные цели³⁷. В связи с этим в Германии к таким действиям по аналогии применяются не нормы о представительстве, а положения о волеизъявлении (*Willenserklärung*) (§ 116–142 ГГУ), включающие правила о представительстве. Следовательно, перенос подхода, выработанного немецкой юридической практикой и доктриной, на российскую правовую систему представляется неоправданным, поскольку в российском праве отсутствует аналогичный институт волеизъявления (*Willenserklärung*).

Во-вторых, расширение предмета представительства от сделок до иных юридических действий означает возврат к прошлому, ко времени зарождения отношений представительства, когда его предмет был тождествен предмету договора поручения. Одним из необходимых условий отделения представительства от договора поручения явилось сужение предмета представительства до совершения сделок.

В-третьих, сделки и иные юридические действия неодинаковы по своей значимости для гражданского оборота. Действительность сделки, представляющей собой формирование и выражение воли, значительно важнее, чем исполнение уже сформированной воли. Это определяет выбор правовых средств укрепления права: для сделок они существеннее, чем для их исполнения. Следовательно, применение единых механизмов укрепления права и к совершению сделки, и к ее исполнению нецелесообразно. Например, если доверенность критична для заключения договора от имени другого лица, то ее обязательное использование при получении товаров (ст. 312 ГК РФ) в Wildberries возможно, но неэффективно. В этом случае QR-код — более экономичный и практичный способ.

Таким образом, с догматической и практической точек зрения представительство должно касаться только сделок (ст. 153 ГК РФ). Распространять его правила на иные гражданско-правовые юридические действия недопустимо. В данном контексте новелла п. 2 ст. 312 ГК РФ, требующая в ряде случаев нотариальную доверенность для принятия исполнения, избыточна. Введя эту норму, законодатель необоснованно распространил сферу представительства на прием исполнения, где традиционно доста-

законодательстве волеизъявление является средством совершения сделки. Оно создает сделку, а она порождает автономно установленные правовые последствия. Последствия волеизъявления и сделки не тождественны, а находятся в ступенчатом соотношении. Если волеизъявление ничтожно, сделка не возникает. Вопрос о ее действительности даже не ставится. Если сделка ничтожна, она все же должна быть формально совершена (иначе нормы о ее недействительности неприменимы). Любая недействительная сделка возникает из действительных волеизъявлений. Волеизъявление, направленное на совершение сделки, и сама сделка не могут быть недействительными одновременно. В немецкой литературе также встречаются традиционные представления: волеизъявление как составная часть сделки. Если сделка разделяет юридическую судьбу своих элементов, то недействительность волеизъявлений влечет ее недействительность, и нет необходимости различать недействительность волеизъявлений и недействительность сделок при применении норм ГГУ (*Leenen D. BGB Allgemeiner Teil: Rechtsgeschäftslehre. 2. Aufl. Berlin ; Boston : de Gruyter, 2015. S. 53–55*).

³⁶ Егоров А. В., Папченко Е. А., Ширвиндт А. М. Указ. соч. С. 37.

³⁷ *Hübner H. Op. cit. S. 311–312 (Rn. 696–698) ; Leipold D. Op. cit. S. 106–107 (Rn. 23–25)*.

точно любых доказательств надлежащего принятия обязательства.

Впрочем, следует учитывать, что институт представительства имеет межотраслевое значение, так как оно применяется в различных отраслях права. Данная характеристика была присуща представительству с момента его зарождения. Например, согласно ст. 32 Устава торгового договора торговой поверенности заключаются посредством актов, именуемых доверенностями. Торговые доверенности разделяются на два вида: 1) доверенности на производство торга и 2) доверенности на хождение по таможенному производству дел.

При указанных обстоятельствах следует учитывать, что сделка является предметом представительства лишь тогда, когда оно осуществляется в сфере гражданского оборота. Если же представительство реализуется в рамках других отраслей права, то его предметом могут выступать права и обязанности, соответствующие данным отраслям, если иное не предусмотрено законом. Например, согласно пп. 44 п. 1 ст. 2 ТК ЕАЭС предметом таможенного представительства являются таможенные операции, предполагающие определенный набор прав и обязанностей.

Следовательно, структура правоотношений при представительстве будет различаться в зависимости от отраслевой принадлежности:

гражданско-правовые отношения имеют иную отраслевую структуру, нежели отношения в других отраслях права.

В случае представительства в гражданском праве и иных отраслях права основанием возникновения поручения могут быть договоры разных отраслей права. Например, поручение на заключение договора купли-продажи (сфера гражданского права) и на защиту интересов в суде (сфера процессуального права) может возникнуть как из договора поручения (гражданско-правового договора), так и из трудового договора. При этом полномочия представителя во всех случаях возникают исключительно на основании норм гражданского права (ст. 182 ГК РФ), независимо от отраслевой принадлежности отношений, в которых осуществляется представительство.

Правовые последствия нарушения пределов поручения или полномочий должны подчиняться нормам той отрасли права, в рамках которой осуществляется представительство. Например, для гражданско-правовой сферы такие последствия специально урегулированы статьями 174 и 183 ГК РФ. В процессуальных правоотношениях соответствующие последствия должны определяться исключительно нормами процессуального права. Положения ст. 174 и 183 ГК РФ к данным отношениям не могут применяться в силу их правовой природы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гордон А. О. Представительство в гражданском праве. СПб. : Тип. Шредера, 1879. 447 с.
- Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019.
- Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект Высочайше учрежденной редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. Т. 3. Ст. 505–718. СПб. : Гос. тип., 1899.
- Егоров А. В., Папченкова Е. А., Ширвиндт А. М. Представительство: исследование судебной практики. М. : Статут, 2016.
- Казанцев Л. Н. Учение о представительстве в гражданском праве: кандидатское рассуждение. Ярославль : Тип. Г. В. Фальк, 1878.
- Нерсесов Н. О. Понятие добровольного представительства в гражданском праве. М. : Тип.-лит. И. И. Смирнова, 1878.
- Пахман С. В. Обычное гражданское право в России: юридические очерки. Т. 1 : Собственность, обязательства и средства судебного охранения. СПб. : Тип. Второго отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1877.
- Таль Л. С. Договор доверенности или поручения в проекте гражданского уложения // Право. 1911. № 12.
- Шерешевский И. В. Представительство. Поручение и доверенность : Комментарии к ст. 38–40 и 251–275 Гражданского кодекса. М. : Право и жизнь, 1925. 106 с.
- Gierke J. Handelsrecht und Schiffahrtsrecht. Berlin ; New York : de Gruyter, 2020.
- Gross W. Handelsrecht: Fall — Systematik — Lösung. 3. Aufl. Wiesbaden : Gabler, 1994.
- Heymann E. Handelsgesetzbuch (ohne Seerecht) : Kommentar / N. Horn (Hg.). 2. Aufl. Bd. 1. Erstes Buch : Einleitung ; § 1–104. Berlin ; New York : W. de Gruyter, 1995.

- Hübner H.* Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Gesetzbuches. 2. Aufl. Berlin ; New York : de Gruyter, 1996.
- Lecourt A.* Fiches de droit des obligations. 7e éd. Éditions Ellipses, 2023.
- Leenen D.* BGB Allgemeiner Teil: Rechtsgeschäftslehre. 2. Aufl. Berlin ; Boston : de Gruyter, 2015.
- Leipold D.* BGB I: Einführung und allgemeiner Teil : Ein Lehrbuch mit Fällen und Kontrollfragen. 5. Aufl. Tübingen : Mohr Siebeck, 2008.
- Lippmann S., Scholz L.* Das BGB für ausländische Studierende — Übungen zu Rechtssprache und Methodik: Einführung in BGB AT und Allgemeines Schuldrecht. Heidelberg : C. F. Müller, 2013.
- Schade F.* Wirtschaftsprivatrecht: Grundlagen des bürgerlichen Rechts sowie des Handels- und Wirtschaftsrechts. 2. Aufl. Stuttgart : Kohlhammer, 2009.
- Tiedtke K.* Gutgläubiger Erwerb im bürgerlichen Recht, im Handels- und Wertpapierrecht sowie in der Zwangsvollstreckung. Berlin ; New York : de Gruyter, 2014.

REFERENCES

- Berger KP, Heymann E. Handelsgesetzbuch (ohne Seerecht): Kommentar. W. de Gruyter; 1995. (In German).
Civil code. Book five. Obligations. Draft of the Highly Established Drafting Committee for Drafting the Civil Code. St. Petersburg; 1899. (In Russ.).
- Egorov AV, Papchenkova EA, Shirvindt AM. Representation: study of judicial practice. Moscow: Statut Publ.; 2016. (In Russ.).
- Gierke J. Handelsrecht und Schiffahrtsrecht. De Gruyter; 2020. (In German).
- Gordon AO. Representation in civil law. St. Petersburg: Schroeder Publ.; 1879. (In Russ.).
- Groß W. Handelsrecht: Fall Systematik Lösung. Gabler Verlag; 2013. (In German).
- Hübner H. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Gesetzbuches. 2., neubearb. Aufl. Berlin, New York: de Gruyter; 1996. (In German).
- Kazantsev LN. The doctrine of representation in civil law: candidate reasoning L. Kazantsev. Yaroslavl: G.V. Falk Publishing House; 1878. (In Russ.).
- Lecourt A. Fiches de Droit des obligations. Editions Ellipses; 2023. (In German).
- Leenen D. BGB Allgemeiner Teil: Rechtsgeschäftslehre. De Gruyter; 2015. (In German).
- Leipold D. BGB I: Einführung und allgemeiner Teil: ein Lehrbuch mit Fällen und Kontrollfragen. Mohr Siebeck; 2008. (In German).
- Lippmann S., Scholz L. Das BGB für ausländische Studierende — Übungen zu Rechtssprache und Methodik: Einführung in BGB AT und Allgemeines Schuldrecht. C.F. Müller; 2013. (In German).
- Nersesov NO. The concept of voluntary representation in civil law. Moscow: Typolitography of Il. Smirnov; 1878. (In Russ.).
- Pakhman SV. Ordinary civil law in Russia: legal essays. Vol. 1: Property, obligations and means of judicial protection. St. Petersburg; 1877. (In Russ.).
- Schade F. Wirtschaftsprivatrecht: Grundlagen des bürgerlichen Rechts sowie des Handels- und Wirtschaftsrechts. Kohlhammer; 2009. (In German).
- Shereshevsky IV. Representation. Assignment and power of attorney: Comments to Articles 38–40 and 251–275 of the Civil Code. Moscow: Pravo i Zhizn Publ.; 1925. (In Russ.).
- Sukhanov EA (ed.). Civil law: In 4 volumes. 2nd ed. Moscow: Statut Publ.; 2019. (In Russ.).
- Tal LS. Power of attorney or assignment agreement in the draft civil code. *Zakon*; 1911;12. (In Russ.).
- Tiedtke K. Gutgläubiger Erwerb im bürgerlichen Recht, im Handels- und Wertpapierrecht sowie in der Zwangsvollstreckung. De Gruyter; 2014. (In German).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кораев Константин Борисович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой предпринимательского и энергетического права Санкт-Петербургского государственного экономического университета
д. 30–32, канала Грибоедова наб., г. Санкт-Петербург 191023, Российская Федерация
1-kosta@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin B. Koraev, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Business and Energy Law, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation
1-kosta@mail.ru

Материал поступил в редакцию 11 октября 2025 г.

Статья получена после рецензирования 2 ноября 2025 г.

Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 11.10.2025.

Revised 02.11.2025.

Accepted 15.02.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.046-054

Р. Р. ДолотинаМосковский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Влияние трудовых споров на деловую репутацию работодателя

Резюме. Репутация работодателя играет ключевую роль в привлечении и удержании высококвалифицированных работников, а также в формировании позитивного имиджа компании на рынке (бренда работодателя). Деловая репутация работодателя включает в себя такие аспекты, как ценности компании, культура, бизнес-модель, возможности для развития карьеры и многое другое. Помимо объективных характеристик, репутация работодателя также формируется на основе субъективного мнения работников и соискателей, воспринимающих компанию через призму тех качеств, которые делают ее привлекательной или непривлекательной для работы. Трудовые споры между работодателями и работниками могут существенно повлиять на деловую репутацию организации из-за потери доверия со стороны клиентов, ухудшения морального состояния работников и понижения финансовых показателей. В результате исследования сопоставлены понятия имиджа и деловой репутации работодателя, обосновано предложение о необходимости правовой регламентации понятия «деловая репутация работодателя» в трудовом законодательстве, а также предложены меры, направленные на минимизацию репутационных рисков работодателей в связи с трудовыми спорами.

Ключевые слова: имидж; деловая репутация работодателя; трудовые споры; репутационный риск; репутационные потери; коллективный договор; защита трудовых прав; трудовая правозащита; медиация

Для цитирования: Долотина Р. Р. Влияние трудовых споров на деловую репутацию работодателя. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 4. С. 46–54. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.046-054

The Impact of Labor Disputes on an Employer's Business Reputation

Regina R. Dolotina Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. An employer's reputation plays a critical role in attracting and retaining highly qualified personnel, as well as in shaping a positive corporate image in the marketplace, commonly referred to as the employer brand. An employer's business reputation encompasses such elements as corporate values, organizational culture, business model, opportunities for professional development, and related characteristics. In addition to these objective factors, an employer's reputation is also formed through the subjective perceptions of current and prospective employees, who evaluate the organization through the lens of attributes that render it more or less attractive as a place of employment. Labor disputes between employers and employees may significantly affect an organization's business reputation by eroding client trust, diminishing employee morale, and deteriorating financial performance. This study compares and distinguishes the concepts of employer image and employer business reputation, substantiates the need for a statutory definition of «employer business reputation» within labor legislation, and proposes measures aimed at minimizing reputational risks arising from labor disputes.

Keywords: image; employer's business reputation; labor disputes; reputational risk; reputational losses; collective bargaining agreement; protection of labor rights; collective bargaining agreement; labor law compliance; mediation

© Долотина Р. Р., 2026

Cite as: Dolotina RR. The Impact of Labor Disputes on an Employer's Business Reputation. *Lex russica*. 2026;79(4):46-54. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.046-054

Введение

В настоящее время ценности компании складываются из совокупности факторов, определяющих ее успех на рынке и, соответственно, конкурентоспособность, прибыль и стабильность. Среди корпоративно значимых факторов ключевое положение занимает отношение к человеческим ресурсам организации (работникам), клиентоориентированность, качество, инновационность, безопасность, имидж компании.

Имидж компании, ее образ, складывается:

— из внешнего имиджа, представляющего собой внешнее восприятие компании со стороны общественности, партнеров, клиентов, средств массовой информации¹;

— внутреннего имиджа как образа компании, формирующегося у работников в зависимости от условий труда, отношения к персоналу, корпоративной культуры и транслируемого вовне;

— потребительского имиджа, определяемого качеством производимой продукции или работы; надежностью, обеспечиваемой своевременностью и безупречностью исполнения условий договоров;

— социального имиджа, возникающего за счет участия в общественной жизни, в гуманитарных и благотворительных мероприятиях²;

— экологического имиджа, отражающего образ компании как энергосберегающего ответственного потребителя и переработчика ресурсов.

Представленный обобщенный перечень образов компании основан на субъективном и объективном критериях, правильный баланс которых делает организацию привлекательной для партнеров, клиентов и инвесторов. Существенная роль в формировании имиджа компании отдается взаимоотношениям работодателя и работников, ощущающих на себе издержки и

бонусы внутренней корпоративной политики. Работники способны причинить репутационные потери работодателю, вызванные негативными отзывами в онлайн- и офлайн-среде, обращениями во всевозможные инстанции и судебными разбирательствами. Репутационные потери выражаются в негативных последствиях для ведения бизнеса и статуса компании в виде снижения продаж, потери клиентов, утраты доверия партнеров и инвесторов.

Основная часть

Соотношение понятий «имидж» и «деловая репутация» исследуется учеными по-разному: путем их сопоставления как части и целого, причины и следствия, с помощью сравнения первоначального и производного значения соответствующих терминов, отождествления и разграничения указанных правовых категорий. Единство мнений наблюдается в том, что эти понятия взаимосвязаны и взаимообусловлены³. Следует согласиться с точкой зрения ученых о том, что деловая репутация носит более устойчивый характер, имеет определенную ценность, в отличие от имиджа, который обусловлен субъективным восприятием и легко трансформируется в зависимости от репутационных показателей организации⁴. Сравнение понятий «имидж» и «деловая репутация» строится на общетеоретическом толковании их содержания. Вместе с тем, оценивая диалектическую связь между имиджем и деловой репутацией предприятия или организации, следует избрать методологию философии права, а также частно-юридические методы научного анализа. Имидж, будучи общественным, социально-экономическим институтом, находится в тесной взаимосвязи с юридическим институтом чести, достоинства и деловой репутации, который имеет межотраслевую природу.

¹ См.: Сироткина И. В. Построение целостного имиджа компании // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2008. № 1. С. 34–41.

² См.: Костин Д. М. Влияние благотворительности на проблемы формирования положительного имиджа и репутации компании // Наука, техника и образование. 2023. № 2 (90). С. 51–54.

³ См.: Федорова В. А. Соотношение понятий «имидж» и «репутация» предприятия // Экономика транспортного комплекса. 2014. № 23. С. 66–76.

⁴ См.: Важенина И. С., Копанцев Д. В. Деловая репутация — стратегическая составляющая жизнестойкости компаний // Журнал экономической теории. 2009. № 2. С. 10.

Термин «репутация» происходит от латинского слова *reputatio*, означающего процесс обдумывания или размышления. Репутация может интерпретироваться как сформированное представление или мысленный образ конкретного лица, который складывается у окружающих на основе мнений о его достоинствах, недостатках и личных качествах. Деловая репутация юридического лица — совокупность представлений о его деловых качествах и профессиональном поведении на рынке, формируемая в процессе осуществления экономической деятельности данного юридического лица (включая деятельность его органов) в рамках общественного и хозяйственного оборота⁵.

Е. А. Толмачева указывает, что деловая репутация физического или юридического лица представляет собой нематериальное благо, заключающееся в социальной оценке его деловых и сопутствующих характеристик, базирующейся на доступной или предполагаемой информации относительно качества производимой продукции, выполняемых работ и предоставляемых услуг, а также особенностей процессов их реализации. Вместе с тем названный автор отмечает смешение понятий «деловая репутация», «честь», «достоинство», «доброе имя»⁶.

Будучи нематериальным благом, деловая репутация обеспечена защитой способами, предусмотренными в ст. 152 ГК РФ. Анализ данной нормы показывает, что термины «честь», «достоинство», «деловая репутация» отнесены к гражданам. Контекст п. 2 ст. 1027, п. 1 ст. 1042 ГК РФ свидетельствует о применении термина «деловая репутация» к юридическим лицам. При этом законодательство не содержит специальных способов защиты деловой репутации организаций, что приводит к ряду правоприменительных коллизий в виде споров о возможности компенсации морального и репутационного вреда⁷.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 26.10.2015 № 307-ЭС15-5345 по делу № А56-17708/2014⁸ указывает, что деловая репутация

организации представляет собой профессиональную репутацию, сформированную в кругу аналогичных профессионалов (таких как коммерсанты), а также среди лиц, являющихся объектами деятельности организации (например, потребителей товаров, работ или услуг). Спорным представляется вопрос о том, охватывает ли репутация самой организации репутацию ее руководителей, и какие последствия может иметь распространение сведений о них с точки зрения причинения ущерба юридическому лицу. Если такие сведения порочат деловую репутацию руководителя как физического лица, это не означает автоматического ущерба для репутации организации. И напротив, если руководитель опорочен как профессионал, представляющий интересы своей компании, это может напрямую повлиять на ее репутацию⁹.

Следует отметить, что термин «имидж», в отличие от термина «деловая репутация», в гражданском законодательстве не фигурирует и, следовательно, самостоятельной гражданско-правовой защитой не обеспечен. Его защита происходит опосредованно, путем восстановления положительного образа компании после нейтрализации репутационных потерь. Имидж скорее следовало бы отнести к правовой категории охраняемых законом интересов как потребности субъекта, нуждающегося в защите нарушенного права, затрагивающего деловую репутацию.

Более узкую специфику имеет деловая репутация организации как работодателя. Несмотря на то что ТК РФ не содержит понятия «деловая репутация работодателя», существование данного института трудового права нельзя исключать. Казалось бы, игнорируя такой институт в рамках трудового права, законодатель преследовал мысль о том, что право на защиту деловой репутации в достаточной степени урегулировано нормами гражданского права. Однако это не так. Специфика трудовых правоотношений как совокупности прав и обязанностей работодателя и работника, в том числе по охране деловой репутации, демонстрирует потребность в их отраслевом регулировании,

⁵ Слесарев С. А. Деловая репутация // СПС «КонсультантПлюс», 2025.

⁶ Толмачева Е. А. Об определении деловой репутации в Российской Федерации // Адвокатская практика. 2022. № 3. С. 20–23.

⁷ Слесарев С. А. Указ. соч.

⁸ СПС «КонсультантПлюс».

⁹ См.: постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17.02.2015 № Ф06-20449/2013 по делу № А65-8709/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

и в частности в закреплении понятия «деловая репутация организации-работодателя».

Деловая репутация работодателя представляет собой комплексную оценку организации как места работы, основанную на мнениях, впечатлениях и суждениях работников, кандидатов, партнеров, клиентов и общества в целом. Деловая репутация работодателя отражает восприятие организации на рынке труда и формирует ее имидж, в том числе среди потенциальных работников.

Деловая репутация работодателя (имидж организации) складывается из оценок текущих и бывших работников, соискателей, а также профессиональных сообществ. Репутация определяет привлекательность организации для высококвалифицированных специалистов и влияет на ее конкурентоспособность на рынке труда. Потенциальные сотрудники могут воздерживаться от принятия решения о трудоустройстве в организации, чья деловая репутация была негативно затронута судебными разбирательствами с участием работников. Подобное поведение обусловлено опасениями относительно возможных последствий для их личной карьеры и восприятия в профессиональном сообществе. Так, в 2024 г. 64 % работодателей столкнулись с нехваткой специалистов¹⁰.

Таким образом, деловая репутация работодателя объективируется во внешней и внутренней стороне. Внутренняя сторона деловой репутации работодателя отражает добросовестность отношений «работник — работодатель» и мнение работника о компании как престижном или проблемном месте работы. Внешняя сторона деловой репутации работодателя выражается в обобщенных суждениях работников о компании в общественном пространстве, формирующих представления о ней как о предпочтительном работодателе. Работодатель вправе предъявлять повышенные требования к работникам для обеспечения высокого имиджа компании и устранения угроз нарушения ее деловой репутации.

Деловая репутация работодателя обусловлена родом ее хозяйственной деятельности. Во многих случаях интересы компании гарантируются посредством соблюдения кодексов профессиональной этики, отвечающей высоким стандартам. Ярким примером служит Кодекс деловой этики ОАО «Российские железные дороги»¹¹. Обращает на себя внимание один из принципов работы компании: «Каждый работник участвует в создании положительного имиджа компании и укрепляет его своим профессионализмом, в том числе соответствующим внешним обликом и стилем делового общения».

Этому постулату корреспондирует релевантное правило поведения работника: «Если у работника имеются основания считать, что кто-либо своими действиями нарушает нормы настоящего Кодекса, а также положения законодательства Российской Федерации, устава ОАО «РЖД», утвержденного постановлением Правительства РФ от 27.10.2021 № 1838, нормативных документов ОАО «РЖД», совершает иные действия, которые могут негативно отразиться на имидже и деловой репутации ОАО «РЖД», то необходимо поставить об этом в известность своего непосредственного руководителя или направить информацию уполномоченному по вопросам деловой этики в ОАО «РЖД»». Для поддержания высокого имиджа и деловой репутации компании для работников предусмотрен целый ряд правил и ограничений, а также порядок рассмотрения нарушений требований, установленных названным Кодексом, со ссылкой на трудовое и гражданское законодательство.

Еще одним не менее ярким примером рачительного отношения к деловой репутации является Кодекс профессиональной этики и служебного поведения служащих Банка России¹².

В одном из писем Банка России содержится определение деловой репутации кредитной организации как оценочной характеристики ее деятельности, осуществляемой участниками гражданского оборота, оценки действий ее фак-

¹⁰ Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. URL: <https://www.mos.ru/dszn/press-center/news/12685/> (дата обращения: 07.04.2025).

¹¹ См.: распоряжение ОАО «РЖД» от 18.07.2023 № 1792/р «О Кодексе деловой этики открытого акционерного общества «Российские железные дороги»» (вместе с Кодексом деловой этики ОАО «РЖД», утв. решением совета директоров ОАО «РЖД», протокол от 23.06.2023 № 13) // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См.: Кодекс профессиональной этики и служебного поведения служащих Банка России (одобрен решением Совета директоров Банка России от 21.06.2013, протокол № 13) // Официальный сайт Банка России. URL: <http://www.cbr.ru/>. 26.06.2013 (дата обращения: 07.04.2025).

тических владельцев, аффилированных лиц, дочерних и зависимых структур¹³. Согласно п. 3.3 Кодекса профессиональной этики и служебного поведения служащих Банка России «служащие Банка России призваны поддерживать деловую репутацию и имидж Банка России, прилагать усилия к достижению как личного успеха, так и успеха деятельности Банка России».

Кроме того, в названном Кодексе прописаны прямые и косвенные запреты на высказывания дискриминационного характера, грубость, предвзятые замечания, угрозы, оскорбления, курение в помещениях Банка России, оказание предпочтений по признаку принадлежности к профессиональным или социальным группам, влияние личных интересов на добросовестное исполнение должностных обязанностей, использование служебного положения во взаимоотношениях с иными субъектами. Вместе с тем от работников ожидается соблюдение норм служебной, профессиональной этики и правил делового поведения, правил публичных выступлений и предоставления служебной информации под угрозой наступления дисциплинарных взысканий и негативных последствий при выдвижении на вышестоящие должности. В соответствии со ст. 88 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» система дисциплинарных взысканий для служащих Банка России устанавливается Советом директоров в соответствии с федеральными законами¹⁴.

Правовая квалификация применения ответственности за нарушение кодексов профессиональной этики вызывает некоторые вопросы, поскольку на своем уровне работодатели не вправе устанавливать дополнительные санкции, не предусмотренные федеральным законодательством. ТК РФ никаких особых мер ответственности за ущерб имиджу и деловой репутации работодателя не содержит. Как справедливо отмечает Е. Ю. Забрамная, «не могут по

общему правилу образовывать состава дисциплинарного проступка деяния работников, не охваченные содержанием их трудовых правоотношений с работодателями». В связи с этим возникают вопросы об определении объекта и объективной стороны дисциплинарного проступка при привлечении работников к дисциплинарной ответственности за определенное поведение в социальных сетях, которое может негативно отразиться на имидже работодателя¹⁵.

Итогом превышения полномочий работодателя при применении взысканий в адрес работников зачастую выступает обращение в суд с исковыми заявлениями о защите их трудовых прав и интересов. Среди них наиболее часто встречаются требования о признании незаконными локальных актов о компенсационных выплатах, о взыскании недоплаты премии по итогам работы, компенсации за неиспользованный отпуск, выходного пособия, о признании недействующим приказа о временном отстранении от должности, о взыскании денежного содержания, о компенсации морального вреда¹⁶. За судебным разбирательством закономерно следует реакция работника на нарушение его прав в средствах массовой информации, социальных сетях, среди других работников организации.

Работодатель прибегает к судебному разбирательству преимущественно вследствие распространения недостоверных сведений, умаляющих его деловую репутацию. Такие сведения могут размещаться в средствах массовой информации либо глобальной информационной сети «Интернет», содержаться в служебных характеристиках работников, озвучиваться публично, распространяться путем направления заявлений должностным лицам или передаваться иным образом, включая вербальную передачу хотя бы одному лицу.

Именно распространение таких сведений может повлиять на деловую репутацию.

¹³ См.: п. 1.3 письма Банка России от 30.06.2005 № 92-Т «Об организации управления правовым риском и риском потери деловой репутации в кредитных организациях и банковских группах» // Вестник Банка России. № 34. 06.07.2005.

¹⁴ См.: Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

¹⁵ См.: Забрамная Е. Ю. К вопросу об актуальных тенденциях развития правового института дисциплины труда работников // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 49–52.

¹⁶ См.: апелляционное определение Московского городского суда от 22.09.2021 по делу № 33-38624/2021, 2-459/2021 ; апелляционное определение Ростовского областного суда от 03.03.2014 по делу № 33-3007/2014 ; апелляционное определение Суда Чукотского автономного округа от 01.02.2018 по делу № 33-3/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Самыми распространенными способами нарушения права на деловую репутацию считается распространение порочащих сведений, содержащих утверждения о нарушении юридическим лицом действующего законодательства, совершении нечестного поступка, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют деловую репутацию юридического лица¹⁷.

Работодатель может потребовать опровергнуть такие сведения тем же способом, которым их распространили, или другим аналогичным способом (п. 1 ст. 152 ГК РФ); удалить эти сведения, если они стали широко известны и их опровержение уже невозможно довести до всех. Если указанные сведения записаны на материальных носителях (например, в продающейся книге), можно требовать изъять и уничтожить их без компенсации, чтобы пресечь либо запретить их распространение, если иначе их удалить невозможно (п. 4 ст. 152 ГК РФ); удалить данные сведения из Интернета, если они оказались там, и опровергнуть их способом, который доведет их опровержение до всех пользователей (п. 5 ст. 152 ГК РФ); признать такие сведения не соответствующими действительности, если установить конкретного распространителя невозможно (п. 8 ст. 152 ГК РФ). Если лицо, допустившее нарушение права на честь, достоинство и деловую репутацию, добровольно отказывается исполнить требования пострадавшей стороны, это может послужить поводом для обращения в суд. Таким образом, между работником и работодателем возникают обоюдные трудовые споры.

Трудовые споры с работниками, рассматриваемые в судах, оказывают значительное влияние на деловую репутацию работодателя, вызывая широкий спектр негативных последствий. Во-первых, публичность судебного процесса может привлечь внимание СМИ и общественности, что создает риск негативного освещения событий, ухудшающего восприятие организации среди потенциальных высококвалифицированных работников, клиентов, партнеров и потенциальных инвесторов. Это может приве-

сти к утрате доверия и лояльности со стороны ключевых заинтересованных сторон.

Во-вторых, трудовые споры нередко сопровождаются значительными финансовыми расходами, включающими оплату услуг адвокатов, экспертизу доказательств и возможные штрафы. Эти дополнительные затраты могут существенно отразиться на экономической стабильности компании, снижая ее конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность. Партнеры могут предпочесть работать с организациями, которые демонстрируют уважение к правам своих работников и поддерживают здоровую рабочую атмосферу.

Кроме того, трудовые споры зачастую требуют вовлечения управленческих ресурсов на подготовку к судебному разбирательству и участие в заседаниях, что отвлекает руководство от стратегических задач развития предприятия. Это может замедлить темпы роста и ухудшить эффективность организации. Наконец, неправильное поведение работодателя в ходе судебного спора может повлечь за собой претензии со стороны государственных органов, что дополнительно усугубляет негативные последствия для репутации организации. Таким образом, судебные процессы, в том числе трудовые споры, представляют собой серьезную угрозу для деловой репутации работодателя, оказывая комплексное воздействие на ее финансовое состояние, управление и взаимоотношения с внешними партнерами.

Для работодателя достижение мирного урегулирования трудовых конфликтов вне судебных инстанций представляет собой эффективный механизм предупреждения возможных исков, минимизации судебных расходов и сохранения положительной деловой репутации. Такой подход позволяет избежать длительной правовой процедуры, которая могла бы оказать дополнительное давление на финансовые и организационные ресурсы компании. Мирное разрешение разногласий также способствует созданию и поддержанию благоприятной рабочей атмосферы, основанной на взаимном уважении и конструктивном взаимодействии внутри коллектива. Это, в свою очередь, укрепляет лояльность работников и улучшает общую производительность

¹⁷ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

труда, что положительно отражается на долгосрочном успехе организации¹⁸.

Для минимизации репутационных рисков, связанных с возникновением трудовых споров, работодатели могут интегрировать в свою деятельность несколько подходов:

— *Формирование прозрачной корпоративной культуры.* Построенная на принципах взаимного уважения и доверия среда способствует активному обмену информацией и мнениями, что позволяет своевременно выявлять и устранять потенциальные причины конфликтов. Между всеми уровнями иерархической структуры организации должны быть установлены эффективные каналы коммуникации. Положительная деловая репутация может помочь создать высокую корпоративную культуру. Организация с хорошей репутацией часто рассматривается как желаемое место работы с положительной рабочей средой и мотивированной рабочей силой. Поощряя прозрачность и подотчетность и привлекая лучших специалистов, сильная репутация работодателя может содействовать формированию успешной и устойчивой культуры организации.

— *Строгий комплаенс с нормами трудового законодательства.* Трудоправовой комплаенс представляет собой важную составляющую системы управления и контроля в организации, направленную на минимизацию рисков нарушения норм трудового законодательства, внутренних регламентов и стандартов надзорных органов. Эта система включает меры по мониторингу соблюдения законодательных актов и разработке механизмов, снижающих правовые риски во взаимоотношениях между работниками и работодателями. Несмотря на отсутствие прямого определения трудоправового комплаенса в трудовом законодательстве, его внедрение тесно связано с выполнением трудовых норм. Комплаенс-система основывается на обязанностях работников соблюдать требования, обеспечивающие соответствие деятельности компании нормам трудового права. Невыполнение данных обязательств может повлечь применение дисциплинарной ответственности согласно ст. 192 ТК РФ. Для обеспечения эффек-

тивности функционирования комплаенс-системы работодатели часто используют механизм мотивации через зависимость размера премиальных выплат от выполнения определенных обязанностей. Такой подход позволяет стимулировать соблюдение нормативных требований и поддерживать высокий уровень трудовой дисциплины¹⁹.

Соблюдение законодательных актов в области трудовых отношений, своевременное заключение коллективных договоров является ключевым элементом профилактики трудовых споров. Регулярный мониторинг соответствия деятельности организации требованиям трудового законодательства посредством проведения внутренних аудитов и ревизий позволяет выявлять и исправлять недостатки до их трансформации в полноценные конфликты.

— *Развитие внутренних механизмов разрешения конфликтов.* Сюда относятся создание и внедрение эффективных внутрикорпоративных механизмов урегулирования трудовых споров, а также разработка протоколов для оперативного рассмотрения возникающих разногласий (в частности, информирование работодателями своих работников о возможности рассмотрения отдельных трудовых споров в соответствующей комиссии). Напомним, что создание комиссий по трудовым спорам в организациях является важным элементом системы правовой защиты работников и содействия разрешению конфликтов между работодателями и работниками на локальном уровне. Эти комиссии играют ключевую роль в обеспечении своевременного и справедливого урегулирования трудовых споров до обращения сторон в судебные инстанции. Их деятельность способствует снижению уровня конфликтности в коллективе, укреплению социальной стабильности внутри организации и сокращению временных и материальных затрат, связанных с судебными разбирательствами²⁰. Комиссия по трудовым спорам также выступает инструментом досудебного урегулирования разногласий, обеспечивая дополнительные процессуальные гарантии для работников и способствуя соблюдению принципов справедливости и законности в трудовых отношениях.

¹⁸ См.: Носырева Е. И., Фильченко Д. Г. Правовые возможности урегулирования конфликтов в системе высшего образования // Третейский суд. 2021. № 1. С. 161–168.

¹⁹ См.: Курицын Я. Д. Трудоправовой комплаенс как способ предупреждения нарушений трудового законодательства // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 4. С. 12–14.

²⁰ Чуча С. Ю. Комиссии по трудовым спорам: казнить нельзя помиловать // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 1. С. 50–53.

— *Профессиональное обучение управленческого состава организации*. Повышение квалификации руководства организации в области управления конфликтами и совершенствование их коммуникативных компетенций являются важным фактором снижения вероятности возникновения трудовых споров. Освоение современных методов ведения переговоров и разрешения конфликтов способствует созданию более гармоничной и продуктивной рабочей среды.

— *Консультации с независимыми экспертами*. Привлечение внешних специалистов для анализа и оценки конкретных ситуаций, связанных с трудовыми спорами, предоставляет возможность объективного взгляда на проблему и разработки наиболее адекватных решений.

Внешние эксперты могут предложить рекомендации, направленные на улучшение корпоративной культуры и предотвращение повторных конфликтов. Такими экспертами могут выступать медиаторы, которые помогают сторонам спора вести конструктивный диалог и находить приемлемое решение. Медиатор не принимает решений, а лишь содействует достижению согласия, что делает этот процесс менее формальным и более ориентированным на интересы обеих сторон.

Интеграция указанных подходов может способствовать укреплению корпоративной устойчивости, повышению эффективности трудовых взаимоотношений и минимизации негативных последствий, связанных с возможными судебными разбирательствами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Важенина И. С., Копанцев Д. В. Деловая репутация — стратегическая составляющая жизнестойкости компаний // Журнал экономической теории. 2009. № 2. С. 10–15.

Забрамная Е. Ю. К вопросу об актуальных тенденциях развития правового института дисциплины труда работников // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 49–52.

Костин Д. М. Влияние благотворительности на проблемы формирования положительного имиджа и репутации компании // Наука, техника и образование. 2023. № 2 (90). С. 51–54.

Курицын Я. Д. Трудоправовой комплаенс как способ предупреждения нарушений трудового законодательства // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 4. С. 12–14.

Носырева Е. И., Фильченко Д. Г. Правовые возможности урегулирования конфликтов в системе высшего образования // Третейский суд. 2021. № 1. С. 161–168.

Сироткина И. В. Построение целостного имиджа компании // Маркетинг и маркетинговые исследования. 2008. № 1. С. 34–41.

Слесарев С. А. Деловая репутация // СПС «КонсультантПлюс», 2025.

Толмачева Е. А. Об определении деловой репутации в Российской Федерации // Адвокатская практика. 2022. № 3. С. 20–23.

Федорова В. А. Соотношение понятий «имидж» и «репутация» предприятия // Экономика транспортного комплекса. 2014. № 23. С. 66–76.

Чуча С. Ю. Комиссии по трудовым спорам: казнить нельзя помиловать // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 1. С. 50–53.

REFERENCES

Chucha SYu. Labor dispute commissions: to abolish or to preserve? *Labor Law in Russia and Abroad*. 2022;1:50-53.

Fedorova VA. Correlation between the concepts of «image» and «reputation» of an enterprise. *Economics of the Transport Complex*: 2014;23:66-67. (In Russ.).

Kostin DM. The impact of philanthropy on the formation of a positive corporate image and reputation. *Science, Technology and Education*. 2023;2(90):51-54. (In Russ.).

Kuritsyn YaD. Labor law compliance as a means of preventing violations of labor legislation. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2023;4:12-14. (In Russ.).

Nosyreva EI, Filchenko DG. Legal mechanisms for dispute resolution in the higher education system. *Arbitration (Treteyskiy Sud)*. 2021;1:161-168. (In Russ.).

- Sirotkina IV. Building a comprehensive corporate image. *Marketing and Marketing Research*. 2008;1:34-41. (In Russ.).
- Slesarev SA. Business reputation. Legal Reference System ConsultantPlus; 2025. (In Russ.).
- Tolmacheva EA. On the definition of business reputation in the Russian Federation. *Advokatskaya praktika*. 2022;3:20-23.
- Vazhenina IS, Kopantsev DV. Business Reputation as a Strategic Component of Corporate Sustainability. *Journal of Economic Theory*. 2009;2:10. (In Russ.).
- Zabramnaya EYu. On current trends in the development of the legal institution of labor discipline. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2020;4:49-52. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Долотина Регина Рашидовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
rdolotina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Regina R. Dolotina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Labor Law and Social Security Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
rdolotina@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 7 апреля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 2 июня 2025 г.
Принята к печати 15 марта 2026 г.*

*Received 07.04.2025.
Revised 02.06.2025.
Accepted 15.03.2026.*

Я. М. Плошкина

Сибирский федеральный университет
г. Красноярск, Российская Федерация

Социально-интегративное предназначение уголовно-процессуального права

Резюме. В статье исследуются вопросы социально-интегративного предназначения уголовно-процессуального права, предпринята попытка выявления его объединяющей роли в обществе. Социально-интегративное предназначение уголовно-процессуального права заключается в консолидации общества и одобрении им способов государственного реагирования на уголовно наказуемое деяние — преступление, поскольку уголовное судопроизводство и его устройство отражают отношение социума к системе уголовного судопроизводства. Организация уголовного судопроизводства должна основываться на нравственных началах, и оно должно находиться под влиянием этических норм и моральных запретов. Автором выявлены критерии, позволяющие установить удовлетворенность социума действующей системой уголовного судопроизводства, в качестве которых выступают общая социально-психологическая атмосфера в обществе вокруг этой системы в части разрешения криминальных конфликтов, а также уровень доверия населения к ней, в том числе определенная степень солидарности с установленными в ее рамках мерами процессуального принуждения и удовлетворенности их применением. Отмечается органическая взаимосвязь социально-интегративного предназначения уголовного и уголовно-процессуального права. Вместе с тем выявлено собственное социально-интегративное предназначение уголовно-процессуального права, проявляющееся в том, что уголовное судопроизводство, его организация предназначены для удовлетворения объективных базовых потребностей общества, к которым относятся сдерживание преступности, контроль над ней, урегулирование и разрешение уголовно-правовых конфликтов, возмещение причиненного в ходе преступления вреда и предупреждение новых уголовно наказуемых деяний.

Ключевые слова: социально-интегративное предназначение; уголовно-процессуальное право; сдерживание преступности; урегулирование криминальных конфликтов; возмещение вреда; превенция

Для цитирования: Плошкина Я. М. Социально-интегративное предназначение уголовно-процессуального права. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 4. С. 55–69. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.055-069

The Socially Integrative Purpose of Criminal Procedure Law

Yana M. Ploshkina

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract. The paper examines the socio-integrative function of criminal procedure law and seeks to identify its unifying role within society. The socio-integrative purpose of criminal procedure law lies in fostering social cohesion and securing public acceptance of the State's methods of responding to criminally punishable conduct. Criminal proceedings, as well as their institutional design, reflect society's attitude toward the criminal justice system as a whole. The organization of criminal proceedings should be grounded on moral principles and remain subject to ethical standards and normative constraints. The paper describes criteria for assessing social satisfaction with the existing criminal justice system, including the general socio-psychological climate surrounding the resolution of

criminal conflicts and the level of public trust in the system. Such trust encompasses, inter alia, a certain degree of social solidarity with the procedural coercive measures established within the system and satisfaction with their application. The organic interrelationship between the socio-integrative function of substantive criminal law and that of criminal procedure law is emphasized. At the same time, the Article demonstrates that criminal procedure law possesses an independent socio-integrative function, manifested in the capacity of criminal proceedings and their institutional structure to satisfy fundamental societal needs. These needs include the deterrence and control of crime, the resolution of criminal law conflicts, the restitution of harm caused by criminal conduct, and the prevention of future criminal offenses.

Keywords: socio-integrative purpose; criminal procedure law; curbing crime; settlement of criminal conflicts; compensation for harm; prevention

Cite as: Ploshkina YaM. The Socially Integrative Purpose of Criminal Procedure Law. *Lex russica*. 2026;79(4):55-69. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.055-069

Введение

Всё больше внимания уделяется социальной ориентированности права, его различных отраслей. Так, председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин в докладе на X Всероссийском съезде судей 29 ноября 2022 г. говорил о социально ориентированном правосудии: «Гуманистические начала судебной власти предполагают практическое воплощение в деятельности судов курса на социально ориентированное правосудие. Речь прежде всего идет о роли судебной власти в предупреждении и разрешении социальных конфликтов и тем самым в упрочении социальной интеграции»¹.

Он обратил особое внимание также на «вневременные» требования к суду: «отношение суда к участникам судопроизводства как к личностям, которые имеют неотъемлемые права, уважение их достоинства, недопустимость произвола в толковании и применении норм права». Далее В. Д. Зорькин отметил: «Повышенная напряженность конкретного исторического периода времени не является поводом для неоправданного перевеса в сторону суровости. Если закон предоставляет определенную свободу усмотрения при решении конкретного вопроса, то необходимо обществу демонстрировать гуманистический характер российского права и правоприменения, целенаправленно привносить добро, человеколюбие и гуманизм в жизнь общества правовыми средствами... Подобный сигнал, исходящий от судов, действующих от имени Российской Федерации, позволит укрепить уверенность граждан в завтрашнем

дне, создаст определенный положительный настрой на созидательную деятельность на благо страны»².

Курс на социально ориентированное правосудие при рассмотрении уголовных дел неизбежно влечет постановку вопроса о социально-интегративном предназначении уголовно-процессуального права. Ведь социальная ценность уголовного судопроизводства предопределена социальной сущностью права как регулятора общественных отношений. Уголовно-процессуальное право регламентирует взаимодействие людей в социуме по поводу совершенного преступления, устанавливая пределы допустимого поведения, предусматривая реакцию государства и закрепляя порядок реагирования в обществе на преступления — наиболее опасные с государственной точки зрения отклонения. Установление в законе порядка расследования совершенного преступления, привлечения виновных к уголовной ответственности и назначения от имени государства наказания в строго установленных законом размерах обращено как к самому правонарушителю, так и к социуму в целом, поскольку демонстрирует границы допустимого, дозволенного, предусмотренные процедуры и механизмы реагирования на нарушение лицом уголовного закона.

Всё это порождает вопросы: какой может и какой должна быть система уголовного судопроизводства, в чем ее предназначение, в каком направлении необходимо ее совершенствовать? Ответы на них можно получить, рассматривая уголовное судопроизводство через призму социального предназначения.

¹ П. 5 доклада Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина на X Всероссийском съезде судей // URL: <https://rg.ru/2022/11/29/valerij-zorkin-vazhnoe-uslovie-doveriia-obshchestva-k-sudebnoj-vlasti-ispolnenie-sudebnyh-reshenij.html> (дата обращения: 01.12.2024).

² П. 4 доклада Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина на X Всероссийском съезде судей.

Основная часть

Сначала необходимо определиться с терминологией. В толковом словаре термин «социальный» употребляется в двух значениях: социум и общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе³. Слово «интегративный» означает связанный, соотносящийся по значению с существительным; либо цельный, целостный⁴. Но толкование данных слов не позволяет прояснить социально-интегративное предназначение уголовно-процессуального права, поэтому требуются дальнейшие пояснения.

Поскольку уголовно-процессуальное законодательство, как и любое другое отраслевое, базируется на Конституции РФ, охраняет обозначенные в ней ценности, следует обратиться к Основному Закону. Россия — социальное государство, чья политика направлена в первую очередь на создание таких условий, которые обеспечивали бы достойную жизнь человека и его свободное развитие (ч. 1 ст. 7). Конституция РФ провозглашает нашу страну социальным государством, однако не раскрывает, что это означает. В науке понятие «социальное государство» связано с принципом социальной справедливости. Социальным называют такое государство, которое обязуется заботиться о социальной справедливости, благополучии своих граждан, их социальной защищенности; государство можно считать социальным, если его политика ориентирована на создание таких условий, которые обеспечивали бы достойную жизнь любому человеку⁵. Представляется заслуживающей внимания идея Б. А. Кистяковского о том, что «признание права на достойное человеческое существование не является только осуществлением социальной справедливости, своеобразным аналогом призранию бедных, а выступает действительным личным правом каждого человека, осуществление которого не роняет и не ущемляет его личное досто-

инство, что может быть в случае пользования им правом на вспомоществование»⁶.

Понятия «достойная жизнь» и «свободное развитие человека» (ч. 1 ст. 7 Конституции РФ) означают жизнь не только обеспеченную, но и свободную от различных преступных угроз, например от угрозы стать жертвой преступления. Интересны результаты проведенных в начале 2000-х гг. и в наши дни социологических исследований. В первые годы XXI в. до 75 % опрошенных граждан боялись стать жертвой преступления (ограбления, изнасилования и пр.)⁷. Проведенное автором социологическое исследование показало, что на сегодняшний день 47 % опрошенных боятся стать жертвами краж, убийств, изнасилований и пр. Получается, что с течением времени количество россиян, испытывающих чувство тревоги, порожденное опасностью подвергнуться преступному насилию, уменьшилось.

Возникает вопрос, чему/кому должно служить уголовно-процессуальное право. С учетом ст. 2 и 18 Конституции РФ во главе угла должна находиться защита самого человека, его прав и свобод, так как именно сам человек со своими правами и свободами представляет собой высшую ценность, определяющую смысл действующего законодательства, содержание и применение различных законов, деятельность всех органов публичной власти. Ввиду этого признание, защита прав и свобод человека и гражданина, их соблюдение образуют обязанность государства. Человек — существо социальное, и в настоящее время он не может пребывать вне государства. Еще Аристотель указывал, что человек по природе своей является «политическим существом, а тот, который не вследствие случайных обстоятельств, а по природе своей живет вне государства, — это или недоразвитое существо в нравственном отношении, или сверхчеловек»⁸.

Рассуждая о социально-интегративном предназначении уголовно-процессуального

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2013. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30014> (дата обращения: 01.12.2024).

⁴ URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/интегративный> (дата обращения: 01.12.2024).

⁵ См.: Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции РФ: новая редакция (постатейный). 3-е изд., испр. и доп. М.: Проспект, 2020; Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика: монография. М.: Юстицинформ, 2017. С. 145.

⁶ См.: Кистяковский Б. А. Философия и социология права: учебник. СПб.: РХГИ, 1998. С. 425.

⁷ См.: Голик Ю. В. Социалистическая идея и необходимость ее отражения в уголовном законе и в уголовном праве. СПб., 2007. С. 18.

⁸ См.: Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 378.

права, сто́ит отметить, что оно должно действовать в интересах народа и конкретного человека, защищать народ, а также права и свободы индивида. Иначе уголовно-процессуальное право, закон будут способствовать отчуждению власти от народа. Власть — это не только объект усиленной охраны, но и одновременно с этим «источник повышенной опасности»⁹. Государство представляет собой власть с легитимированным насилием. Насилие не может быть бесконтрольным и произвольным. Ограничением выступает именно закон, который должен быть социально ориентированным. Поэтому уголовно-процессуальное право должно как защищать совершившее преступление лицо от незаконного и необоснованного уголовного преследования и затем осуждения, включая ограничения его прав и свобод, так и заботиться о потерпевшем (физическом или юридическом лице), соблюдении его прав и законных интересов, что в совокупности образует назначение уголовного судопроизводства (ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

Выясняя социально-интегративное предназначение уголовно-процессуального права, необходимо учитывать его взаимосвязь с правом уголовным. Ведь посредством уголовного судопроизводства претворяются в жизнь уголовно-правовые нормы. Предлагаем обратиться к науке уголовного права, где изначально такое явление, как социально-интегративное предназначение (или функция), разрабатывалось в конце XX в. А. В. Уссом, Г. А. Злобиным, Г. М. Резником, Ю. В. Голиком. Социально-интегративная функция уголовного права проявляется в сплачивании для борьбы с преступностью общества законопослушных людей, осуждающих лиц, преступивших уголовный закон¹⁰. Одним из комплексных исследований социально-интегративной роли уголовного права стала монография А. В. Усса.

А. В. Усс предлагает социально-интегративную (нормостабилизирующую) модель уголовно-правового контроля, которая исходит из того, что социально-психологическая атмосфера, которая складывается в связи с государственной деятельностью по урегулированию уголовно-правовых конфликтов, а также уровень доверия граждан к системе уголовно-пра-

вового контроля выступают наиважнейшими условиями нормального, стабильного функционирования всего общественного организма и формирования установок на законопослушное поведение. В итоге в различных нормативных ожиданиях общества на первое место выходит «не результативность уголовно-правовых мер (т.е. способность к устрашению или даже исправлению совершивших преступления лиц с целью неукоснительного соблюдения норм, защищаемых государством), а обеспечение справедливости, т.е. их соответствия сформированным социально-нравственным представлениям в обществе об определенном должном ответе за содеянное»¹¹.

Любое преступление нарушает общественные отношения, провоцирует социально-психологическую деформацию в обществе (вызывает реакцию недовольства, возмущения), причиняет горе и страдание, материальный и моральный вред людям, лишает их уверенности в защищенности, формирует у совершившего преступление лица представление о допустимости пренебрежения требованиями закона в будущем, служит отрицательным примером для подражания.

При проведении расследования уголовного дела, решении вопроса о виновности лица, назначении уголовного наказания в социум поступают информационные сигналы, свидетельствующие о восстановлении авторитета нарушенных правовых норм, в том числе с помощью различных мер процессуального принуждения, уголовного наказания, и формирования в сознании людей определенной ценностной нормативной системы, одобряемой ими. Порицающие информационные сигналы, которые посылаются в общество в ходе уголовного процесса при расследовании, назначении и реализации уголовного наказания, можно охарактеризовать как нравственное и одобряемое обществом воздействие, осуществляемое в сфере официальных формализованных отношений.

Ведь на уголовно-процессуальное право, как и на право в целом, ввиду особой значимости возложена нравственная нагрузка. Неслучайно в юридической литературе право и мораль рассматриваются как тесно взаимосвязанные яв-

⁹ См.: Щедрин Н. В., Кылина О. М. Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее. Красноярск : РУМЦ ЮО, 2006.

¹⁰ См.: Голик Ю. В. Указ. соч. С. 13.

¹¹ См.: Усс А. В. Социально-интегративная роль уголовного права. Красноярск, 2015. С. 164, 268.

ления. С. С. Алексеев подчеркивает, что право, будучи формой общественного регулирования, основано на господствующей в социуме морали, пронизывающей его содержание и во многом определяющей его облик и черты; мораль имеет в праве одну из форм своего существования¹². Мораль, нравственность наполняют право, получают государственную поддержку и влияют на него. Как следствие, в праве находят свое отражение нравственные и моральные ценности.

Уголовно-процессуальная деятельность, являясь государственной деятельностью, распространяется на многие сферы общественной и личной жизни и в результате затрагивает интересы, права различных лиц. Поэтому в организации уголовного судопроизводства проявляются ценности общества, его приоритеты, а также отношение социума к иерархии охраняемых уголовным и уголовно-процессуальным правом благ и ценностей, существующим этическим нормам и моральным запретам. Вот почему необходимо говорить о социально-интегративном предназначении уголовно-процессуального права, в котором отражено отношение общества к функционирующей в стране системе уголовного судопроизводства и которое есть продукт не криминальной обстановки, а состояния общества в целом. В организации уголовного судопроизводства, по сути, воплощаются ценностные представления социума. Из того, как оно организовано, можно сделать вывод о реальных, а не просто декларируемых приоритетах ценностей, охраняемых как уголовным, так и уголовно-процессуальным правом. Таким образом, уголовное судопроизводство — это зеркало общества, в котором отражены стандарты, ценности, главенствующие в социуме, его приоритеты, а также отношение социума к иерархии охраняемых уголовным и уголовно-процессуальным правом благ и ценностей, этическим нормам и моральным запретам, существующим в обществе.

В силу взаимосвязи права и морали уголовное судопроизводство должно находиться под влиянием этических норм и моральных запретов. Еще А. Ф. Кони обращался к нравственным

началам в уголовном судопроизводстве, он посвятил данному вопросу отдельный очерк — «Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики)»¹³. Выдающийся русский юрист отмечал, что судебный деятель, наряду со служебным долгом, имеет и нравственный долг, обязывающий не забывать о том, что объектом его действий выступает прежде всего человек с фундаментальным и неотъемлемым правом на уважение к его человеческому достоинству. Поэтому А. Ф. Кони называл прокурора даже в судебном производстве «говорящим публично судьей»¹⁴. Считаем, что о нравственном долге следует помнить не только судебным деятелям, но и всем должностным лицам уголовного судопроизводства.

Поскольку в организации уголовного судопроизводства находят отражение ценностные представления общества о том, как должен быть устроен государственный механизм реагирования на совершенное преступление, а также насущные потребности социума и государства, уголовно-процессуальная политика играет значительную роль при формировании уголовно-процессуального права. Важны постоянная обратная связь с обществом, учет общественного мнения при проведении политики государства, в том числе уголовно-процессуальной.

Между тем для эффективной организации уголовного судопроизводства, по нашему мнению, необходимо, чтобы законодатель при инициировании и принятии законов, а правоприменители при их реализации исходили в первую очередь из постулата: не народ для права и правовой идеи, а право для народа. Один из ярких положительных примеров — поиск и создание правовых оснований для привлечения к участию в специальной военной операции лиц, которые совершили различные преступления, и возможность получения ими в связи с участием в ней особых преференций. Сначала это осуществлялось посредством издания актов Президента РФ о помиловании осужденных, а затем был создан комплексный правовой механизм освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела/преследования в отношении лиц, совер-

¹² См.: Алексеев С. С. Проблемы теории права : учебник. М. : Юридическая литература, 1981. Т. 1. С. 71–73.

¹³ См.: Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // Избранные произведения. М., Госюриздат, 1956. С. 19–48. URL: http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/BIO/KONI/AFKONI_E.HTM (дата обращения: 20.12.2024).

¹⁴ См.: Смолькова И. В. Анатолий Федорович Кони о судебном красноречии и ораторском искусстве // Адвокатская практика. 2014. № 2. С. 3–10.

шивших различные преступления, но заключивших в период мобилизации с Министерством обороны РФ контракт о прохождении военной службы и участвующих в специальной военной операции.

Принимая во внимание взаимосвязь уголовного и уголовно-процессуального права, считаем возможным при определении социально-интегративного предназначения уголовного-процессуального права воспользоваться критериями, сформулированными для уголовного права¹⁵, но адаптированными к уголовно-процессуальному праву. Таковыми выступают общая социально-психологическая атмосфера в социуме, которая формируется вокруг системы уголовного судопроизводства и ее реализации, и уровень доверия населения страны к функционирующей системе, включая солидарность людей с установленными в ней мерами уголовно-процессуального принуждения и удовлетворенность от их применения. Наряду с этим (общая социально-психологическая атмосфера и уровень доверия граждан к существующей системе уголовного судопроизводства) считаем необходимым учитывать приоритетные направления уголовно-процессуальной политики и основные ее тенденции.

Необходимость учета уголовно-процессуальной политики обусловлена, во-первых, тем, что она вместе с уголовно-процессуальной наукой влияет на формирование уголовного судопроизводства. Во-вторых, в уголовно-процессуальной политике проявляются как государственный подход, так и опосредованно существующий определенный настрой в социуме, в его различных социальных группах, т.е. фактически отношение общества к действующей организации уголовного судопроизводства. Не стоит забывать, что именно люди формируют и уголовно-процессуальную политику, и науку. Поэтому обозначенные тенденции в уголовно-процессуальной политике, а также наиболее часто поднимаемые дискуссионные вопросы в науке и варианты их решения свидетельствуют о болевых точках общества.

Так, В. Д. Зорькин, выступая на X Всероссийском съезде судей, акцентировал внимание слушателей на том, что людям в современных условиях необходима твердая опора в повседневной жизни, в качестве которой выступает

«обеспечение законности и *поддержание доверия граждан к закону и действиям государства*». Законодательство вместе с правоприменением должны защищать людей от юридической некомпетентности, от злоупотребления правом, и в этом суды играют большую роль¹⁶.

Однако, несмотря на тесную взаимосвязь уголовного права с уголовно-процессуальным, поскольку уголовное судопроизводство является действующим механизмом претворения уголовного права в жизнь, уголовно-процессуальное право имеет собственное социально-интегративное предназначение, отличное от уголовного права, хотя подобная позиция не всегда воспринималась уголовно-процессуальной доктриной. Ряд процессуалистов (например, Л. В. Головкин, Н. Г. Стойко) в той или иной мере интересовались социально-интегративным предназначением уголовно-процессуального права.

Следует отметить, что в исторической ретроспективе уголовное судопроизводство понималось по-разному. С учетом неразрывной связи уголовного процесса с уголовным правом, согласно одной позиции, уголовное судопроизводство соотносится с уголовным правом как определенная форма и содержание, т.е. уголовный процесс является лишь формой, в которой уголовное право реализуется¹⁷. Но уголовный процесс невозможно себе представить без уголовного права, как и наоборот. Уголовное судопроизводство без уголовного права беспредметно, поскольку только нормы материального уголовного права определяют состав преступления, наличие или отсутствие которого устанавливается в ходе производства по конкретному уголовному делу, т.е. посредством уголовного судопроизводства. Вместе с тем уголовное право без уголовного процесса бессильно, поскольку только уголовное судопроизводство предусматривает порядок, в котором производится выяснение, установление и расследование преступлений и лиц, их совершивших.

Подобный подход не согласуется с пониманием права, которое в широком смысле является определенной формой общественных отношений, опосредуемых правом и составляющих его содержание. Ввиду этого недопустимо, что-

¹⁵ См.: Усс А. В. Указ. соч. С. 268.

¹⁶ П. 3 доклада Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина на X Всероссийском съезде судей.

¹⁷ См.: Чельцов М. А. Советский уголовный процесс : учебник. М. : Госюриздат, 1951. С. 17, 18.

бы правовые нормы одной отрасли выступали только формой другой отрасли права, а вторые были исключительно содержанием первых¹⁸.

Нужно учитывать, что соблюдение различных уголовно-правовых норм достигается не только при осуществлении уголовного судопроизводства. Многие люди добровольно соблюдают положения уголовного закона в силу сознательности, не совершая преступления. Наличие уголовных законов оказывает определенное предупредительное воздействие на отдельных неустойчивых и несознательных лиц, информируя их заранее о возможных уголовно-правовых последствиях, в частности наказании, судимости. Уголовно-процессуальный закон предусматривает порядок расследования и рассмотрения уголовного дела в случае совершения преступления, установления виновности лица и вынесения итогового процессуального решения по делу.

Признавая неразрывную органическую связь и взаимную обусловленность двух отраслей права (уголовно-процессуального и уголовного), в то же время надо помнить, что для каждой из них характерны свои формы (определенный способ регулирования общественных отношений) и содержание (специфические регулируемые общественные отношения). Различие между уголовным и уголовно-процессуальным правом кроется в специфических общественных отношениях, которые выступают предметом регулирования конкретной отрасли права и имеют свою правовую форму¹⁹. Поэтому правовым нормам каждой отрасли права соответствуют определенные правоотношения, через которые она реализуется, приобретая специфику. Так, уголовно-процессуальным нормам соответствуют уголовно-процессуальные отношения, уголовно-правовым нормам — уголовно-правовые отношения. При этом уголовно-процессуальное правоотношение служит своеобразным средством установления уголовно-правового правоотношения. С помощью различных уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих в ходе производства по уголовному делу между уполномоченными должностными лицами, органами и обвиняемым, свидетелями, потерпевшим и иными

участниками уголовного судопроизводства, происходит установление уголовно-правового правоотношения — отношения государства к совершившему преступление лицу²⁰.

М. С. Строгович, исследуя понятие уголовного процесса, его сущность, обозначил два элемента. Первый — это основанная на законе деятельность уполномоченных должностных лиц и органов: органов дознания и следствия, прокуратуры и суда. Второй — разноплановые правоотношения уполномоченных должностных лиц и органов как друг с другом, так и с иными лицами, которые вовлекаются ими в орбиту уголовного судопроизводства и на которых их деятельность направлена²¹. Сочетание двух обозначенных элементов — деятельности и правоотношений — трактовалось ученым как естественная связь содержания и формы. Таким образом, уголовно-процессуальные отношения — это правовая форма деятельности соответствующих уполномоченных на проведение расследования и рассмотрения дела должностных лиц и органов (прокуратуры, органов следствия и дознания, суда), а их деятельность — содержание уголовно-процессуальных отношений. М. С. Строгович с учетом этого определяет сущность уголовного процесса, под которым понимает установленную определенными законами систему соответствующих действий уполномоченных на расследование и рассмотрение дела органов и должностных лиц (органы следствия, дознания, прокуратура, суд), а также их правоотношений с гражданами и организациями, на которых деятельность уполномоченных органов и должностных лиц распространяется, и правоотношений данных органов и должностных лиц друг с другом при проведении расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела²².

В современном мире уголовное судопроизводство представляет собой форму реакции на совершенное преступление со стороны государства в лице его соответствующих должностных лиц и органов, которая позволяет ему не только создавать и обеспечивать, но и поддерживать правопорядок в обществе. Уголовное наказание в правовом отношении — не всегда автоматическое последствие совершенного

¹⁸ См.: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса : учебник. М. : Изд-во АН СССР, 1958. С. 47.

¹⁹ См.: *Строгович М. С.* Указ. соч. С. 47.

²⁰ См.: *Строгович М. С.* Указ. соч. С. 50.

²¹ См.: *Строгович М. С.* Указ. соч. С. 17, 20.

²² См.: *Строгович М. С.* Указ. соч. С. 20, 21.

преступления, несмотря на то что некоторые из преступлений остаются неизвестными правоохранительным органам (латентная преступность), а другие — нераскрытыми. Назначению уголовного наказания и его исполнению предшествует производство по уголовному делу, где необходимо сначала возбудить уголовное дело, провести расследование (установить и выяснить все необходимые обстоятельства совершенного преступления, личность обвиняемого, собрать доказательства его виновности, предоставить обвиняемому лицу некие возможности для защиты), затем разрешить дело по существу, вынести от имени государства приговор. При этом надо иметь в виду возможности обжалования приговора суда. Деятельность по расследованию и рассмотрению уголовного дела, постановлению приговора и его обжалованию осуществляется в строго установленных законом процессуальных формах, и государство позволяет наказывать виновных лиц вне зависимости от тяжести совершенных ими преступлений. Преступления, совершенные в жизни, но без осуществления уголовного судопроизводства, могут иметь только латентную, скрытую форму, это своеобразный социальный феномен, не учтенный государством, потому и назначение наказания за них невозможно. С регистрацией отдельного гипотетически совершенного преступления начинается, по сути, деятельность правоохранительных органов, невзирая на то, приведет ли она к возбуждению уголовного дела и его прохождению через стадии уголовного процесса, в том числе к разрешению дела судом по существу с вынесением приговора, либо завершится прекращением дела / уголовного преследования или отказом в возбуждении уголовного дела при неподтверждении факта совершения преступления²³.

Уголовно-процессуальная деятельность сложна и многогранна, она состоит из межличностного разнопланового взаимодействия участников уголовного судопроизводства: государства в лице уполномоченных должностных лиц и органов, которые определяют ход уголовно-процессуальной деятельности и за нее

ответственны, вовлекают в нее иных необходимых лиц, и других участников процесса, вовлеченных в расследование и рассмотрение конкретного дела (подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший, гражданские истец и ответчик, представители, а также свидетели, специалисты, переводчики, эксперты и др.)²⁴.

Соответственно, несмотря на тесную органическую связь уголовного и уголовно-процессуального права, нужно признать за последним отдельное содержание, а не рассматривать его только как форму уголовного права. Уголовно-процессуальное право имеет собственное социально-интегративное предназначение, которое проявляется в том, что уголовное судопроизводство осуществляется с целью обеспечения базовых потребностей социума. К таковым относятся сдерживание преступности, осуществление контроля над ней, урегулирование криминального конфликта, возмещение причиненного преступлением вреда и предупреждение совершения новых преступлений.

Для их удовлетворения, как отмечает Н. Г. Стойко²⁵, государство через уголовное судопроизводство стремится обеспечить публичную реакцию со своей стороны на преступления, социальную справедливость (иными словами, меру социального согласия) и восстановление определенного баланса интересов между обвиняемым (лицом, совершившим преступление) и потерпевшим (пострадавшим). Ведь в уголовном судопроизводстве проявляется конфликт ценностей при столкновении общественных и индивидуальных интересов. Государство, обозначая свое отношение к вышеуказанным моментам и организуя систему уголовного судопроизводства, по сути, устанавливает приоритет защищаемых ценностей, их иерархию, а вместе с этим допустимые средства и методы ограничения прав личности для того, чтобы обеспечить публичные интересы. Фактически государство определяет уголовно-процессуальную политику, которая отражает также основные векторы развития уголовно-процессуального права.

Сдерживание преступности, контроль над ней и предупреждение преступлений (общая

²³ См.: Курс уголовного процесса : учебник / под ред. Л. В. Головки. 3-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2021. С. 322.

²⁴ См.: Курс уголовного процесса. С. 322.

²⁵ Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем : монография. СПб., 2006. С. 92.

и специальная превенция) — базовые потребности общества. Так, в рейтинге стран мира Российской Федерация по абсолютному количеству заключенных в местах лишения свободы входит в пятерку мировых лидеров: в 2020 г. она занимала третье место по числу заключенных после США и Китая, в 2021 г. — четвертое после США, Китая и Бразилии, в 2022 г. — пятое после США, Китая, Бразилии и Индии²⁶. Как следует из статистической информации ФСИН России, на 1 января 2023 г. в уголовно-исполнительной системе содержится 433 006 человек²⁷. Всё это свидетельствует об острой потребности общества в сдерживании преступности, а также необходимости сокращения уголовной репрессии. Согласно официальной судебной статистике, с 2018 по 2022 г. количество лиц, имевших неснятые и непогашенные судимости на момент судебного рассмотрения, составляет 36–39 % (в зависимости от года) от всех осужденных. Если к этой категории добавить ранее юридически несудимых, но совершавших преступления в прошлом или впервые совершивших два и более преступления, станет очевидным, что таких лиц, которые совершили повторно преступления или впервые сразу несколько преступлений, больше половины от всего количества осужденных (53–56 % в зависимости от года)²⁸. Получается, что почти каждый второй осужденный совершал какое-либо преступление больше одного раза, что указывает на повышенную степень общественной опасности данных лиц.

Длительное пребывание обвиняемого в СИЗО при проведении расследования и рассмотрения уголовного дела, а затем осужденного в местах лишения свободы при назначении ему наказания, связанного с лишением свободы, приводит к необходимости ресоциализации такого лица в будущем. Ввиду стигматизации происходит разрушение, утрата имеющегося у осужденного, особенно к реальному сроку лишения свободы, прежнего его социального статуса, это затрудняет сохранение социально

полезных связей, что вызывает изменение восприятия им собственной личности, самооценки. Стигматизация формирует в обществе негативное, предвзятое отношение к девианту, в результате чего у него может возникнуть в качестве ответа определенная враждебность к окружающему миру. Стигматизация зачастую выступает причиной вовлечения лица в девиантную группу, относящуюся терпимо к нарушению уголовного закона и преступающую его, итогом чего становится повышенный риск совершения им новых преступлений. Наличие судимости влечет для человека множество проблем, например препятствует осуществлению различных видов трудовой или иной профессиональной деятельности.

Существует мнение, что чем грубее общественные нравы, чем выше уровень и опаснее структура преступлений, тем более жесткими должны быть средства борьбы с ними. Однако можно обозначить и обратную связь: традиционное уголовное судопроизводство, особенно при применении такой меры пресечения, как заключение под стражу и назначение впоследствии реального, а не условного наказания, в том числе суровых его видов, или отказ от наказания либо неприменение альтернатив уголовному преследованию вряд ли способно улучшить состояние общественной нравственности и существенно сократить количество совершаемых преступлений. Сложившиеся у людей моральные ориентации, их представления о ценностях и иерархии ценностей зависят в определенной степени от того, что государство позволяет им, а что нет при обнаружении совершенного преступления, т.е. какой урок оно преподает людям. Верно утверждение, согласно которому жестокие преступления — это эхо суровых наказаний²⁹. Окружающая среда (семья, круг общения, работа, социальные связи), то, с кем и с чем сталкивается человек на своем жизненном пути, оказывает влияние на формирование его личности. Если человек пребывает в негативной среде, становится сви-

²⁶ Сбором данных о количестве заключенных в разных странах по всему миру занимается Институт исследований в области уголовной политики (Institute for Criminal Policy Research). См.: URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/prison-population> (дата обращения: 01.12.2024).

²⁷ Официальный сайт ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 01.12.2024).

²⁸ См.: Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ (форма № 11.2) // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 01.12.2024).

²⁹ См.: Усс А. В. Указ. соч. С. 276.

детелем нарушения положений закона, наблюдает, что далеко не все виновные в преступлениях выявляются и привлекаются к уголовной ответственности, то он воспринимает такую действительность в качестве благоприятного условия для возможного противоправного поведения³⁰.

Любое преступление причиняет вред охраняемым правовым благам, ценностям. Поэтому одна из социальных потребностей — возмещение причиненного преступлением вреда, механизмы которого и правовые последствия закреплены, в частности, в уголовно-процессуальном праве. Гарантии прав потерпевшего на возмещение ему причиненного преступлением вреда реализуются посредством предусмотренной в УПК РФ возможности подачи гражданского иска в уголовном судопроизводстве. Потерпевшему лицу может быть возмещен имущественный ущерб, а также причиненный здоровью или его личным неимущественным правам вред. Рассмотрение российским судом гражданского иска по уголовному делу — один из традиционных правовых механизмов так называемой эффективной судебной защиты потерпевшего и его прав (постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23³¹). Но в большинстве случаев на практике фактического возмещения потерпевшему такого вреда не происходит или приходится очень долго ждать его в силу разных причин. В связи с этим заслуживают внимания альтернативные варианты его возмещения.

Один из вариантов возмещения потерпевшему вреда в рамках уголовного судопроизводства — Фонд компенсации потерпевшим (далее — Фонд) в Республике Казахстан (далее — РК). Положения о данном Фонде содержатся как в ст. 173 УПК РК, так и в специальном Законе РК от 10.01.2018 № 131-VI ЗРК «О Фонде компенсации потерпевшим»³² (далее — Закон РК). Согласно ч. 1 ст. 173 УПК РК³³ потерпевшие обладают правом на получение компенсации

в случаях и порядке, установленных законодательством РК о Фонде.

Цель Фонда — поддержка граждан, признанных потерпевшими по отдельным составам уголовных правонарушений, фактическая защита их прав, свобод и законных интересов (ст. 2.1 Закона РК). Легальная дефиниция Фонда содержится в п. 2 ст. Закона РК. Это контрольный счет наличности, открытый в центральном уполномоченном органе по исполнению бюджета для зачисления поступлений денег и проведения выплаты единовременной денежной компенсации согласно законодательству РК о Фонде. Следовательно, данный Фонд является составной частью консолидированного бюджета РК. Основными источниками его формирования выступают: принудительные платежи, которые взыскиваются судом со всех осужденных в размере от 5 до 30 месячных расчетных показателей³⁴ (размер взыскания зависит от категории совершенного уголовного правонарушения); взыскания, наложенные судом на участников процесса за процессуальные нарушения; денежные средства, взысканные в порядке регрессных требований, и другие источники, не запрещенные законодательством РК (ст. 10 Закона РК). С 1 июля 2020 г. в РК предусмотрена компенсация, под которой понимается единовременная выплата денежных средств в установленном Законом РК порядке лицу, признанному потерпевшим по УПК РК.

Компенсация выплачивается каждому потерпевшему по отдельным составам уголовных правонарушений, исчерпывающий перечень которых содержится в Законе РК, в определенном этим Законом размере: от 30 до 50 месячных расчетных показателей (на ноябрь 2024 г. один месячный расчетный показатель — 3 692 тенге³⁵). Получателями единовременной денежной компенсации являются несовершеннолетние потерпевшие по уголовным правонарушениям, связанным с сексуальным насилием, торговлей людьми и пытками (по конкретным

³⁰ См.: Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования : монография. Красноярск : Изд-во Красноярского университета, 1989. С. 161.

³¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Российская газета. 2020, 23 октября. № 240.

³² URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000131> (дата обращения: 10.01.2025).

³³ URL: https://kodeksy-kz.com/ka/ugolovno-protsessualnyj_kodeks/173.htm (дата обращения: 10.01.2025).

³⁴ См.: Маманова С. Институт оказания материальной помощи жертвам преступлений создан в 2018 г. с принятием Закона РК «О Фонде компенсации потерпевшим» // URL: <https://zanmedia.kz/fond-kompensacii-poterpevshim/134926/> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁵ См.: Маманова С. Указ. соч.

обозначенным в Законе РК статьям УК РК). Компенсация выплачивается также лицам, здоровью которых уголовным правонарушением причинен тяжкий вред, лицам, зараженным вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ/СПИД), и лицам, наделенным в силу закона правами потерпевшего лица, в случае его смерти (по конкретным обозначенным в Законе РК статьям УК РК).

Обращение потерпевшего за единовременной компенсационной выплатой носит заявительный характер. Когда лицо признано потерпевшим по указанным в Законе РК составам уголовных правонарушений, оно имеет право на обращение с заявлением о назначении компенсации в орган, осуществляющий уголовное преследование, с представлением документов согласно перечню ст. 8 Закона РК. Срок рассмотрения заявления — 10 календарных дней со дня регистрации (ст. 8 Закона РК). Вместе с тем предусмотрен срок давности подачи заявления — три года со дня признания лица в качестве потерпевшего, но при пропуске срока подачи заявления потерпевший или лицо, наделенное его правами, может обратиться в суд для восстановления пропущенного срока в установленном законодательством РК порядке. Решение о назначении компенсации или отказе принимает уполномоченный руководитель органа, осуществляющего уголовное преследование. При отказе в назначении компенсации такое решение может быть обжаловано. Денежные средства перечисляются центральным уполномоченным органом по исполнению бюджета не позднее 10 календарных дней, которые следуют за датой представления органом, осуществляющим уголовное преследование, централизованного реестра получателей такой компенсации, на банковский счет получателя (ст. 9 Закона РК). При этом потерпевший не лишается права взыскания в полной мере причиненного ущерба с виновного лица в дальнейшем.

Таким образом, единовременная денежная компенсация — это мера социальной поддержки со стороны государства потерпевшим лицам до рассмотрения их уголовных дел по существу в суде. Задача Фонда — поддержка тех, кто материально пострадал от уголовного правонарушения, не имеет возможности получить возмещение вреда по нераскрытым преступ-

лениям, когда обвиняемое лицо скрывается от правосудия. Однако существующий в РК порядок принятия органом, осуществляющим уголовное преследование, решения о назначении компенсации критикуется учеными, поскольку порождает коррупционные риски в этих органах при решении вопроса о ее назначении³⁶. Считаем, что подобный опыт функционирования Фонда в РК заслуживает пристального внимания. Фактически единовременная денежная выплата из государственного бюджета гарантирует потерпевшему как минимум частичное возмещение нанесенного уголовным правонарушением ущерба, что благоприятно сказывается на обеспечении прав потерпевших, особенно на первоначальном этапе расследования уголовного дела, и повышает доверие населения к деятельности государственных органов.

Другая базовая потребность — необходимость урегулирования конфликта, возникшего в результате совершения преступления. Одной из наиболее распространенных и принятых в социуме форм его урегулирования выступает уголовное судопроизводство, от организации и приоритетов которого во многом зависит способ: либо через применение уголовно-процессуального принуждения или угрозы его применения, что не всегда способствует его разрешению и удовлетворению участников конфликта, либо добровольным путем.

Многие конфликты с криминальной формой воплощения могут быть урегулированы и без применения каких-либо уголовных карательных санкций. Общество ожидает от реакции властей на преступление в первую очередь не результативности проведенного правоохранительными органами расследования уголовных дел с привлечением виновных лиц к ответственности и назначением им наказания (речь идет об утрашении, а в определенных случаях исправлении виновных посредством неукоснительного соблюдения норм права). Социум ожидает преимущественно обеспечения справедливости, под которой понимается соответствие сложившимся и устоявшимся в обществе социально-нравственным представлениям о должном ответе за совершенное уголовно наказуемое деяние. В большинстве своем потерпевшие были бы больше удовлетворены не карательно-воспитательной деятельностью уполномоченных правоохранительных органов

³⁶ См.: Бектенов А. Е., Омарова Н. Н. Фонд компенсации потерпевшим: недостатки и преимущества // Вестник института законодательства и правовой информации РК. 2021. № 2 (65). С. 142–150.

и должностных лиц, а определенным невмешательством с их стороны в возникший уголовно-правовой конфликт либо возможным осуществлением ими неких посреднических функций при попытке участников конфликта самостоятельно его урегулировать³⁷. Проведенный нами опрос потерпевших от различных преступлений показал, что их позиция в части возможности применения компенсаторных мер, связанных с возмещением причиненного преступлением вреда, а не осуждения виновных зависит от конкретного преступления. Так, абсолютное большинство (80 %) потерпевших от преступлений против собственности (гл. 21 УК РФ), нарушения правил дорожного движения (ст. 264–264.3 УК РФ), неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ), неуплаты денежных средств на содержание нетрудоспособных родителей или детей (ст. 157 УК РФ), а также преступлений небольшой и средней тяжести против здоровья

человека (ст. 112, 115, 116 УК РФ) предпочли бы осуждению виновного лица применение компенсаторных мер, связанных с возмещением причиненного преступлением вреда. При этом абсолютное большинство (95 %) потерпевших от преступлений против здоровья и жизни, главным образом тяжких и особо тяжких (гл. 16 УК РФ), а также уголовно наказуемых деяний против половой неприкосновенности и половой свободы (гл. 18 УК РФ) выступали за привлечение к уголовной ответственности виновных и высказывали нежелание попытаться урегулировать возникший уголовно-правовой конфликт иным образом.

За последние годы, по официальной судебной статистике (см. таблицу), большинство совершенных в Российской Федерации преступлений — это преступления небольшой и средней тяжести (примерно 2/3 или 3/4 от всех преступлений, по которым вынесен обвинительный приговор, в зависимости от года)³⁸.

Данные судебной статистики

Год	Всего осуждено				
	По всем составам УК РФ	Небольшой тяжести	Средней тяжести	Тяжкие	Особо тяжкие
2022	578 751	292 380	118 079	135 828	32 464
2021	565 523	287 895	115 076	132 140	30 412
2020	530 998	274 968	114 415	115 670	25 945
2019	598 207	305 011	131 823	129 541	31 832
2018	658 291	334 712	153 315	135 616	34 648
2017	697 054	348 081	164 381	147 038	37 554
2016	741 329	364 662	175 280	160 755	40 632

С учетом преобладающего количества преступлений небольшой и средней тяжести позиция потерпевших, считающих возможным урегулировать уголовно-правовой конфликт иначе, без привлечения виновных к ответственности, заслуживает особого внимания.

Интерес к альтернативам уголовному преследованию в мире как нетрадиционной, нетипичной реакции государства на преступление в сравнении с уголовной репрессией говорит

о поиске иных способов урегулирования криминального конфликта, которые позволяют обнаружить оптимальные для каждой конкретной ситуации пути его разрешения. Это свидетельствует о смене парадигмы наказания на парадигму восстановления, которая ориентирована прежде всего на примирение и преодоление вне пределов уголовной репрессии вредных последствий уже совершенного преступления³⁹, т.е. фактически происходит карди-

³⁷ См.: Усс А. В. Указ. соч. С. 267, 269.

³⁸ См.: Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в РФ с 2018 по 2022 гг. (форма № 10.1) // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 01.12.2024).

³⁹ См.: Кузьмина О. В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве // Lex russica. 2015. № 1. С. 51–58.

нальное изменение уголовно-процессуальной политики. Существующие в уголовном судопроизводстве тенденции к рационализации и экономической целесообразности уголовно-процессуальной деятельности подтверждают эти изменения. В результате в уголовно-процессуальном законе появляется всё больше поощрительных норм, стимулирующих обвиняемое лицо к одобряемому правом и обществом посткриминальному поведению. Так, российский уголовно-процессуальный закон расширил с недавних пор перечень нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела/преследования. В последнее десятилетие помимо традиционных оснований прекращения уголовного дела / преследования (примирение сторон — ст. 25 УПК РФ, деятельное раскаяние — ст. 28 УПК РФ) появились новые: судебный штраф — ст. 25.1 УПК РФ⁴⁰, в 2024 г. в связи с проведением специальной военной операции — ст. 28.2 УПК РФ⁴¹, расширилась сфера действия возмещения ущерба — ст. 28.1 УПК РФ, прекратить уголовное преследование возможно как по делам в сфере экономической деятельности, так и по делам о преступлениях против собственности и других преступлениях (например, против конституционных прав и свобод человека и гражданина)⁴². Данные основания прекращения уголовного дела / преследования базируются на позитивном посткриминальном поведении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

Таким образом, собственное социально-интегративное предназначение уголовно-процессуального права проявляется в том, что уголовное судопроизводство, его организация созданы для обеспечения базовых потребностей общества в сдерживании преступности и контроле над ней, урегулировании криминальных конфликтов, возмещении причиненного преступлением вреда и предупреждении совершения новых преступлений.

Заключение

1. Социально-интегративное предназначение уголовно-процессуального права заключается в консолидации общества и одобрении им способов государственного реагирования на совершенное преступление; оно отражает отношение социума к существующей системе уголовного судопроизводства. Ведь уголовное судопроизводство — продукт не криминальной обстановки, а прежде всего состояния общества в целом, обнаруживающий фактические ценностные представления социума, его отношение к реакции государства на совершенное преступление. Поэтому в зависимости от того, как устроено уголовное судопроизводство, можно судить о реальных, а не декларируемых приоритетах, охраняемых уголовным и уголовно-процессуальным правом ценностях. Организация уголовного судопроизводства должна основываться на нравственных началах, и оно должно находиться под влиянием этических норм и моральных запретов.

2. Критериями удовлетворенности общества действующей системой уголовного судопроизводства выступают общая социально-психологическая атмосфера в социуме вокруг системы уголовного судопроизводства в части разрешения криминальных конфликтов, а также уровень доверия населения к ней, определенная степень солидарности с установленными в ее рамках мерами процессуального принуждения и удовлетворенность их применением. Помимо этого, необходим учет приоритетных направлений уголовно-процессуальной политики и тенденций в уголовно-процессуальной науке, поскольку уголовно-процессуальная политика, так же как и наука, формирует уголовно-процессуальное право. Все они отражают государственный подход к организации уголовного судопроизводства и опосредованно существующий в обществе настрой, включая мнения разных социальных групп по этому вопросу. Ведь и уголовно-процессуальную политику, и науку создают люди. Выделяемые тенденции в уголовно-процессуальной политике, наиболее

⁴⁰ Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СЗ РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4256.

⁴¹ Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ» // СЗ РФ. 2024. № 13. Ст. 1687.

⁴² Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ» // СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8459.

часто поднимаемые проблемы в науке, а также пути их решения свидетельствуют о болевых точках общества.

3. Социально-интегративное предназначение уголовно-процессуального права состоит из двух аспектов. С учетом неразрывной взаимосвязи уголовного права с уголовно-процессуальным социально-интегративное предназначение уголовного права проявляется в социально-интегративном предназначении уголовно-процессуального права, ведь уголовное судопроизводство — действующий механизм, с помощью которого уголовное право претворяется в жизнь. При проведении расследования уголовного дела, решении вопроса о виновности лица, назначении уголовного наказания в социум поступают информационные сигналы о восстановлении авторитета нарушенных правовых норм, в том числе через применение мер процессуального принуждения, наказания, и формировании в сознании

людей одобряемой ими ценностной нормативной системы общества.

Вместе с тем уголовно-процессуальное право имеет собственное социально-интегративное предназначение, которое выражается в том, что уголовное судопроизводство создано для удовлетворения объективно существующих широких социальных потребностей в сдерживании преступности, контроле над ней, урегулировании и разрешении криминальных конфликтов, возмещении причиненного преступлениями вреда, предупреждении совершения новых противоправных действий, в том числе преступлений. Государство, организовывая уголовное судопроизводство, тем самым определяет приоритет защищаемых им ценностей и их иерархию, а также допустимые средства и методы ограничения конституционных прав человека и гражданина с целью обеспечения публичных интересов, фактически формирует уголовно-процессуальную политику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев С. С. Проблемы теории права : учебник. Т. 1. М. : Юридическая литература, 1981. 390 с.
- Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1984. 830 с.
- Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции РФ: новая редакция (постатейный). 3-е изд., испр. и доп. М. : Проспект, 2020. 256 с.
- Бектенов А. Е., Омарова Н. Н. Фонд компенсации потерпевшим: недостатки и преимущества // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. 2021. № 2 (65). С. 142–150.
- Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика : монография. М. : Юстицинформ, 2017. 488 с.
- Голик Ю. В. Социалистическая идея и необходимость ее отражения в уголовном законе и в уголовном праве. СПб., 2007. 172 с.
- Кистяковский Б. А. Философия и социология права : учебник. СПб. : РХГИ, 1998. 800 с.
- Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // Избранные произведения. М., Госюриздат, 1956. С. 19–48. URL: http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/BIO/KONI/AFKONI_E.HTM.
- Кузьмина О. В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве // Lex russica. 2015. № 1. С. 51–58.
- Курс уголовного процесса : учебник / под ред. Л. В. Головки. 3-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2021. 1248 с.
- Прохоров В. С., Кропачев Н. М., Тарбагаев А. Н. Механизм уголовно-правового регулирования : монография. Красноярск : Изд-во Красноярского университета, 1989. 207 с.
- Смолькова И. В. Анатолий Федорович Кони о судебном красноречии и ораторском искусстве // Адвокатская практика. 2014. № 2. С. 3–10.
- Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем : монография. СПб., 2006. 543 с.
- Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : учебник. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 468 с.
- Усс А. В. Социально-интегративная роль уголовного права : монография. Красноярск, 2015. 323 с.
- Чельцов М. А. Советский уголовный процесс : учебник. М. : Госюриздат, 1951. 408 с.
- Щедрин Н. В., Кылина О. М. Меры безопасности для охраны власти и защиты от нее. Красноярск : РУМЦ ЮО, 2006. 312 с.

REFERENCES

- Alekseev SS. Problems of the Theory of Law. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya Literatura Publ.; 1981. (In Russ.).
- Aristotle. Works: In 4 vols. Vol. 4. Moscow: Mysl Publ.; 1984. (In Russ.).
- Barkhatova EYu. Commentary on the Constitution of the Russian Federation: New Edition (Article-by-Article). 3rd ed. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).
- Bektenov AE, Omarova NN. Compensation Fund for Victims: Disadvantages and Advantages. *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*. 2021;2(65):142-150. (In Russ.).
- Cheltsov MA. Soviet Criminal Procedure. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1951. (In Russ.).
- Golik YuV. The Socialist Idea and the Necessity of Its Reflection in Criminal Law and Penal Law. St. Petersburg; 2007. (In Russ.).
- Golovko IV. Course of Criminal Procedure. 3rd ed. Moscow: Statut Publ.; 2021. (In Russ.).
- Kistyakovskiy BA. Philosophy and Sociology of Law. St. Petersburg: RKHGI Publ.; 1998. (In Russ.).
- Koni AF. Moral Principles in Criminal Procedure (General Features of Judicial Ethics). Available at: http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/BIO/KONI/AFKONI_E.HTM.
- Kuzmina OV. Alternative Methods of Resolving CriminalLegal Conflicts in Russian Law. *Lex russica*. 2015;1:51-58. (In Russ.).
- Prokhorov VS, Kropachev NM, Tarbagaev AN. Mechanism of CriminalLegal Regulation. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publ.; 1989. (In Russ.).
- Shchedrin NV, Kylina OM. Security Measures for the Protection of Power and Safeguarding Against It. Krasnoyarsk: RUMC YUO Publ.; 2006. (In Russ.).
- Smolkova IV, Anatolii F. Koni on Judicial Eloquence and the Art of Oratory. *Advokatskaya praktika*. 2014;2:3-10. (In Russ.).
- Stoyko NG. Criminal Procedure of Western States and Russia: A Comparative TheoreticalLegal Study of the AngloAmerican and RomanoGerman Legal Systems. St. Petersburg; 2006. (In Russ.).
- Strogovich MS. Course of Soviet Criminal Procedure: Textbook. Moscow: The Academy of Sciences of the USSR Publ.; 1958. (In Russ.).
- Uss AV. The SocialIntegrative Role of Criminal Law. Krasnoyarsk; 2015. (In Russ.).
- Vaipan VA. Theory of Justice: Law and Economics. Moscow: Yustitsinform Publ.; 2017. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плошкина Яна Михайловна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института Сибирского федерального университета
д. 6, Маерчака ул., г. Красноярск 660075, Российская Федерация
ploshkina_yana@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yana M. Ploshkina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, кандидат юридических наук, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Institute of Law, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
ploshkina_yana@mail.ru

Материал поступил в редакцию 6 февраля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 16 февраля 2025 г.

Принята к печати 15 марта 2026 г.

Received 06.02.2025.

Revised 16.02.2025.

Accepted 15.03.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.070-080

А. Г. РублевКрымский филиал Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева
г. Симферополь, Российская Федерация

Принцип правовой определенности при формулировании и толковании уголовно-правового запрета при нарушении правил дорожного движения

Резюме. Принцип правовой определенности включает в себя многочисленные требования, которые гарантируют, что уголовное право и его применение соответствуют требованиям верховенства права и законности. Одним из таких требований является максимальная определенность, согласно которой нормы уголовного права должны быть сформулированы ясно и точно, чтобы сделать его понятным и предсказуемым для граждан. Автор подчеркивает, что синхронизация уголовного права и технологических инноваций оправдана запросами общества. Законодательная власть обязана отслеживать технологические изменения, в частности развитие транспортных средств, чтобы своевременно и эффективно регулировать правоотношения в сфере безопасности дорожного движения. Без постоянного мониторинга и анализа действия новых технологий уголовный закон неизбежно будет отставать от реальности, что приведет к пробелам в правовом регулировании и возникновению ситуаций, когда деяния, представляющие общественную опасность, не будут охватываться действующим законодательством. Неопределенность закона подрывает авторитет власти и создает угрозу безопасности участников дорожного движения. В статье сделаны выводы о практическом значении принципа правовой определенности и недостаточной эффективности уголовно-правовых норм в сфере безопасности дорожного движения. Аргументирована необходимость устранения пробела в уголовном праве посредством отнесения средств индивидуальной мобильности к предмету автотранспортных преступлений. Обоснована целесообразность внесения в ст. 264.1 УК РФ дополнения в виде примечания — в контексте определенности уголовно-правового запрета. Сформулированы предложения по изменению диспозиции указанной нормы уголовного права.

Ключевые слова: Уголовный кодекс РФ; правовая определенность; транспортное средство; средство индивидуальной мобильности; дорожное движение

Для цитирования: Рублев А. Г. Принцип правовой определенности при формулировании и толковании уголовно-правового запрета при нарушении правил дорожного движения. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 4. С. 70–80. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.070-080

The Principle of Legal Certainty in Wording and Interpretation of Criminal Law Prohibitions in Violation of Traffic Rules

Andrey G. Rublev Lebedev Russian State University of Justice (Crimean Branch)
Simferopol, Russian Federation

Abstract. The principle of legal certainty includes numerous requirements that ensure that criminal law and its application comply with the requirements of the rule of law and legality. One of these requirements is maximum certainty, according to which the norms of criminal law must be worded clearly and precisely in order to make criminal law understandable and predictable to citizens. The author draws attention to the fact that the

© Рублев А. Г., 2026

synchronization of criminal law and technological innovations is justified by the needs of society. The legislative authority is obliged to monitor technological changes, in particular the development of vehicles, in order to regulate legal relations in the field of road safety in a timely and effective manner. Without constant monitoring and analysis of the effects of new technologies, the criminal law will inevitably lag behind reality, which will lead to gaps in legal regulation and situations where acts that pose a public danger will not be covered by current legislation. The ambiguity of the law undermines the authority of the state and poses a threat to the safety of road users. Conclusions are drawn regarding the practical significance of the principle of legal certainty and the insufficient effectiveness of criminal law norms in the field of road safety. The paper argues for the necessity of eliminating the gap in criminal law by classifying personal mobility devices as objects of motor vehicle crimes. It substantiates the need to amend Article 264.1 of the Criminal Code of the Russian Federation by adding a note, namely in the context of the certainty of the criminal law prohibition. Proposals have been formulated to change the disposition of this rule of criminal law.

Keywords: Criminal Code of the Russian Federation; legal certainty; vehicle; personal mobility device; road traffic
Cite as: Rublev AG. The Principle of Legal Certainty in Wording and Interpretation of Criminal Law Prohibitions in Violation of Traffic Rules. *Lex russica*. 2026;79(4):70-80. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.070-080

Введение

Принцип правовой определенности — это доктринально-инструментальный общий принцип права, означающий ясность и недвусмысленность правовых норм, обеспечиваемый полнотой законодательного регулирования¹.

Правовая определенность — одно из качеств правовой системы, которое призвано обеспечить необходимую меру для эффективного применения законодательства. Малопонятный закон противоречит принципам юридического равенства и верховенства права, закрепленным в Конституции РФ. Граждане должны иметь возможность понимать свои права и обязанности, а также предвидеть последствия своих действий. Неясный или противоречивый текст закона создает правовую неопределенность, что ведет к произволу в правоприменении, злоупотреблениям и затрудняет прогнозирование развития правоотношений.

Закон должен быть доступен для понимания не только юристам, но и обычным гражданам, на которых он распространяется. Кроме того, он должен быть внутренне согласован с другими нормативными актами и общей правовой системой, избегать противоречий и создавать целостную картину правового регулирования. Только при соблюдении всех этих критериев

закон может считаться качественным и эффективным инструментом правопорядка².

Требование ясности, недвусмысленности и формальной определенности правовой нормы — краеугольный камень правового государства. Оно напрямую связано с конституционными принципами равенства всех перед законом и верховенства закона. Нечеткие и двусмысленные нормы создают пространство для произвольного толкования и применения, что нарушает принцип равенства и подрывает верховенство права. Граждане должны знать свои права и обязанности, а правоприменители — руководствоваться четкими и однозначными правилами.

Принцип правовой определенности

Неопределенность в правовых нормах ведет к произволу. Размытые формулировки позволяют должностным лицам толковать закон по своему усмотрению, что может привести к дискриминации, нарушению прав граждан и непредсказуемости судебных решений. Именно поэтому ясность и точность формулировок — необходимое условие для справедливого и эффективного правосудия (постановления Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 № 3-П³, от 15.07.1999

¹ Умнова-Конюхова И. А. Общие принципы права в конституционном праве и международном праве: актуальные вопросы теории и судебной практики. М. : РГУП, 2019. С. 205.

² Коновалов А. В. Принципы права : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2024. С. 660–661.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 № 3-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 и 2 ст. 54 Жилищного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Н. Ситаловой» // СПС «КонсультантПлюс».

№ 11-П⁴, от 11.11.2003 № 16-П⁵ и от 21.01.2010 № 1-П⁶).

Несоблюдение изложенных условий в области уголовного законодательства фактически приводит к образованию в нем дефектов. Принцип правовой определенности уголовно-правового запрета налагает на законодателя обязанность формулировать уголовный закон с использованием достаточно точных выражений, указывать, что правомерно и санкционировано, ограничивая толкование уголовного закона четко обозначенными пределами и тем самым гарантируя подсудимому и потерпевшему соблюдение процессуальных прав в уголовном процессе⁷.

Нужно уточнить, что принцип определенности реализуется, только если уголовный закон, помимо точного описания факта, составляющего преступление, отсылает к явлениям, которые действительно могут иметь место, т.е. к гипотезам, выражающим случаи, соответствующие действительности. Абсурдно считать соблюденным принцип правовой определенности в уголовно-правовой норме, где диспозиция выражена в ясной и подробной форме, но относится к нереальным или ни при каких обстоятельствах невозможным ситуациям и поведению. Например, когда установлен уголовно-правовой запрет деяния, который следует считать несуществующим или не поддающимся рациональному определению.

Принцип правовой определенности уголовного закона обращен прежде всего к законодателю, который при формулировании преступления должен точно и подробно описать наказуемое деяние; кроме того, он представляет собой барьер для широкого усмотрения органов дознания, следователя или судьи,

который не может применить уголовный закон к факту, не подпадающему под конкретное деяние, или к случаям, прямо им не предусмотренным (ст. 3 УК РФ).

Таким образом, принцип правовой определенности сосредоточивает монополию принятия закона в руках законодателя во избежание произвола исполнительной власти. Деяние не может считаться преступлением и подлежать наказанию, если законом оно не предусмотрено как таковое. Совершение общественно опасного деяния должно быть основанием для привлечения к уголовной ответственности, что соответствует закону прямым образом. Значит, описание признаков состава преступления не может быть выведено из правил, касающихся разных фактов (запрет на аналогию), конкретные его признаки должны быть изложены в уголовно-правовой норме.

Принцип правовой определенности обеспечивает описание фактов, которые возможно установить, правильно квалифицировать и доказать в ходе судебного разбирательства.

Понятие транспортного средства в контексте соблюдения принципа правовой определенности

Одна из актуальных проблем уголовного права — определение предмета автотранспортных преступлений. В статье невозможно в полной мере осветить этот вопрос, его глубина заслуживает более широкого исследования, тем не менее хотелось бы обсудить уже возникшие в судебной практике проблемы, касающиеся определения предмета преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ. Это связано с развитием видов транспортных средств, а

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР “О Государственной налоговой службе РСФСР” и законов РФ “Об основах налоговой системы в РФ” и “О федеральных органах налоговой полиции”» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2003 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений п. 2 ст. 81 Закона Челябинской области “О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Челябинской области” в связи с запросом Челябинского областного суда» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений ч. 4 ст. 170, п. 1 ст. 311 и ч. 1 ст. 312 АПК РФ в связи с жалобами закрытого акционерного общества “Производственное объединение “Берег”, открытых акционерных обществ “Карболит”, “Завод “Микропровод”” и “Научно-производственное предприятие “Респиратор””» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См., например: Волков К. А. Принципы уголовного права и квалификация преступлений // Российский следователь. 2021. № 10. С. 44–47.

именно с возможностью признания средств индивидуальной мобильности предметом преступления. В правоприменительной практике указанная проблема получила в последнее время достаточно широкое распространение.

Необходимо признать, что принцип правовой определенности в уголовном праве требует от законодателя, с одной стороны, обеспечить точность и однозначность в описании диспозиции, чтобы избежать двусмысленности и противоречий, с другой стороны, гарантировать, что описываемые признаки имеют подтверждение в эмпирической действительности и могут быть действительно установлены. С учетом сказанного ранее можно заключить, что принцип правовой определенности, по существу, направлен на предотвращение произвольного усмотрения при применении закона со стороны правоприменителя.

Рассмотрим специфику преступлений против безопасности дорожного движения. Четкость и однозначность формулировок уголовного закона — необходимое условие его эффективности. Понимание водителем того, что законно, а что нет, знание своих прав и обязанностей способствует соблюдению правил и укреплению доверия к правовой системе. Неясности и двусмысленности в законе, наоборот, порождают правовую неопределенность, могут привести к неправильному толкованию и нарушениям, а также подрывают авторитет закона. В данном случае всё это приобретает ключевое значение, так как речь идет о безопасности всех участников движения.

Развитие технологий напрямую влияет на необходимость корректировки и дополнения уголовного законодательства, особенно в области автотранспортных преступлений. Современные разработки транспортных средств порождают новые возможности для совершения преступлений и требуют адекватного правового регулирования. Появление беспилотных автомобилей, электросамокатов и других инновационных средств передвижения также ставит перед законодателем новые задачи.

В настоящее время предметом преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ, выступают механические транспортные средства (примечание к ст. 264 УК РФ) без упоминания

средств индивидуальной мобильности (СИМ). Использование термина «средства индивидуальной мобильности» в отечественном законодательстве связано с необходимостью реагировать на появление нового вида транспортных средств. СИМ напрямую не включены в предмет автотранспортных преступлений, однако в отношениях в сфере безопасности дорожного движения они представляют реальную опасность для самих водителей, велосипедистов и пешеходов из-за большого веса и скорости, которую они могут развивать.

Под транспортными средствами законодатель понимает несколько видов транспорта. Это в первую очередь легковые и грузовые автомобили, предназначенные для перевозки грузов и пассажиров (в том числе автобусы), либо автомобили специального назначения (например, пожарные, санитарные, гоночные).

Причинение вреда здоровью человека при нарушении правил движения не транспортным средством должно влечь ответственность по статьям о преступлениях против личности либо по ст. 268 «Нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта» УК РФ⁸.

Проблемы правоприменительной практики

Динамичное развитие транспортных средств способствует изменению общества, закон трансформируется апостериори, поскольку последствия использования новых технологий трудно предсказать из-за неосведомленности законодателя. Появление новых видов транспорта (электросамокаты, гироскутеры, моноколеса и другие СИМ) затрудняет их однозначную классификацию в рамках существующего законодательства. Это может приводить к противоречивой судебной практике и нарушению принципа правовой определенности. Необходимы более гибкие формулировки в законе, которые учитывали бы технический прогресс и позволяли однозначно относить новые виды транспорта к соответствующим категориям для целей правоприменения. Возможно, стоит использовать функциональные определения, основанные на характеристиках и назначении транспортного средства, а не на жесткой привязке к конкретным ви-

⁸ Постановление Пленума ВС РФ от 09.12.2008 № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // СПС «КонсультантПлюс».

дам⁹. Еще 30 лет назад было понятно, что составить полный перечень транспортных средств, указанных в ст. 211 УК РСФСР (ст. 264 УК РФ 1996 г.), сложно, так как их разновидности и модификации возникают практически постоянно¹⁰.

Это наблюдение поднимает вопросы, касающиеся роли законодателя. Но, хотя инициатива законодателя, направленная на развитие уголовной ответственности за нарушение ПДД, бесспорна, в ходе эволюции транспортных средств как предметов преступлений она постепенно уменьшилась. Стремительные изменения в обществе, технологиях и характере автотранспортной преступности требуют постоянной адаптации уголовного законодательства. Законодателю приходится балансировать между необходимостью оперативно реагировать на новые вызовы и сохранением стабильности и предсказуемости правовой системы. Это трудная задача, для ее выполнения понадобятся глубокий анализ, прогнозирование и выверенный подход к разработке и корректировке уголовно-правовых норм. Иначе возникает риск отставания закона от реальности и появления пробелов в уголовном праве.

Требования общества таковы, что правоприменителю пришлось принять решение по вопросам права, которые законодатель не смог прояснить. Таким образом, создается новая парадигма, в которой законодатель больше не имеет инициативы и вынужден адаптировать уголовный закон в соответствии с правоприменительной практикой.

Проведение экспертизы как сомнительный способ преодоления неопределенности закона

На стадии доследственной проверки вызывает сложность вопрос о признании некоторых СИМ предметом преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ. Для достижения оптимальной результативности правоприменения и устранения правовой неопределенности существуют различные способы. Все эти инструменты важны для эффективного функционирования правовой системы и обеспечения справедливости.

Усмотрение отличается от других способов преодоления правовой неопределенности. Аналогия, толкование, конкретизация — это действия, алгоритмы, используемые правоприменителем. Усмотрение же — это скорее результат указанных действий, состояние, полномочия, которые предоставляют правоприменителю определенную автономию в принятии решения. Нужно помнить, что усмотрение не должно быть произвольным. Оно ограничено законом и должно осуществляться объективно и беспристрастно. В уголовном праве рамки усмотрения ограничены в силу принципа законности и необходимости обеспечения прав и свобод граждан.

Дискреция позволяет правоприменителю адаптировать общие нормы закона к конкретным обстоятельствам дела, учитывая нюансы каждой ситуации. Это особенно важно при наличии неопределенности в формулировках закона, пробелов, коллизий и других недостатков правового регулирования. Дискреционные полномочия дают возможность выбрать наиболее подходящий вариант решения в рамках закона, способствуя более справедливому и эффективному правоприменению. Однако следует подчеркнуть, что дискреционные полномочия должны использоваться в строгом соответствии с принципами законности, равенства, пропорциональности, с учетом прав и законных интересов всех участников уголовного судопроизводства. Именно контроль за использованием дискреции — одна из гарантий против произвола и злоупотреблений.

Заключение эксперта служит одним из важнейших источников доказательств в уголовном процессе. Суд, устанавливая факты по делу, опирается на совокупность доказательств, в том числе на заключение эксперта, содержащее выводы по вопросам, требующим специальных знаний.

Некорректная подготовка экспертизы, включая неправильный выбор ее вида, неточное определение объекта исследования и нечеткую формулировку вопросов, может существенно снизить ценность заключения эксперта, вплоть до полной его бесполезности для суда. Кроме того, экономические затраты и сроки дости-

⁹ Рублев А. Г. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 46.

¹⁰ Гирько С. И., Стеснова Т. И. К вопросу о понятийном аппарате дорожно-транспортных преступлений // Проблемы предварительного следствия и дознания : сборник статей. М. : Всероссийский НИИ МВД РФ, 1993. С. 85.

жения целей — основные критерии эффективности правовых норм. Баланс между целью, затратами и временем — ключ к созданию действительно эффективного законодательства.

Соответственно, связывание итогов судебной экспертизы на стадии проверки сообщения о преступлении с возможностью возбуждения уголовного дела не обходится без критики. С одной стороны, можно поставить под сомнение применяемый способ преодоления неопределенности, поскольку недопустимо назначать экспертизу для решения вопросов, требующих таких специальных знаний, которые не выходят за рамки профессиональной подготовки дознавателя, прокурора или судьи, т.е. перед экспертом не ставятся вопросы правового характера. С другой стороны, обоснованность применения экспертизы может быть подвергнута сомнению, так как неправильно поставленный вопрос способен привести эксперта к неверным выводам, даже если само исследование проведено безупречно. Суд может быть введен в заблуждение таким заключением и вынести неправосудное решение.

Так, орган дознания из-за отсутствия в диспозиции нормы указания на СИМ в качестве предмета преступления прибегает к автотехнической экспертизе. Эксперт дает заключение о технических характеристиках СИМ, но вопрос о том, является ли, например, конкретный скутер предметом преступления в юридическом смысле, должен решаться правоприменителем и судебной властью на основании закона. Без ясного законодательного определения СИМ как предмета преступления возникает правовая неопределенность, что затрудняет правоприменение и может приводить к различным судебным решениям.

СИМ не всегда может быть механическим транспортным средством, при этом определение механического транспортного средства охватывает широкий спектр машин, которые приводятся в движение двигателем. Это транспортные средства, использующие различные источники энергии (бензин, дизель, электричество и другие виды топлива) для приведения в движение.

Тем не менее к механическим транспортным средствам не относятся такие СИМ, как электросамокаты, электрические скейтборды, гироскутеры¹¹. Данные устройства, как правило, не имеют двигателей внутреннего сгорания или электродвигателей, приводящих в движение колеса, и часто классифицируются отдельно от традиционных механических транспортных средств¹².

Например, О., находясь в состоянии опьянения, умышленно, не имея права управления транспортными средствами, управлял электросамокатом марки Kigoo модели M4 Pro и был остановлен сотрудниками полиции. Предложение пройти освидетельствование на состояние опьянения водитель отверг. При этом О. привлекался к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 264.1 УК РФ и приговаривался к лишению свободы на восемь месяцев, но после был освобожден от отбытия срока. На основании ст. 86 УК РФ судимость не погашена.

Подобные случаи использования СИМ квалифицируются по признакам преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ. Между тем если диспозиция статьи не содержит явного указания на СИМ в качестве предмета преступления, то возникает сложность с квалификацией деяний, связанных с использованием СИМ. Отсутствие четко определенного предмета преступления затрудняет сопоставление обстоятельств дела с признаками состава преступления и может привести к ошибкам в правоприменении. Это подчеркивает необходимость внесения в законодательство изменений, определяющих СИМ в контексте составов преступлений, касающихся безопасности дорожного движения.

Как известно, обвинительный приговор не может основываться на предположениях об относимости транспортного средства к предметам, перечисленным в диспозиции ст. 264.1 УК РФ.

Следственно-судебная практика также подтверждает, что при наличии пробела в уголовном законе правоприменители и суды вынуждены заниматься фактически законотворческой деятельностью, восполняя пробелы и разрешая

¹¹ Ефимов А. А. Проблемы обеспечения безопасности в контексте легализации новых участников дорожного движения // Российский судья. 2023. № 3. С. 31–33.

¹² Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 19.04.2024) «О Правилах дорожного движения» (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения) // СПС «Консультант-Плюс».

противоречия. Это неизбежно вызывает неравномерность правоприменения и затрудняет формирование единой судебной практики. Правовая определенность не сводится к наличию конкретной уголовно-правовой нормы, имеет значение ее реальная эффективность и прогнозируемость последствий деяния. Закон должен не только предусматривать последствия, но и гарантировать их наступление на практике. Только тогда принцип правовой определенности будет действовать должным образом, обеспечивая стабильность и предсказуемость правоотношений¹³.

Отметим также, что уголовная ответственность не ограничивается негативными последствиями для субъекта преступления, она выполняет превентивную функцию. Превентивное воздействие ст. 264.1 УК РФ не может основываться на неточных понятиях или охватывать плохо определенную область правоотношений. Чтобы справиться с этими сложностями анализа, в той или иной ситуации орган дознания получает весьма ценную точку опоры. Действительно, разрешается устранить неясность положения, связав его с преступлением, которое оно призвано предотвратить, путем признания СИМ предметом преступления через проведение судебной экспертизы. Этот пример показывает, что уголовное преследование легко поддается расширительному толкованию в настоящее время. Если такое отклонение от принципов уголовного права оправдано понятием предотвращения негативных последствий, это не должно, однако, приводить к использованию аналогии, которая в любом случае недопустима.

Решение проблемы

В целях решения проблемы квалификации уголовных деяний Союз пешеходов предлагал приравнять определенную категорию СИМ к мопедам, что могло бы решить часть проблем, связанных с правовым регулированием использования данных устройств, особенно в контексте управления ими в состоянии опьянения. Это позволило бы применять к водителям мощных

СИМ уже существующие нормы законодательства, регулирующие движение мопедов, что упростило бы правоприменение и повысило безопасность дорожного движения. Отсутствие отклика законодателя на это предложение, вероятно, связано со сложностью выработки четких критериев для отнесения СИМ к категории мопедов, а также с возможным лоббированием со стороны производителей и пользователей СИМ, которые опасаются ужесточения правил. Тем не менее проблема остается актуальной и поиск эффективных решений для регулирования использования СИМ на дорогах общего пользования необходим¹⁴.

В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 к механическим транспортным средствам относятся как традиционные средства передвижения, так и специализированные машины, используемые в различных отраслях. Важно понимать, что для управления этими транспортными средствами требуется наличие соответствующих водительских прав, что подчеркивает их классификацию как механических транспортных средств.

Например, сотрудниками ДПС выявлено, что гражданин Т. управлял электросамокатом Kugoo M4 Pro, при этом установлено, что Т., будучи подвергнутым уголовному наказанию по ст. 264.1 УК РФ, не выполнил законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, чем нарушил п. 2.3.2 ПДД РФ. В ходе осмотра места происшествия был изъят электросамокат Kugoo M4 Pro без государственного регистрационного знака.

Поскольку электросамокат не является механическим транспортным средством, органом дознания была назначена судебная автотехническая экспертиза¹⁵, где поставлены следующие вопросы: является ли представленный на экспертизу электросамокат — СИМ марки Kugoo модели M4 Pro — транспортным средством? Если да, то относится ли он к другим механическим транспортным средствам, указанным в ч. 1 ст. 264.1 УК РФ?

Автотехнической экспертизой установлено: исследуемый электросамокат оснащен системой складывания, раскладывания; пере-

¹³ Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе : монография. Волгоград : ВолГУ, 2015. С. 12.

¹⁴ Вакина О. Источник повышенной опасности // Адвокатская газета. 2023, 1–15 сентября. № 17 (394).

¹⁵ КУСП от 20.08.2024 № 12574. Материал проверки ОП № 1 «Железнодорожный» УМВД России по г. Симферополю.

двигается на двух колесах; оборудован электродвигателем в виде заднего мотор-колеса (максимальная мощность двигателя на колесе, согласно техническим характеристикам, составляет 600 Вт (0,6 кВт)); электроприводом акселератора на руле справа и дисковой тормозной системой, управляемой через тросики рычагами на руле справа и слева, приводящими в действие тормозные колодки переднего и заднего колес; электронным ограничителем скорости (максимальная скорость 50 км/ч); осветительными приборами (спереди светодиодной фарой, сзади фонарем — стоп-сигналом). Согласно техническим характеристикам устройства Kugoo M4 Pro, максимальная нагрузка на него не должна превышать 140 кг.

Данный электросамокат Kugoo M4 Pro возможно отнести к СИМ, поскольку он имеет два колеса и предназначен для индивидуального передвижения человека посредством использования двигателя (двигателей)¹⁶.

В то же время в приведенном выше определении СИМ говорится об использовании двигателя (двигателей), но не о его мощности, что с учетом технических характеристик электросамоката Kugoo M4 Pro, представленного на исследование, дает основания эксперту согласно ПДД ГОСТ отнести этот электросамокат к категории L — механические транспортные средства, имеющие менее четырех колес, а именно к категории L₁ — двухколесный мопед номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки более 0,25 кВт и менее 4 кВт.

Эксперт пришел к выводу: поскольку электросамокат Kugoo M4 Pro является механическим транспортным средством, а именно мопедом, то он относится и к другим механическим транспортным средствам, указанным в ч. 1 ст. 264.1 УК РФ¹⁷.

Таким образом, эксперт решил вопрос об отнесимости представленного объекта к категории «механическое транспортное средство», определив его технические характеристики. Однако судебная экспертиза должна отвечать

на вопросы технического характера в пределах специальных знаний эксперта. Требовать от него ответа на юридический вопрос о квалификации деяния или применении нормы права недопустимо, так как это выходит за рамки его компетенции и нарушает принцип разделения полномочий в процессе судопроизводства. Решение юридических вопросов — прерогатива следователя, дознавателя, прокурора и суда. Законодатель, формулируя диспозиции норм, должен стремиться к ясности и однозначности, чтобы минимизировать необходимость расширительного толкования и избежать ситуаций, когда возникает соблазн переложить решение юридических вопросов на эксперта¹⁸.

Закон и здравый смысл подсказывают, что в подобных случаях нужно обратиться к эксперту, чтобы он разобрался с этим техническим аспектом и сделал его понятным для неспециалистов. Более того, чаще всего именно орган дознания запрашивает данную экспертную оценку не без опасений, поскольку для участников уголовного судопроизводства судебная экспертиза часто является синонимом медлительности, увеличения срока предварительного расследования, дополнительных издержек.

Надо заметить, что понятие транспортного средства, закрепленное в примечании к ст. 12.1 КоАП РФ, расширительному толкованию не подлежит¹⁹. Судебная практика шла по пути признания за новыми средствами передвижения статуса транспортных средств. Так, Московский городской суд постановлением от 29.11.2019 признал обоснованным назначение административного наказания по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ водителю электросамоката, отказавшемуся выполнить законное требование уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, когда было введено новое понятие «средство индивидуальной мобильности» и СИМ было признано транспортным средством.

До внесения 1 марта 2023 г. поправок в ПДД о признании СИМ транспортным средством

¹⁶ ГОСТ Р 70514-2022. Электрические средства индивидуальной мобильности. Технические требования и методы испытаний // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200194451>.

¹⁷ КУСП от 06.10.2024 № 16204. Материал проверки ОП № 3 «Центральный» УМВД России по г. Симферополю.

¹⁸ Постановление Пленума ВС РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹ Постановление Пленума ВС РФ от 25.06.2019 № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

практика кассационных судов общей юрисдикции показывала несколько иной подход к оценке электросамокатов как транспортных средств. Например, 30 декабря 2020 г. Шестой кассационный суд общей юрисдикции отменил ранее вынесенные в Республике Татарстан судебные решения о привлечении к ответственности водителя электросамоката по ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ, мотивировав свое решение отсутствием в п. 1.2 ПДД нормы, которой самокат признается транспортным средством. В соответствии с толкованием указанной нормы он определяет в качестве транспортного средства, приравняемого к мопедам, лишь квадроцикл (постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30.12.2020 № 16-7770/2020). Первый кассационный суд общей юрисдикции оставил в силе судебные решения, которыми водитель электросамоката был освобожден от административной ответственности, предусмотренной частью 1 ст. 12.26 КоАП РФ²⁰.

Представляет большой интерес изучение, с одной стороны, феномена нормативного ослабления эффективности уголовно-правового регулирования из-за воздействия технологий на сферу безопасности дорожного движения, с другой стороны, средств, которые необходимо реализовать, чтобы это явление не подрывало еще больше верховенство уголовного закона.

Принцип правовой определенности означает отсутствие в законе пробелов, наличие законодательства, построенного на основе объективных принципов права и ориентированного на практические нужды правоприменителя²¹. Другими словами, в конечном счете субъекты права, к которым оно обращено, либо не имеют времени, чтобы при формировании своего поведения поддаваться влиянию предписаний верховенства права, либо, что еще хуже, не знают о его существовании. Это означает, что физические лица нарушают закон, даже не подзревая об этом.

Не претендуя на полноту исследования темы, отметим, что наличие пробелов в уголовном законе создает почву для ошибок, различного толкования норм и в конечном итоге может привести к произволу и нарушению прав участников уголовного процесса. Пробелы в законодательстве, в том числе и в уголовном, —

явление практически неизбежное. Это связано с динамикой общественных отношений, постоянным развитием технологий, появлением новых видов преступлений. Законодательный процесс, как правило, инерционен и не всегда успевает оперативно реагировать на эти изменения. Из указанного вытекает необходимость постоянного мониторинга эффективности уголовного закона, его своевременной корректировки и дополнения с учетом общественных реалий.

На основании изложенного представляется правильным включение СИМ в соответствующий перечень транспортных средств в диспозиции ст. 264.1 УК РФ, что по смыслу возможно распространить на другие составы преступлений гл. 27 УК РФ.

В заключение сделаем выводы:

1. Трудности в установлении противоправности деяния — отсутствие точного определения СИМ и невозможность однозначно установить принадлежность устройства к механическим транспортным средствам — делают его квалификацию по ст. 264.1 УК РФ проблематичной.

2. Возникает необходимость проведения судебной экспертизы для решения вопросов, связанных с определением вида транспортного средства. Тем самым увеличиваются временные и ресурсные затраты на расследование уголовных дел, что также может стать причиной различного толкования результатов экспертизы.

Изложенное создает препятствия для эффективной реализации положений ст. 264.1 УК РФ и требует внесения изменений в законодательство для устранения существующего пробела.

Подчеркнем, что для успешной систематизации и выделения нового предмета преступления целесообразно внести поправки в ст. 264.1 УК РФ. Это позволит установить точные нормы уголовной ответственности за нарушения ПДД, что будет способствовать повышению уровня безопасности участников дорожного движения.

Таким образом, разумно дополнить ст. 264.1 УК РФ примечанием для достижения определенности уголовно-правового запрета. Стоит обозначить, что СИМ, приводимое в движение с помощью электродвигателя номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки более 0,25 кВт, относится к иным транспортным средствам, что будет соответ-

²⁰ Соколов Д. В. Проблема юридической ответственности новых участников дорожного движения // Транспортное право. 2021. № 3. С. 11–14.

²¹ Коновалов А. В. Указ. соч. С. 257.

ствовать регулированию заложенного в ПДД. Такая новелла будет означать и дополнительную конкретизацию диспозиции ст. 264.1 УК РФ.

Считаем необходимым сформулировать примечание к ст. 264.1 УК РФ в следующей редакции:

«Под средствами индивидуальной мобильности в статье понимаются транспортные средства, приводимые в движение с помощью электродвигателя номинальной максимальной мощностью в режиме длительной максимальной нагрузки более 0,25 кВт».

Верхний порог максимальной нагрузки устанавливать не имеет смысла, так как она может бесконечно увеличиваться с учетом развития СИМ.

Сбор доказательств по рассматриваемым составам преступлений, в частности производство судебной экспертизы в ходе предварительного расследования, представляется весьма трудоемким процессом. Внесение поправок в диспозицию ст. 264.1 УК РФ о признании СИМ предметом преступления, бесспорно, способно оказать позитивное влияние на эффективность уголовно-правового регулирования. Для достижения целей уголовного законодательства в современных условиях необходимо актуальное определение диспозиции преступления, связанного с нарушением ПДД, а именно: «управ-

ление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, средством индивидуальной мобильности лицом, находящимся в состоянии опьянения...».

Заключение

Применение перечисленных предложений обеспечит совпадение векторов развития в анализируемой сфере административного и уголовного права, что позволит согласованно и системно противодействовать дорожно-транспортной преступности. Появление четкого законодательного определения СИМ и конкретных составов преступлений значительно снизит неопределенность в правоприменительной практике.

В настоящее время отсутствие такой ясности заставляет органы дознания искать аналогии в уголовном праве, что неизбежно приводит к неоднозначным толкованиям и возможности оспаривания соответствующих решений. Признание СИМ в качестве предмета преступления против безопасности дорожного движения устранил этот пробел, сделает квалификацию деяний более объективной и предсказуемой, что повысит как правовую защищенность участников дорожного движения, так и доверие к отечественной судебной системе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вакина О. Источник повышенной опасности // Адвокатская газета. 2023, 1–15 сентября. № 17 (394).
- Волков К. А. Принципы уголовного права и квалификация преступлений // Российский следователь. 2021. № 10. С. 44–47.
- Гирько С. И., Стеснова Т. И. К вопросу о понятийном аппарате дорожно-транспортных преступлений // Проблемы предварительного следствия и дознания : сборник статей. М. : Всероссийский НИИ МВД РФ, 1993. С. 81–88.
- Дикарев И. С. Принцип правовой определенности и законная сила судебного решения в уголовном процессе : монография. Волгоград : ВолГУ, 2015. 175 с.
- Ефимов А. А. Проблемы обеспечения безопасности в контексте легализации новых участников дорожного движения // Российский судья. 2023. № 3. С. 31–35.
- Коновалов А. В. Принципы права : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2024. 792 с.
- Рублев А. Г. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 227 с.
- Соколов Д. В. Проблема юридической ответственности новых участников дорожного движения // Транспортное право. 2021. № 3. С. 11–14.
- Умнова-Конюхова И. А. Общие принципы права в конституционном праве и международном праве: актуальные вопросы теории и судебной практики. М. : РГУП, 2019. 256 с.

REFERENCES

- Dikarev IS. The principle of legal certainty and the legal force of a judicial decision in criminal proceedings: A monograph. Volgograd: VolGU Publ.; 2015. (In Russ.).
- Efimov AA. Safety issues in the context of the legalization of new road users. *Rossiyskiy sudya [Russian Judge]*. 2023;3:31-33. (In Russ.).
- Girko SI, Stesnova TI. On the issue of the conceptual framework of traffic crimes. *Vestnik MVD RF*. 1993. (In Russ.).
- Konovalov AV. Principles of law: A monograph. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2024. (In Russ.).
- Rublev AG. Criminal Responsibility for Violation of Traffic Rules and Operation of the Vehicle. Cand. Diss. (Law). Ekaterinburg; 2006. (In Russ.).
- Sokolov DV. The problem of legal liability of new road users. *Transportnoe pravo*. 2021;3. (In Russ.).
- Umnova-Konyukhova IA. General principles of law in constitutional law and international law: Current issues of theory and judicial practice. Moscow: RGUP Publ.; 2019. (In Russ.).
- Vakina O. A source of increased danger. *Advokatskaya gazeta*. 2023;17. (In Russ.).
- Volkov KA. Principles of criminal law and classification of crimes. *Rossiyskiy sledovatel [Russian Investigator]*. 2021;10. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рублев Андрей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
д. 5, Павленко ул., г. Симферополь 295006, Российская Федерация
andrewrublev@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey G. Rublev, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of State and Legal Disciplines, Lebedev Russian State University of Justice Crimean Branch, Simferopol, Russian Federation
andrewrublev@bk.ru

*Материал поступил в редакцию 25 марта 2025 г.
Статья получена после рецензирования 29 марта 2025 г.
Принята к печати 15 марта 2026 г.*

*Received 25.03.2025.
Revised 29.03.2025.
Accepted 15.03.2026.*

Е. Н. Тогузаева

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
г. Саратов, Российская Федерация

Социализирующая функция правовой пропаганды в современной России

Резюме. Современная государственная пропаганда имеет направленность на достижение целей, значимых для государства и общества, и характеризуется консолидирующим потенциалом. Настоящий этап изменений в сфере правового регулирования пропаганды ознаменован приданием большого значения социализирующей функции пропаганды, нашедшей нормативное закрепление. Социализирующее значение пропаганды связано с юридикацией моральных норм, примеров тому в действующем после конституционных изменений 2020 г. в законодательстве немало. Внимания законодателя удостоены юрисдикционный запрет пропаганды отказа от деторождения, внедрение пропаганды традиционных семейных ценностей и др. Такие трансформации в сфере регулирования пропаганды будут и далее наблюдаться в российском праве ввиду социальной обусловленности, социального запроса общества и потенциала. Активному правовому регулированию подвергается не только антиобщественное, но и социально значимое поведение, что породило правовое регулирование созидательной пропаганды, отражающей новые цели и стремления государства, влияющей в том числе на формирование национальной идентичности и создание обстановки для единства народа, направленной на обеспечение национальной безопасности страны.

Ключевые слова: пропаганда; запрет пропаганды; позитивная пропаганда; пропаганда ценностей; социализация; социализирующая функция; трансформация; ценностная компетентность; стимулирование; цели государства

Для цитирования: Тогузаева Е. Н. Социализирующая функция правовой пропаганды в современной России. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 4. С. 81–90. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.081-090

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00386 «Пропаганда в российском праве: трансформационные и институциональные изменения», <https://rscf.ru/project/24-28-00386/>.

The Socializing Function of Legal Propaganda in Contemporary Russia

Ekaterina N. Toguzayeva

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky
Saratov, Russian Federation

Abstract. Modern state propaganda is aimed at achieving goals that are significant for the state and society, and is characterized by consolidating potential. The present stage of changes in the sphere of legal regulation of propaganda is marked by the importance of the socializing function of propaganda, which has found normative consolidation. The socializing value of propaganda is associated with the legitimization of moral norms, and there are many examples of this in the legislation in force after the constitutional changes in 2020. The attention of the legislator was given to the jurisdictional prohibition of propaganda of non-procreation, the introduction of

propaganda of traditional family values, etc. Such transformations in the sphere of propaganda regulation will continue to be observed in Russian law due to social conditionality, social demand of society and potential. Not only antisocial behavior is actively regulated, but also socially significant behavior, which has led to the legal regulation of creative propaganda reflecting the new goals and aspirations of the state, influencing, among other things, the formation of national identity and the creation of conditions for the unity of the people, aimed at ensuring the national security of the country.

Keywords: propaganda; prohibition of propaganda; positive propaganda; promotion of values; socialization; socializing function; transformation; value competence; stimulation; goals of the state

Cite as: Toguzaeva EN. The Socializing Function of Legal Propaganda in Contemporary Russia. *Lex russica*. 2026;79(4):81-90. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.081-090

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation, grant No. 24-28-00386 «Propaganda in Russian Law: Transformational and Institutional Changes», <https://rscf.ru/project/24-28-00386/>.

Введение

Трансформационные изменения понимания категории «правовая пропаганда» в современной правовой действительности нашли отражение в том числе в дополнениях, связанных с реализацией ценностной повестки в России.

Феномен пропаганды проявился в динамике развития современного российского общества, поэтому он иначе звучал в контексте идей патриотического и духовно-нравственного воспитания молодежи, формирования на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей неприятия любых деструктивных идеологий, возрождения российской самобытности, которые становятся основным мировоззренческим ориентиром для современного российского общества. Учеными отмечается, что активная и системная нравственно-воспитательная деятельность институтов общества, пропаганда положительных стереотипов поведения, правовых ценностей, подтвержденных практикой способов укрепления сознания человека и чувства гордости за свое отечество, должны сопровождать человека всю его сознательную жизнь¹.

Правовые основания для указанных изменений были сформированы поправками, внесенными в 2020 г. в Конституцию РФ², и в последующем — Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»³.

Сущностное понимание пропаганды менялось со сменой исторических эпох. На наш взгляд, максимально условно для осознания значимости происходящих трансформационных изменений можно выделить несколько этапов становления данного понятия в исторической ретроспективе:

1) религиозный (поскольку понятие «пропаганда» возникло для обозначения миссионерского учреждения, распространявшего католичество);

2) политический (популяризация политических идей со времен Французской революции осуществлялась тайными политическими обществами с одноименными названиями);

3) военно-политический (со времен Первой мировой войны, затем произошел переход в советский этап, характеризующийся пропагандой коммунистических идей и советского образа жизни, партийной пропагандой и созданием специальных органов власти, занимающихся пропагандой).

Данная периодизация выделена нами в соответствии со значением, которое вкладывалось в термин «пропаганда», а также с учетом роли пропаганды, которую она играла в определенный исторический период, и тех основных целей, которым она тогда служила, например в период зарождения понятия «пропаганда» оно употреблялось только в религиозном аспекте и лишь значительно позже получило политическую окраску.

Трансформация не закончилась и в настоящее время, на что автор данной работы и

¹ Азнагулова Г. М. Техногенные процессы и тенденции трансформации государственно-правовой идентичности личности // Журнал российского права. 2022. № 3. С. 22–34.

² СПС «КонсультантПлюс».

³ СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

хочет обратить внимание. Современный этап связан с активным развитием и нормативным закреплением позитивной пропаганды, а также совершенствованием стимулов и поощрений, опосредующих ее позитивные виды. Позитивная пропаганда чаще осуществляется не только в интересах государства, но и в интересах тех лиц, кому она адресована (например, пропаганда ЗОЖ), не преследует манипулятивных целей и не апеллирует к искаженной системе ценностей. Современные исследователи нередко подчеркивают идейно-воспитательный, духовный потенциал пропаганды, имеющий конструирующий компонент в социуме, указывают, что институт пропаганды сегодня как никогда оказывает инструментальное воздействие на базовый ценностный и духовно-нравственный уровень развития социума и влияет на конструирование социальной реальности России⁴. За последние несколько лет в правовое пространство переключались даже те виды пропаганды, которые раньше нормой права никогда не были урегулированы (например, позитивная пропаганда традиционных семейных ценностей и деструктивная пропаганда отказа от деторождения).

Новый подход к пропаганде и ее нормативному закреплению

Таким образом, на первый план выдвигается новый этап, этап так называемой убеждающей пропаганды (созидающей пропаганды со знаком плюс, одна из функций которой — социализация личности). В наши дни следует говорить о новом подходе к пропаганде и ее нормативно-правовому закреплению. Это выражено в том, что современная правовая пропаганда находится в процессе поиска ценностного ракурса (особыми витками ее развития стали события, связанные с распространением коронавирусной инфекции, затем с проведением специальной военной операции, санкционными ограничениями в отношении России и др.).

Именно сейчас выделяется значимость *социального* влияния позитивной пропаганды, получающей нормативное закрепление. Еще в прошлом веке американский социолог М. Чукас высказал соображение, что пропаганда служит средством формирования сознания человека и контроля над ним, тем самым растворяясь в более широком явлении — феномене социализации⁵. Социализирующая функция пропаганды нашла закрепление в нормативных актах. На современном этапе позитивную пропаганду стоит рассматривать как социальную необходимость (это касается большинства видов позитивной пропаганды, от необходимости формирования экологической культуры населения до здорового образа жизни, поскольку, например, общественное здоровье в юридической литературе исследуется и как конституционная ценность⁶).

Однако нельзя списывать со счетов и возможности наступления нежелательного результата, поскольку свойство иллюзорности пропаганды указывает на то, что результат может быть несколько иным, неожиданным, и это зависит от целого ряда внезапно возникающих сопутствующих причин. Профессор И. Б. Орлов в работе, посвященной сущности и механизмам пропаганды, отмечает, что, несмотря на общее усиленное внедрение в сознание определенного содержания, в отличие от манипулирования, пропаганда утверждает определенные цели публично и назначение ее шире: мобилизация общественного мнения на поддержку претендующих на общенациональный статус целей и ценностей и политическая социализация населения⁷.

Учитывая курс на сохранение и укрепление традиционных российских ценностей, следует уделить особое внимание социализирующей функции пропаганды. Этому способствует активная деятельность законодателя по регулированию современного образа жизни россиян. Так, статья 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола, отказа от деторождения» КоАП РФ претерпела значительные изменения

⁴ Карпова С. Г., Некрасов С. В., Пинчук А. Н. Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект // Вестник НГУЭУ. 2020. № 4. С. 213.

⁵ Choukas M. Propaganda Comes of Age. Wash., 1965. P. 41.

⁶ См., например: Гаврилов В. Р., Лигинчук Ю. Г. Общественное здоровье как конституционная ценность // Юридическая наука и практика. 2024. № 2. С. 57–60.

⁷ Орлов И. Б. Сущность и механизмы пропаганды (От какого наследства мы отказываемся?) // Вопросы правоведения. 2009. № 1. С. 57–66.

и пополнилась новыми запретами пропаганды⁸, а в ст. 36 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»⁹ в 2022 г. внесены изменения о формировании санитарно-гигиенической культуры в обществе, мотивации граждан к здоровому образу жизни, санитарно-гигиеническом просвещении населения и пропаганде здорового образа жизни. Региональный законодатель отреагировал юридическими запретами так называемой пропаганды абортов, в региональных нормативных актах определенной как склонение к искусственному прерыванию беременности, выражающееся в совершении действий с целью понуждения беременной женщины к искусственному прерыванию беременности путем уговоров, предложений, подкупа, обмана, выдвигания иных требований. Такие региональные акты появились в Республике Мордовия¹⁰ и Тверской области¹¹. В январе 2025 г. приняты правила сообщения информации при подозрении или выявлении у ребенка инвалидизирующей патологии или риска ее развития (в том числе внутриутробно) на территории Московской области, согласно которым запрещено:

- оказывать давление на беременную женщину при принятии решения о сохранении и вынашивании беременности либо искусственном прерывании беременности;
- рекомендовать отказаться от ребенка;
- излагать субъективное видение перспектив жизни ребенка и семьи;
- сообщать информацию о подозрении или обнаружении у ребенка инвалидизирующей патологии или риска ее развития сразу после

родов (кроме случаев, когда сообщение указанной информации связано с необходимостью принятия решения об оказании экстренной медицинской помощи)¹².

Это лишь некоторые примеры изменений действующего законодательства за последние три года, направленные на регулирование образа жизни россиян через нормативное регулирование пропаганды или деятельности, непосредственно с ней связанной.

Однако для максимального восприятия социализирующей функции пропаганды человек должен быть подготовленным с точки зрения правовой культуры. Так, исследуя феномен правовой культуры, В. Ф. Лелюх и Л. В. Чванова подчеркивают, что «правовая культура как степень особого развития индивида проявляется прежде всего в его подготовленности к восприятию прогрессивных идей и законов, умений и навыков, а также в оценке знаний, умений реализации действующего закона. С этих позиций она характеризуется наличием правокультурных ориентаций и установок. В процессе правокультурной деятельности личность приобретает или развивает свои правовые знания, умения, навыки»¹³.

Через правовую пропаганду осуществляется и формирование правовой культуры, одним из признаков которой называют определяющее влияние на социализацию личности¹⁴. С помощью правовой пропаганды формируется определенный образец поведения, а новые трансформационные изменения правовой пропаганды современности отличаются положительной обратной связью, когда один процесс усиливает другой и они взаимозависимы, например семейные ценности служат основой

⁸ Федеральный закон от 23.11.2024 № 401-ФЗ «О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2024. № 48. Ст. 7208.

⁹ СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

¹⁰ Закон Республики Мордовия от 07.08.2023 № 58-З «О запрещении склонения к искусственному прерыванию беременности на территории Республики Мордовия» // Известия Мордовии. 2023, 11 августа.

¹¹ Закон Тверской области от 09.11.2023 № 50-30 «О запрещении склонения к искусственному прерыванию беременности на территории Тверской области» // Тверские ведомости. 2023, 15–21 ноября.

¹² Распоряжение Минздрава МО и Минсоцразвития МО от 29.01.2025 № 32-Р/20РВ-34 «Об утверждении Правил сообщения информации при подозрении или выявлении у ребенка инвалидизирующей патологии или риска ее развития (в том числе внутриутробно) на территории Московской области» // Официальный сайт Министерства здравоохранения Московской области. URL: <http://mz.mosreg.ru> (дата обращения: 02.02.2025).

¹³ Лелюх В. Ф., Чванова Л. В. Феномен правовой культуры личности: понятие, история и современность // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 1. № 2 (58). С. 261–277.

¹⁴ Зорченко С. А. Формирование правовой культуры личности в трудовом коллективе : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1982.

для формирования патриотизма у молодежи, в том числе если речь идет об идеологическом патриотизме¹⁵.

Настоящий период трансформации можно охарактеризовать как сложный, поскольку наряду с позитивным посылом большого массива нормативно закреплённой пропаганды остаётся неискорённой негативная коннотация данного термина. При исследовании концепта «пропаганда» в современной лингвистике путем ассоциативного эксперимента была подтверждена негативная коннотация пропаганды в сознании общества с сохранением ассоциации с манипуляцией, обманом и распространением искаженной информации¹⁶. Связанная с советской действительностью идеологема «пропаганда» тоже приобрела отрицательную коннотацию, а идеологическая переориентация концептов политической сферы проходит непросто, тем не менее отмечается стремление реабилитировать лексику, вернуть ее в речевой обиход, избавившись от идеологических советских нарщений¹⁷. Специалисты по лингвистической экспертизе, рассматривая категорию пропаганды в качестве лингвистически определяемого понятия, утверждают, что, будучи термином законодательства, категория пропаганды испытывает влияние семантики слова «пропаганда» как единицы, принадлежащей литературному русскому языку. Так, А. Н. Баранов и П. Б. Паршин обоснованно полагают, что у значительной части членов языкового коллектива (то есть носителей определенного языка и сопряженной с ним культуры) имеется интуитивное представление о том, что такое пропаганда¹⁸.

Как верно указывают философы Р. Х. Кочесок и Л. М. Культурбаева, которыми проведено сравнительное исследование пропаганды и идеологии, «сама по себе пропаганда не может быть ни добром, ни злом. Всё дело в том, что именно пропагандируется, в каких целях и т.п., иными словами в идеологии. Целью же

идеологической работы является формирование определенных убеждений»¹⁹. Таким образом, у созидательной пропаганды цели благие, такая пропаганда воодушевляет, воспитывает, информирует, учит гармоничному сосуществованию в обществе. Поскольку позитивная пропаганда влияет на социализацию личности, она может обратить любой процесс в нужное русло. В текущий период та пропаганда, которая получила широчайшее отображение в российском законодательстве, содействует объединению людей вокруг общих ценностей, сплочению общества. Находящиеся в рамках правового поля стимулирование государством позитивной пропаганды и запрет (ограничение) деструктивной направлены на реализацию единых целей, способствуют социальной гармонии, согласию и единству в обществе, формированию общих ценностей, противодействию деструктивному поведению, созданию чувства национальной идентичности. Результатом такого рода пропаганды становится сложившаяся у адресата ее воздействия ценностная компетентность (как результат социализации).

К признакам социализирующей функции пропаганды в российском праве считаем возможным отнести:

— нормативную оформленность. Это важный признак, поскольку мы анализируем пропаганду, получившую нормативное закрепление в российском праве, не стремясь уйти в политологические технологии и социологические исследования. Нормативная оформленность пропаганды и ее последующий социализирующий эффект четко коррелируют с правовой политикой и теми целями государства, которые оно ставит в настоящий момент перед собой;

— способность создать деятельностный компонент, установить определенный паттерн поведения, сформировать гражданскую позицию и социально активное поведение. Данный эффект может быть ориентирован как

¹⁵ См., например: Цыплакова С. М., Цыплаков Д. А. Семейные ценности в контексте воспитания патриотизма // Новосибирский временник. 2024. № 1. С. 46–49.

¹⁶ Малеткина М. В. Смысловое наполнение концепта «пропаганда» в современном языковом сознании // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2024. № 22. С. 226–234.

¹⁷ Кутенева Т. А. Смысловая динамика лексем «пропаганда» и «агитация» в русском языке // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 106–114.

¹⁸ Баранов А. Н., Паршин П. Б. Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 2. С. 53–65.

¹⁹ Кочесок Р. Х., Культурбаева Л. М. Идеология и пропаганда: проблемы соотношения // Гуманитарный научный вестник. 2025. № 1. С. 207.

на непосредственно близкий по времени деятельностный компонент, так и на отложенный на будущее, например формирование у молодежи значимости семейных ценностей и приоритетности института брака. Значимость деятельностного (поведенческого) компонента в понимании пропаганды подчеркивалась не раз и в официальных актах. Так, еще в 2014 г. Конституционный Суд РФ, разъясняя соотношение пропаганды со смежными категориями, указывал, что «понятие “пропаганда” предполагает активные публичные действия по формированию в сознании установок и (или) стереотипов поведения либо деятельность, имеющую цель побудить или побуждающую лиц, которым она адресована, к совершению каких-либо действий или к воздержанию от их совершения»²⁰;

— направленность на достижение значимых для государства и общества целей. В современных диссертационных исследованиях подчеркиваются такие признаки правовой политики в сфере охраны и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, как ценностно-идеологический характер, подчиненность ее ключевых задач суверенному цивилизационному развитию Российской Федерации и консолидирующий потенциал²¹;

— связь с личными интересами и ценностями. Несмотря на предыдущий пункт о целях, важных для государства и общества, активно прослеживается и значение пропаганды в социализирующем процессе с личными интересами и ценностями, что делает социализацию более эффективной и отображающей восприятие личностью своего социального благополучия. Тем не менее все эти процессы встроены в процесс консолидации российского общества, преодоления имеющейся атомизации — разрыва социальных связей (дружеских, семейных, соседских), роста индивидуализма, пренебрежения правами других, — названной в п. 3 Основ государственной культурной политики²² одним

из наиболее опасных для будущего России возможных проявлений гуманитарного кризиса.

Учитывая последний признак, можно выделить цели, как общие, так и специальные. Общие цели социализирующей функции всей пропаганды, закрепленной в российском праве, отвечают основным запросам социальной и политической стабильности, безопасности государства.

Специальные цели социализирующей функции конкретного вида пропаганды, соответственно, более узконаправленные и точечные, например:

— цели пропаганды ценности семьи, имеющей несколько детей, — создание многодетной семьи, укрепление социальных связей, повышение демографических показателей в стране и т.д.;

— цели пропаганды позитивного отцовства и материнства — сознательное и осознанное отношение к своей роли как родителя и гражданина, забота о репродуктивном здоровье, создание в семье доверительных отношений, основ для духовно-нравственного воспитания и развития ребенка и др.

В зависимости от необходимого для их достижения временного промежутка цели делятся на ближайшие и перспективные. Например, М. А. Куликов, исследуя вопросы манипулирования целями и средствами в правовом регулировании, указывает, что ближайшая юридическая цель отражает «наиболее актуальные, серьезные текущие проблемы, которые необходимо разрешить имеющимися правовыми средствами. Перспективная же правовая цель предполагает создание определенных возможностей и условий для своей реализации, и ее достижение, как правило, связывается с достижением ближайших юридических целей»²³.

В настоящее время перспективными целями выступают повышение демографических показателей, рождаемости, сохранение и развитие

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова» // СЗ РФ. 2014. № 40 (ч. III). Ст. 5489.

²¹ Устиленцев К. А. Правовая политика в сфере охраны и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 14–15.

²² Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 (ред. от 25.01.2023) «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // СЗ РФ. 2014. № 52 (ч. I). Ст. 7753.

²³ Куликов М. А. Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. С. 63.

национальной культуры, поддержание духовного единства и стабильности в обществе, в то время как ближайшими целями становятся увеличение численного состава семьи, укрепление традиционных ролей супругов, более раннее заключение брака молодыми парами, увеличение числа зарегистрированных браков.

Результатом процесса социализации личности, который сегодня проходит в том числе благодаря позитивным видам пропаганды, будем считать социализированность (как некий идеальный результат данного процесса, включающий социальную сформированность, адаптированность в обществе с учетом современного ценностного подхода).

Показателями социализированности, на наш взгляд, являются:

- уровень ценностной компетентности;
- сформированный поведенческий компонент в виде правомерного поведения личности.

Правовое регулирование пропаганды в российском праве развивается посредством:

1) превентивного регулирования, направленного на недопущение чего-либо (все запреты пропаганды и ограничения);

2) регулирования, направленного на активизацию и стимулирование процессов (пропаганда семьи с несколькими детьми, осознанного материнства (отцовства), здоровой конкуренции, честного предпринимательства, экологической культуры и др.).

Полагаем целесообразным выделить следующие виды пропаганды, которые оказывают социализирующее воздействие на личность и проявились в современном российском праве:

- пропаганду, направленную на поддержание традиционной модели семьи;
- пропаганду здорового образа жизни;
- пропаганду истории и ценностей культуры народов РФ;
- пропаганду лучших достижений в сфере науки, образования, культуры;
- пропаганду нетерпимого отношения к коррупционному поведению (антикоррупционная пропаганда) и др.

Данная классификация основана на таких признаках оказывающей социализирующее воздействие пропаганды, как ее отражение в

норме действующего законодательства, направленность на формирование правомерного поведения, ценностно ориентированный характер, максимально желательный для государства результат ее осуществления, направленность как на отдельную личность, так и на общество в целом.

На примере введения в правовое поле новых видов пропаганды (как запретов деструктивной, так и стимулирования созидательной пропаганды) можно наблюдать на современном этапе развития российского законодательства активный процесс юридикации моральных и этических норм, который был значительно усилен упомянутым нами ранее Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809. Всё это не могло не сказаться на правоприменительной практике, и нужно отдать должное правоприменителю, который, стоя на страже обозначенных традиционных ценностей, зачастую совершенно справедливо усматривает злоупотребление и даже спекулирование ими и не допускает подобного своими властными актами. Примеров тому немало, самыми многочисленными, пожалуй, остаются случаи наложения административного штрафа за факты пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, совершенные с применением Интернета, когда граждане в открытом доступе для просмотра неограниченным кругом лиц (чаще всего в группах известных мессенджеров и каналов) размещают фото и посты с положительной оценкой нетрадиционных сексуальных отношений, обосновывая их как естественные, формируя их привлекательный образ²⁴, либо принимают участие в соответствующих тематических вечеринках²⁵. Суды в своих актах отмечают угрозу демографическому росту, экономическому развитию страны и обществу в целом, подчеркивая противоречие такой пропаганды нормам, закрепленным в новой редакции Конституции РФ, то есть делая акцент на ее антиконституционном характере.

Немалую долю составляют дела о ликвидации религиозных организаций, принуждающих к разрушению семьи, системы нравственных ценностей человека, затрагивающих публично-правовые интересы²⁶. В правоприменительной

²⁴ Например: решение Московского городского суда от 21.02.2024 по делу № 7-2116/2024 (УИД 77RS0019-02-2023-004950-33).

²⁵ Решение Московского городского суда от 23.07.2024 по делу № 7-11054/2024 (УИД 77RS0014-02-2023-019573-79).

²⁶ Решение Красноярского краевого суда от 24.10.2022 № 3А-1/2022 (УИД 24OS0000-01-2020-000829-11).

практике имеются примеры, хотя и не носящие массового характера, но обращающие на себя внимание ввиду выполнения правоприменителями своей функции с учетом курса на традиционные ценности и важности неискажения данных понятий. Так, отказывая в удовлетворении ходатайства о представлении к награждению медалью ордена «Родительская слава», суды нередко указывают, что истец должен соответствовать требованиям, предъявляемым к социально ответственной семье, ведущей здоровый образ жизни, обеспечивающей надлежащий уровень заботы о здоровье, образовании, физическом, духовном и нравственном развитии детей²⁷.

В делах по заявлениям о признании недействительными решений антимонопольного органа об установлении факта нарушения положений Закона «О рекламе»²⁸ часто подчеркиваются неэтичность рекламы в контексте защиты традиционных семейных ценностей и недопустимость применения подхода исходя из своего собственного понимания блага, противоречащего российскому законодательству (например, на рекламном щите в Екатеринбурге была размещена цитата из религиозного текста о запрете развода и заключении брака с разведенными)²⁹, либо когда реклама содержит зрительную и текстовую информацию, направленную на укрепление семьи и построение семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения (например, упоминание любовницы в рекламе как нормы социального поведения мужчины, что оскорбительно для института семьи в целом и института брака в частности, как и для нравственно ориентированных участников данного института; суд кассационной инстанции счел необходимым отметить, что освещение аморального поведения в рекламе — факта наличия любовницы и нормальности приобретения для нее жилья — являлось центральным и было направлено на привлечение внимания потребителей, что недопустимо³⁰).

Обращение правоприменителя к нравственным началам — это продиктованное запроса-

ми общества явление. Правоприменение как процесс динамический быстро реагирует на меняющуюся повестку дня. Отрадно, что ценностные ориентиры общественного сознания не остались незамеченными современным правоприменителем, а потому объектами превентивного воздействия в правоприменительных актах всё чаще становятся современная семья, здоровье нации, экологическая безопасность, культурные традиции и др.

Заключение

Несмотря на пока еще не до конца искорененную отрицательную коннотацию концепта пропаганды, следует согласиться с Э. Бернейсом, завершившим свою знаменитую работу словами, что пропаганда есть «по сути, современный инструмент, с помощью которого можно бороться за плодотворный труд и привносить порядок в хаос»³¹.

Итак, итоги воздействия позитивной пропаганды, получившей отражение в современном российском законодательстве, и выполнения ею социализирующей функции:

1) наличие сформированной ценностной компетентности как результата социализации отдельного субъекта, социальной группы;

2) успешно реализованная социализация — индикатор усвоенных социальных установок, которые встраиваются в систему всех процессов взаимодействия личности с обществом;

3) эффект пропаганды зависит напрямую от культурного уровня конкретного общества, в котором существует адресат пропаганды (так, восприятие уровня нормальности гендерных расстройств в России и за рубежом совершенно разное: то, что в России считается деструктивным поведением и запрещено действующим законодательством, иногда укладывается в рамки законного в международной практике, например пропаганда смены пола и отказа от деторождения, а также депатологизация различных явлений, например отказа от бинарного подхода к пониманию пола);

²⁷ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.02.2022 № 88-2664/2022 (УИД 29RS0018-01-2021-002944-47).

²⁸ Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

²⁹ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 23.01.2018 по делу № А60-61041/2017; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.04.2018 № 17АП-3239/2018-АК.

³⁰ Постановление ФАС Московского округа от 19.04.2013 по делу № А40-108923/12-148-1042.

³¹ Бернейс Э. Пропаганда / пер. с англ. И. Ющенко. М.: Hippo Publishing, 2010. С. 166.

4) социализирующая функция пропаганды тесно связана с превентивной функцией и функцией моделирования, отвечающей за формирование поведения. Усвоенный опыт социализации может становиться регулятором поведения, как утверждают психологи³², что в последующем выстраивает для личности некую систему координат;

5) появление новых видов пропаганды в российском законодательстве — яркий пример контролируемой социализации, контролирующим субъектом логично выступает государство.

Таким образом, мы наблюдаем активное социализирующее значение пропаганды, непосредственно связанное с юридизацией мораль-

ных норм, примеры: юрисдикционный запрет пропаганды отказа от деторождения, внедрение пропаганды традиционных семейных ценностей и др. Представляется, что этот процесс будет разворачиваться и далее ввиду его социальной обусловленности и имеющегося потенциала для укрепления социальных связей. Как никогда ранее, сейчас законодатель устремился к регулированию не только антиобщественного, но и социально значимого поведения, что обусловило правовую регламентацию созидательной пропаганды, отражающей новые цели и стремления государства и непосредственно влияющей на обеспечение национальной безопасности страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азнагулова Г. М.* Техногенные процессы и тенденции трансформации государственно-правовой идентичности личности // Журнал российского права. 2022. № 3. С. 22–34.
- Баранов А. Н., Паршин П. Б.* Категория пропаганды в лингвистической экспертизе текста // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 2. С. 53–65.
- Бернейс Э.* Пропаганда / пер. с англ. И. Ющенко. М. : Hippo Publishing, 2010. 176 с.
- Гаврилов В. Р., Лигинчук Ю. Г.* Общественное здоровье как конституционная ценность // Юридическая наука и практика. 2024. № 2. С. 57–60.
- Зорченко С. А.* Формирование правовой культуры личности в трудовом коллективе : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1982. 195 с.
- Каропова С. Г., Некрасов С. В., Пинчук А. Н.* Пропаганда как метод воздействия на общественное сознание: общий теоретический аспект // Вестник НГУЭУ. 2020. № 4. С. 212–229.
- Кочесоков Р. Х., Культурбаева Л. М.* Идеология и пропаганда: проблемы соотношения // Гуманитарный научный вестник. 2025. № 1. С. 204–209.
- Куликов М. А.* Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023. 413 с.
- Кутенева Т. А.* Смысловая динамика лексем «пропаганда» и «агитация» в русском языке // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 106–114.
- Лелюх В. Ф., Чванова Л. В.* Феномен правовой культуры личности: понятие, история и современность // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 1. № 2 (58). С. 261–277.
- Малеткина М. В.* Смысловое наполнение концепта «пропаганда» в современном языковом сознании // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2024. № 22. С. 226–234.
- Орлов И. Б.* Сущность и механизмы пропаганды (От какого наследства мы отказываемся?) // Вопросы правоведения. 2009. № 1. С. 57–66.
- Устиленцев К. А.* Правовая политика в сфере охраны и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 214 с.
- Цыплакова С. М., Цыплаков Д. А.* Семейные ценности в контексте воспитания патриотизма // Новосибирский временник. 2024. № 1. С. 46–49.
- Шамионов Р. М., Голованова А. А.* Социальная психология личности : учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Перо, 2017. 300 с.
- Choukas M.* Propaganda Comes of Age. Wash., 1965. 320 p.

³² *Шамионов Р. М., Голованова А. А.* Социальная психология личности : учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Перо, 2017. С. 42.

REFERENCES

- Aznagulova GM. Technogenic processes and trends in the transformation of the state-legal identity of the individual. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2022;3:22-34. (In Russ.).
- Baranov AN, Parshin PB. The category of propaganda in the linguistic examination of the text. *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy*. 2017;12(2):53-65. (In Russ.).
- Bernays E. Propaganda. Translated from English. I. Yushchenko. Moscow: Hippo Publishing; 2010. (In Russ.).
- Choukas M. Propaganda Comes of Age. Wash.; 1965.
- Gavrilov VR, Liginchuk YuG. Public health as a constitutional value. *Yuridicheskaya nauka i praktika*. 2024;2:57-60. (In Russ.).
- Karepova SG, Nekrasov SV, Pinchuk AN. Propaganda as a method of influencing public consciousness: A general theoretical aspect. *Vestnik NGUEU*. 2020;4:212-229. (In Russ.).
- Kochesokov RKh, Kulturbaeva LM. Ideology and propaganda: Problems of correlation. *Gumanitarny nauchny vestnik*. 2025;1:204-209. (In Russ.).
- Kulikov MA. Manipulation of goals and means in legal regulation: Problems of theory and practice. Dr. Diss. (Law). Moscow; 2023. (In Russ.).
- Kuteneva TA. Semantic dynamics of the lexemes «propaganda» and «campaigning» in the Russian Language. *Political linguistics*. 2008;1(24):106-114. (In Russ.).
- Lelyukh VF, Chvanova LV. The phenomenon of legal culture of personality: Concept, history and modernity. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts]*. 2014;2(58):261-277. (In Russ.).
- Maletkina MV. The semantic content of the concept of «propaganda» in the modern linguistic consciousness. *Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*. 2024;22:226-234. (In Russ.).
- Orlov IB. What inheritance are we giving up? (The essence and mechanisms of propaganda). *Voprosy pravovedeniya*. 2009;1:57-66. (In Russ.).
- Shamionov RM, Golovanova AA. Social psychology of personality: A textbook for university students. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Pero Publ.; 2017. (In Russ.).
- Tsyplakova SM, Tsyplakov DA. Family values in the context of fostering patriotism. *Novosibirskiy vremennik*. 2024;1:46-49. (In Russ.).
- Ustyentsev KA. Legal policy in the field of protection and protection of traditional Russian spiritual and moral values. Cand. Diss. (Law). Moscow; 2024. (In Russ.).
- Zorchenko SA. Formation of the legal culture of the individual among the personnel. Cand. Diss. (Law). Minsk; 1982. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тогузаева Екатерина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
д. 83, Астраханская ул., г. Саратов 410012, Российская Федерация
belana1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina N. Toguzayeva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russian Federation
belana1@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 17 марта 2025 г.
Статья получена после рецензирования 17 апреля 2025 г.
Принята к печати 15 марта 2026 г.

Received 17.03.2025.
Revised 17.04.2025.
Accepted 15.03.2026.

О. В. Сергеева

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Онлайн-разрешение споров как фактор развития торгового оборота: модели правового регулирования

Резюме. Активное развитие рынка электронной торговли предопределяет необходимость своевременного совершенствования механизмов взаимодействия участников дистанционных сделок, в чем заинтересованы и бизнес (с точки зрения повышения конкурентоспособности), и государство (с точки зрения развития экономики). Таким востребованным направлением модернизации системы дистанционного взаимодействия является обеспечение прозрачного и удобного механизма онлайн-урегулирования споров как на национальном, так и на международном уровне. В статье анализируются подходы, воспринятые Рамочной программой сотрудничества стран АТЭС в сфере онлайн-урегулирования трансграничных коммерческих споров, Модельным законом «Об электронных транзакциях» Общего рынка Восточной и Южной Африки; исследуются причины прекращения функционирования платформы по онлайн-урегулированию потребительских споров, действовавшей в рамках Европейского Союза. Дана оценка проекта федерального закона «О внесении изменений в Закон РФ «О защите прав потребителей» и Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в части создания правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров»; раскрывается целесообразность внедрения государственной платформы по онлайн-урегулированию споров, рассматривается практика функционирования подобных механизмов в Бразилии и Казахстане. Делается вывод, что в основе разработки соответствующего нормативного регулирования должна лежать логически выверенная концепция, исходящая из потребностей публичных органов, частных лиц, бизнес-структур и общественных институтов, учитывающая современные экономические, технологические и другие реалии, а также позитивный и негативный международный и зарубежный опыт.

Ключевые слова: онлайн-урегулирование споров; дистанционные контракты; потребители; цифровые платформы; торговый оборот; модели регулирования; электронная торговля

Для цитирования: Сергеева О. В. Онлайн-разрешение споров как фактор развития торгового оборота: модели правового регулирования. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 4. С. 91–104. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.091-104

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Проведение инициативных исследований молодыми учеными» Президентской программы исследовательских проектов, реализуемых ведущими учеными, в том числе молодыми учеными, № 23-78-01142 «Цифровизация договорных отношений: архитектура регуляторной среды, правовые традиции и новации» (<https://rscf.ru/project/23-78-01142/>).

Online Dispute Resolution as a Factor in the Development of Commercial Transactions: Models of Legal Regulation

Olga V. Sergeeva

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Abstract. The active development of the e-commerce market necessitates the timely improvement of mechanisms for interaction between parties to distance transactions. Both business (in terms of increasing competitiveness) and the state (in terms of economic development) have a stake in this. One particularly sought-after direction for modernizing distance interaction systems is ensuring a transparent and convenient mechanism for online dispute resolution at both the national and international levels. The paper analyzes approaches adopted in the APEC Cooperation Framework for Online Dispute Resolution of Cross-Border Commercial Disputes and the Model Law on Electronic Transactions of the Common Market for Eastern and Southern Africa (COMESA). It also examines the reasons for the discontinuation of the online consumer dispute resolution platform that operated within the European Union. An assessment is provided of the draft federal law «On Amendments to the Law of the Russian Federation ‘On the Protection of Consumer Rights’ and the Federal Law ‘On Alternative Dispute Resolution Procedures Involving a Mediator (Mediation Procedure)’” regarding the creation of a legal basis for the development of alternative online dispute resolution mechanisms. As part of the analysis of the feasibility of introducing a state platform for online dispute resolution, the paper examines the operation of similar mechanisms in Brazil and Kazakhstan. The author concludes that the development of the relevant regulatory framework must be based on a logically sound concept that arises from the needs of public authorities, private individuals, business structures, and public institutions, while taking into account modern economic, technological, and other realities, as well as both positive and negative international and foreign experience.

Keywords: online dispute resolution; distance contracts; consumers; digital platforms; commercial transactions; regulatory models; electronic commerce

Cite as: Sergeeva OV. Online Dispute Resolution as a Factor in the Development of Commercial Transactions: Models of Legal Regulation. *Lex russica*. 2026;79(4):91-104. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.091-104

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation under project No. 23-78-01142 «Digitalization of Contractual Relations: Architecture of the Regulatory Environment, Legal Traditions and Innovations» as part of the Presidential Program for Research Projects Implemented by Leading Scientists, Including Young Scientists, under the initiative «Conducting Initiative Research by Young Scientists» (<https://rscf.ru/project/23-78-01142/>).

Введение

Развитие современного торгового оборота предопределяется комплексом взаимосвязанных факторов, в числе которых политико-правовые, экономические, технологические, инфраструктурные, экологические и др. В то же время технологический фактор качественно изменил подход к осуществлению торговых операций, создав условия для применения инноваций в логистике, развития электронной коммерции, автоматизации бизнес-процессов, появления цифровых платформ и т.п.

Популярность бизнес-модели на основе цифровых платформ обусловлена их уникаль-

ными свойствами, позволяющими повысить конкурентные преимущества предприятий за счет роста и расширения деятельности в результате «эффекта масштаба»; выхода предприятия на новые рынки сбыта; «сетевых эффектов», которые заключаются в том, что увеличение количества пользователей повышает ценность сервиса; высокой скорости передачи информации между участниками платформы вследствие применения новейших цифровых технологий; ускорения информационных потоков внутри компании через внедрение инновационных цифровых технологий¹. Благодаря своим преимуществам цифровые платформы проникли во все сферы современного общества, оказав

¹ См. подробнее: Андрущук В. В., Длусская В. В., Мальсагова Р. Г. Платформизация как неизбежный процесс становления цифровой экономики России // Экономика строительства. 2023. № 4. С. 58–62.

влияние также на порядок и условия договорного взаимодействия сторон.

Цифровизация договорных отношений существенно расширила возможности не только для потребителей товаров и услуг, но и для профессиональных участников рынка, стремящихся реализовать собственные коммерческие интересы. Доступность, широкий охват аудитории, экономия времени и ресурсов, транзакционная безопасность делают электронную торговлю одним из наиболее динамично развивающихся сегментов современной экономики.

Однако электронная торговля сопряжена с появлением новых рисков недобросовестного поведения договаривающихся сторон, которое может выражаться, как и при офлайн-торговле, в обмане или введении в заблуждение, формулировании несправедливых условий, неисполнении или ненадлежащем исполнении своих обязательств, одностороннем отказе от договора, недобросовестной конкуренции и т.п. Но именно цифровые технологии создают больше возможностей для злоупотреблений, связанных с качеством поставляемых товаров (оказываемых услуг), несоответствием товара его заявленным характеристикам, обменом и возвратом продукции, информированием об изменении условий договора и т.п. Таким образом, интенсификация торгового оборота, обусловленная упрощением (ускорением) совершения транзакций, закономерно приводит и к увеличению количества споров. Ввиду изложенного представляется крайне важным, чтобы «не только договорная область подверглась изменениям под воздействием платформ сетевого взаимодействия»².

Основная часть

Активное развитие рынка электронной торговли³ предопределяет необходимость своевременного совершенствования механизмов взаимодействия участников дистанционных сделок, в чем заинтересованы и бизнес (с точки зрения повышения конкурентоспособности), и государство (с точки зрения развития экономики). Таким очевидно востребованным направлением модернизации системы дистанционного взаимодействия сторон является обеспечение прозрачного и удобного механизма онлайн-урегулирования споров как на национальном, так и на международном уровне. На это обращалось внимание, в частности, в выступлении Президента РФ В. В. Путина на заседании саммита БРИКС в расширенном составе 23 октября 2024 г.⁴: «Государства объединения наращивают взаимодействие по тематике расширения безбарьерной электронной торговли. Динамичный рост объема продаж в Интернете ведет к увеличению коммерческих споров, требующих оперативного и справедливого рассмотрения. Российское председательство предложило наладить взаимное информирование о практиках запуска онлайн-сервисов по урегулированию споров в электронной коммерции, чтобы в будущем создать совместные рамочные процедуры досудебного разрешения споров». Такой подход отражает уже сложившиеся тенденции развития торгового и экономического сотрудничества в рамках международных организаций и альянсов.

В 2019 г. в контексте Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС)⁵ была принята Рамочная программа сотрудничества в сфере онлайн-урегулирования трансграничных коммерческих споров⁶. Любая экономика АТЭС может к ней присоединиться, при этом факт

² См. подробнее: *Мажорина М. В.* Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // *Lex russica*. 2019. № 2. С. 107–120.

³ Так, в России, по данным Федеральной службы государственной статистики, доля продаж через Интернет в общем объеме оборота розничной торговли неуклонно растет: если в 2014 г. этот показатель составлял 0,7 %, то в 2024 г. — более 9 %. См.: URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/roznichnayatorgovlya> (дата обращения: 23.01.2025).

⁴ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75375> (дата обращения: 23.01.2025).

⁵ Сегодня АТЭС объединяет экономики 21 страны разного уровня развития. Это Австралия, Бруней, Вьетнам, Гонконг (специальный административный район КНР), Канада, Китайская Народная Республика, Индонезия, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Папуа — Новая Гвинея, Перу, Россия, Сингапур, США, Таиланд, Тайвань, Чили, Филиппины, Южная Корея, Япония.

⁶ APEC Collaborative Framework for Online Dispute Resolution of Cross-Border Business-to-Business Disputes, 2019 // URL: https://mddb.apec.org/Documents/2019/EC/EC2/19_ec2_022.pdf (дата обращения: 23.01.2025).

присоединения не накладывает на государство дополнительных обязательств, но позволяет получить партнерский статус поставщикам услуг по онлайн-разрешению споров из этой страны. На данный момент присоединились Китай, Гонконг (Китай), Индонезия, Япония, Папуа — Новая Гвинея, Сингапур, Соединенные Штаты. В настоящее время в список поставщиков услуг по онлайн-разрешению споров входят Международный центр по онлайн-разрешению споров eBRAM (Гонконг)⁷, Арбитражная комиссия Гуанчжоу (Китай)⁸, Международная экономическая и торговая арбитражная комиссия Китая⁹, Консультационная служба U&I (Япония)¹⁰, Служба по урегулированию споров при Международном институте по предупреждению и разрешению споров (США)¹¹. Поставщики услуг по онлайн-разрешению споров, опираясь в своей деятельности на прилегающие к Рамочной программе Модельные процессуальные правила, через свои платформы обеспечивают онлайн-переговоры, посредничество и арбитраж.

В рамках Общего рынка Восточной и Южной Африки (КОМЕСА/COMESA — Common Market for Eastern and Southern Africa)¹² еще в 2010 г. был разработан Модельный закон «Об электронных транзакциях»¹³, которым предлагается дополнить Договор об учреждении КОМЕСА статьей, наделяющей Суд Общего рынка правом «выступать в качестве посредника в любом споре, переданном ему стороной, сделка которой подпадает под действие Конвенции Организации Объединенных Наций

“Об использовании электронных сообщений в международных договорах” или принятого государством-членом Модельного закона “Об электронных транзакциях”». Модельный закон также дополняет Регламент Суда Общего рынка положениями о порядке проведения согласительных процедур. В частности, все согласительные процедуры рекомендуется проводить посредством электронного представления информации и документов. В указанных положениях нашли отражение отдельные модели регулирования, предусмотренные Типовым законом ЮНСИТРАЛ «О международной коммерческой согласительной процедуре» 2002 г.¹⁴, а также учтен успешный опыт проведения согласительных процедур в режиме онлайн на некоторых коммерческих интернет-платформах (например, eBay). При этом правила Модельного закона распространяются одновременно на согласительные процедуры с участием как хозяйствующих субъектов, так и потребителей.

Таким образом, международные торговые и экономические альянсы, признавая стратегическое значение развития сферы электронной торговли, тем не менее демонстрируют различные подходы к формированию модели онлайн-урегулирования споров. Такие различия касаются не только непосредственно процессуальных правил, но и определения компетентных урегулировать спор учреждений и круга субъектов договорных отношений, которые могут обращаться к соответствующим процедурным механизмам.

⁷ eBRAM International Online Dispute Resolution Centre Limited (eBram). URL: <https://www.ebram.org/> (дата обращения: 23.01.2025).

⁸ Guangzhou Arbitration Commission (Online GZAC). URL: <https://newodr.gzac.org/en/> (дата обращения: 23.01.2025).

⁹ China International Economic and Trade Arbitration Commission. URL: <https://casettle.odrcloud.cn/CIETAC.html> (дата обращения: 23.01.2025).

¹⁰ U&I Advisory Service. URL: <https://ui-advisory.com/topics/20220701.html> (дата обращения: 23.01.2025).

¹¹ CPR Dispute Resolution Services. URL: <https://drs.cpradr.org/services/apec-dispute-resolution> (дата обращения: 23.01.2025).

¹² Членами объединения являются 21 страна: Бурунди, Джибути, Египет, Замбия, Зимбабве, Кения, Коморские острова, Демократическая Республика Конго, Ливия, Маврикий, Мадагаскар, Малави, Руанда, Сейшельские острова, Судан, Сомали, Тунис, Уганда, Эритрея, Эфиопия, Эсватини. См.: URL: <https://www.comesa.int/members/> (дата обращения: 23.01.2025).

¹³ COMESA model law on electronic transactions and guide to enactment, 2010 // URL: <https://unov.tind.io/record/41921?ln=en> (дата обращения: 23.01.2025).

¹⁴ В 2018 г. Типовой закон был изменен включением нового раздела, посвященного международным мировым соглашениям и приведению их в исполнение. Он получил новое название «Типовой закон о международной коммерческой медиации и международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации». URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/mediation/modellaw/commercial_conciliation (дата обращения: 23.01.2025).

Особого внимания заслуживает опыт Европейского Союза, которому, с одной стороны, в рамках интеграционного объединения удалось установить единые правовые основы онлайн-урегулирования споров, а с другой — пришлось признать неэффективность принятой модели. Так, еще в Директиве Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2000/31/ЕС «О некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке, в частности об электронной коммерции» (Директива об электронной коммерции)¹⁵ государствам-членам предписывалось предусмотреть в национальном законодательстве возможность использования внесудебных механизмов разрешения споров посредством электронных каналов.

21 мая 2013 г. Европейским парламентом и Советом были приняты два взаимосвязанных и взаимодополняющих нормативных правовых акта в этой области: Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2013/11/ЕС «Об альтернативных способах рассмотрения споров с участием потребителей»¹⁶ и Регламент Европейского парламента и Совета ЕС № 524/2013 «Об онлайн-механизмах рассмотрения споров с участием потребителей»¹⁷. В преамбуле Директивы специально подчеркивается значение электронной торговли как опоры экономической деятельности Союза, динамичное развитие которой невозможно без создания эффективно функционирующей инфраструктуры внесудебного разрешения споров с участием

потребителей, в том числе разработки надлежащим образом интегрированных правовых основ для рассмотрения споров в режиме онлайн. Регламентом предусматривается создание специальной платформы, предлагающей потребителям и продавцам единую точку входа для внесудебного онлайн-рассмотрения споров лицами (учреждениями), которые присоединились к платформе. Таким образом, специфика общеевропейской онлайн-платформы заключается в ее посредническом характере: с ее помощью осуществляются первичные действия по подаче жалобы и извещению участников спора, а также подбор подходящей национальной сертифицированной платформы для рассмотрения спора.

В то же время в юридических кругах обращалось внимание на некоторые недостатки правовых и организационных основ функционирования платформы, в числе которых называлось отсутствие стандартизированных правил разрешения споров, а также возможности рассмотрения споров между продавцами и покупателями, локализованными не только на территории разных государств — членом ЕС, но и в других странах¹⁸.

К выводу о неэффективности функционирования платформы пришла и Комиссия Европейского Союза, по предложению которой 19 декабря 2024 г. был принят Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза № 2024/3228¹⁹, прекращающий деятельность платформы с 20 июля 2025 г.²⁰

¹⁵ Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (Directive on electronic commerce) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32000L0031&qid=1737714161172> (дата обращения: 24.01.2025).

¹⁶ Directive 2013/11/EU of the European Parliament and of the Council of 21 May 2013 on alternative dispute resolution for consumer disputes and amending Regulation (EC) No. 2006/2004 and Directive 2009/22/EC (Directive on consumer ADR) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32013L0011&qid=1737714542918> (дата обращения: 24.01.2025).

¹⁷ Regulation (EU) No. 524/2013 of the European Parliament and of the Council of 21 May 2013 on online dispute resolution for consumer disputes and amending Regulation (EC) No. 2006/2004 and Directive 2009/22/EC (Regulation on consumer ODR) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32013R0524&qid=1737714626636> (дата обращения: 24.01.2025).

¹⁸ См. подробнее: *Донская Д. С.* Онлайн-урегулирование трансграничных споров: архитектура регуляторной среды потребительских споров на примере Европейского Союза // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 10. С. 163–173.

¹⁹ Regulation (EU) 2024/3228 of the European Parliament and of the Council of 19 December 2024 repealing Regulation (EU) No. 524/2013, and amending Regulations (EU) 2017/2394 and (EU) 2018/1724 with regard to the discontinuation of the European Online Dispute Resolution Platform // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32024R3228&qid=1737714743725> (дата обращения: 24.01.2025).

²⁰ Последняя дата подачи новых жалоб на платформе — 20 марта 2025 г. Платформа будет функционировать до 19 июля 2025 г. для рассмотрения жалоб, поданных до 20 марта 2025 г.

В пояснительной записке к проекту Регламента указывалось, что нормы ЕС об альтернативных способах рассмотрения споров с участием потребителей, в том числе посредством онлайн-механизмов, действуют без каких-либо изменений с 2013 г., несмотря на радикальные изменения потребительского рынка, особенно в связи с его быстро расширяющимся цифровым измерением. Платформа работала с 2016 г. как полностью многоязычная цифровая инфраструктура, позволяющая потребителям разрешать споры онлайн путем привлечения сертифицированных учреждений. Несмотря на довольно высокую заинтересованность, что подтверждается количеством посещений соответствующего сайта, на платформе в среднем рассматривается всего лишь около 200 дел в год, что совершенно не оправдывает затраты органов ЕС на обеспечение ее функционирования, а также расходы, понесенные национальными властями и бизнес-сообществом для соблюдения своих обязательств в соответствии с Регламентом № 524/2013.

На момент разработки Регламента № 524/2013 цифровой рынок находился в стадии развития, а механизмы (инструменты) непосредственного взаимодействия участников онлайн-договорных отношений с поставщиками услуг по внесудебному рассмотрению споров отсутствовали. Но рынок электронной торговли претерпел качественные изменения: многие цифровые торговые платформы внедрили собственные системы онлайн-обработки жалоб, что позволило существенно упростить разрешение спорных ситуаций.

Регламент № 524/2013 требует от онлайн-торговцев и онлайн-площадок размещать на своих веб-сайтах легкодоступную ссылку на платформу. Возложение указанной обязанности, а также проведение Комиссией ЕС и государствами-членами информационных кампаний позволило привлечь на платформу от двух до трех миллионов посетителей каждый год. Как показывает статистика, лишь 2 % потребителей в конечном итоге решали воспользоваться платформой для связи с продавцом в целях онлайн-урегулирования спора.

Согласно оценке эффективности деятельности платформы, даже улучшение интерфейса ее домашней страницы и размещение более подробной информации о ее возможностях не смогло привлечь большее количество желающих воспользоваться платформой в целях онлайн-урегулирования спора. Напротив, лучшая

информированность потребителей о ее целях и порядке функционирования привела к обратному результату: количество запросов на проведение посредством платформы соответствующих процедур уменьшилось.

После запроса потребителя у трейдера есть 30 дней, чтобы согласиться на запуск процесса онлайн-урегулирования спора. Однако только 2 % трейдеров соглашались начать эту процедуру, в то время как около 40 % связываются с потребителями напрямую за пределами платформы. Большинство трейдеров просто игнорируют уведомление, поскольку участие в этом процессе не является для них обязательным. Поставщики услуг по онлайн-урегулированию споров проводят проверку жалобы на соответствие установленным требованиям (около 400 жалоб в год) и дают ход в среднем только половине запросов. Следовательно, как свидетельствует практика, низкие показатели востребованности платформы обусловлены целым рядом факторов, в частности отсутствием у потребителей предварительной информации о порядке ее работы, весьма ограниченным интересом трейдеров к разрешению споров с использованием механизмов платформы и несоответствием жалоб потребителей критериям, установленным поставщиками услуг по онлайн-урегулированию споров.

В конечном итоге Комиссия ЕС пришла к выводу о том, что дальнейшее обслуживание платформы не соответствует принципам бюджетной политики ЕС. Напротив, прекращение работы платформы позволит Европейской комиссии сэкономить около 500 тыс. евро в год.

Поведенческое исследование показало, что действующее требование к трейдерам размещать на своих веб-сайтах ссылку на платформу не оказывает должного положительного влияния на намерение потребителя использовать процедуру внесудебного урегулирования споров. Таким образом, отсутствие указанной ссылки не приведет к каким-либо негативным последствиям. Вместе с тем онлайн-трейдерам, большинство из которых относится к категории малых и средних предприятий, не нужно будет обслуживать адрес электронной почты для ведения переписки в случае использования платформы, что позволит сэкономить 100 евро в год. Общая выгода для предприятий ЕС, согласно подсчетам Европейской комиссии, составит 370 млн евро в год. Представляется, что указанный опыт Европейского Союза должен быть принят во внимание при проектировании

правовых и организационных основ онлайн-урегулирования споров в рамках международных альянсов и интеграционных объединений с участием России.

Интересен и тот факт, что, несмотря, например, на активное развитие модельного нормотворчества в сфере цифровизации торгового оборота в рамках СНГ²¹, соответствующие комплексные инициативы по онлайн-урегулированию споров отсутствуют. Отдельные упоминания содержатся в Модельном законе стран СНГ «О защите прав потребителей» (новая редакция)²². Так, статья 9, гарантирующая право на наличие эффективных механизмов урегулирования потребительских споров и средств правовой защиты потребителей, включает в себя требование о доступности для потребителей информации об имеющихся средствах правовой защиты и других процедурах урегулирования споров, в том числе в режиме онлайн. Стоит, однако, подчеркнуть, что речь идет о доступности лишь информации, а не механизмов онлайн-урегулирования споров. По какой-то причине, если следовать буквальному толкованию, разработчики данного Модельного закона решили, что применение эффективных и доступных механизмов разрешения потребительских споров, в том числе путем внедрения альтернативных способов их урегулирования в режиме онлайн, должно быть предусмотрено национальным за-

конодательством стран СНГ только в отношении отдельных категорий потребителей, а именно инвалидов (п. 4 ч. 2 ст. 37). Очевидно, что такой ограничительный подход не отвечает ни современным тенденциям развития правового регулирования механизмов альтернативного урегулирования споров, ни задаче создания своего рода безбарьерной модели взаимодействия субъектов цифрового рынка.

Надо иметь в виду, что в условиях цифровой трансформации основной целью правового регулирования становится «не столько защита автономии сторон и обеспечение баланса их интересов, сколько содействие развитию цифрового рынка»²³. При этом «последствия перехода к этой рыночной парадигме не ограничиваются модернизацией материального договорного права»²⁴, а распространяются также на иные, в том числе процессуальные, отрасли права, без которых невозможна эффективная защита прав участников электронной торговли.

Несмотря на то что в отдельных государствах — членах СНГ приняты специальные законы в сфере электронной торговли: в Азербайджане²⁵ (2005 г.), Киргизии²⁶ (2021 г.), Таджикистане²⁷ (2022 г.), Узбекистане²⁸ (2022 г.), соответствующие положения о возможности онлайн-урегулирования споров в них отсутствуют. В этом отношении выгодно отличается Закон КНР от 31.08.2018 «Об электронной тор-

²¹ Так, 14 апреля 2023 г. в г. Санкт-Петербурге на заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ был принят целый пакет модельных законов, направленных на формирование единого цифрового рынка: «О цифровых финансовых активах», «О цифровых правах», «О цифровой трансформации сферы услуг государств — участников СНГ», «О цифровом пространстве, его инфраструктуре и регулировании в государствах — участниках СНГ», «О трансфере технологий и мерах по его поддержке и регулированию в государствах — участниках СНГ», «О защите прав потребителей» (новая редакция).

²² Модельный закон «О защите прав потребителей» (новая редакция) (принят 14 апреля 2023 г. в г. Санкт-Петербурге постановлением 55-17 на 55-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2023. № 78 (ч. 3).

²³ Сергеева О. В. Электронная торговля в архитектуре нормативного регулирования: поиск баланса интересов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 2. С. 33.

²⁴ The Law of Global Digitality / M. C. Kettemann, A. Peukert, I. Döhmman (eds.). London : Routledge, 2022. P. 145.

²⁵ Закон Азербайджанской Республики от 10.05.2005 № 908-ИИ «Об электронной торговле» // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 2005. № 7. Ст. 564.

²⁶ Закон Кыргызской Республики от 22.12.2021 № 154 «Об электронной торговле» // Эркин То. 2021. № 155.

²⁷ Закон Республики Таджикистан от 24.12.2022 № 1921 «Об электронной торговле» // БД «Законодательство стран СНГ».

²⁸ Закон Республики Узбекистан от 29.09.2022 № ЗРУ-792 «Об электронной коммерции» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. 2022. № 03/22/792/0870.

говле»²⁹, отдельная глава которого посвящена механизмам разрешения споров в сфере электронной коммерции (гл. IV).

Так, операторы электронной коммерции³⁰ должны разрабатывать удобные и эффективные механизмы подачи жалоб и сообщений, публиковать информацию о способах их подачи, а также своевременно их рассматривать (ст. 59). Споры, возникающие в связи с электронной торговлей, могут быть урегулированы путем переговоров, посредничества (медиации) со стороны организаций потребителей, отраслевых ассоциаций или других законно созданных посреднических организаций, а также путем подачи жалобы в соответствующие органы, направления заявления об инициировании арбитражного или судебного разбирательства (ст. 60).

Закон КНР разрешает операторам платформ электронной коммерции создавать механизмы урегулирования споров в режиме онлайн, разрабатывать и публиковать правила урегулирования споров, а также справедливо и беспристрастно разрешать споры между сторонами на основе принципа добровольности их участия в этом процессе (ст. 63).

Закон возлагает на операторов платформ и операторов электронной торговли ряд обязанностей: 1) оператор платформы должен активно помогать потребителю в защите его законных прав и интересов при возникновении спора между оператором электронной коммерции и потребителем; 2) операторы электронной коммерции должны представлять оригиналы договоров и записи о сделках для разрешения споров, возникающих в связи с электронной торговлей. В случае утери, подделки, фальси-

фикации, уничтожения, сокрытия или отказа представить такие материалы, что приведет к невозможности установления необходимых фактов народным судом, арбитражным судом или соответствующим органом, операторы электронной коммерции будут привлечены к юридической ответственности.

Анализ подходов, воспринятых Законом КНР в целом и обозначенными выше его отдельными положениями в частности, позволяет сделать вывод об их ориентации на обеспечение эффективной защиты законных прав и интересов участников электронной коммерции, поддержание стабильности гражданского оборота и содействие устойчивому развитию цифрового рынка. На основании изложенного вполне закономерно и справедливо видится тезис о необходимости учета и использования опыта КНР, в том числе «для разработки положений о досудебном разрешении споров между потребителями и продавцами, реализующими товары через цифровые платформы»³¹. При этом в Законе КНР акцент делается не на создании отдельной платформы, а на возложении обязанности по разработке и внедрению механизмов онлайн-урегулирования споров самими цифровыми платформами.

В Российской Федерации, несмотря на давно назревший запрос на создание механизмов онлайн-урегулирования споров, возникающих в связи с электронной торговлей, необходимая законодательная база отсутствует. В то же время еще в 2021 г. Правительством РФ в Государственную Думу РФ был внесен проект федерального закона «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О защите прав потребителей” и Федеральный закон “Об аль-

²⁹ Закон Китайской Народной Республики от 31.08.2018 «Об электронной торговле» // URL: https://ipkey.eu/sites/default/files/documents/resources/PRC_E-Commerce_Law.pdf (дата обращения: 27.01.2025).

³⁰ Согласно ст. 9 Закона КНР «Об электронной торговле» под операторами электронной коммерции (e-commerce operators) понимаются физические, юридические лица или организации без образования юридического лица, осуществляющие операционную деятельность по продаже товаров или предоставлению услуг через Интернет и другие информационные сети, включая операторов платформ электронной коммерции, операторов на платформах и операторов электронной коммерции, продающих товары или предоставляющих услуги через самостоятельно созданные веб-сайты или другие веб-сервисы. Операторы платформы электронной коммерции (e-commerce platform operators) определяются в Законе как юридические лица или организации без образования юридического лица, которые предоставляют площадку для ведения бизнеса, согласования сделок, распространения информации и т.п. в целях самостоятельного осуществления торговой деятельности. Операторы на платформе (operators on platform) понимаются как операторы электронной торговли, которые продают товары или предоставляют услуги посредством платформ электронной коммерции.

³¹ Алексеев А. П. Правовой статус оператора платформы электронной коммерции в КНР // Правоведение. 2024. Т. 68. № 2. С. 297.

тернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» в части создания правовой основы для развития системы альтернативных онлайн-механизмов урегулирования споров»³².

Законопроектом предлагается создание онлайн-сервиса урегулирования споров в сфере защиты прав потребителей посредством единого портала государственных и муниципальных услуг, обеспечивающего «процесс предъявления, рассмотрения и удовлетворения требований потребителей... связанных с продажей товаров (выполнением работ, оказанием услуг) с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»». Таким образом, законопроект изначально предусматривает возможность онлайн-урегулирования споров только с участием потребителей и только в связи с дистанционными сделками.

Не углубляясь в анализ отдельных положений законопроекта³³, некоторые из которых совершенно справедливо встречают критику, необходимо указать на то, что сама процедура урегулирования споров с использованием онлайн-сервиса не нашла отражения в данном акте. Законопроектом предлагается возложить на Правительство РФ задачу по разработке правил онлайн-урегулирования споров, содержащих: сведения о категориях споров, которые могут быть рассмотрены с использованием онлайн-сервиса; требования к независимым лицам; порядок доступа пользователей к онлайн-сервису; порядок заключения соглашений в рамках урегулирования споров с использова-

нием онлайн-сервиса и т.п. (ст. 39.3). Из текста законопроекта не ясно, какие конкретно способы внесудебного урегулирования споров должны быть предусмотрены онлайн-сервисом (переговоры? медиация? арбитраж?) и каковы механизмы их реализации. Сказанное позволяет сделать вывод об отсутствии концептуальной основы разработанного законопроекта.

В зарубежных странах встречаются различные модели организации деятельности такого рода онлайн-сервисов (платформ), имеющих разный функционал. Так, в Бразилии с 2014 г. действует государственная платформа Consumidor.gov.br³⁴, администрируемая Национальным секретариатом по делам потребителей Министерства юстиции (*Secretaria Nacional do Consumidor — Senacon — do Ministério da Justiça*).

Платформа обеспечивает прямое общение между потребителями и компаниями для урегулирования потребительских споров в режиме онлайн посредством направления потребителем жалобы, на которую присоединившаяся в добровольном порядке к платформе компания должна отреагировать; до размещения ответа на платформе у компании есть возможность взаимодействовать с потребителем, например в случае необходимости представления потребителем дополнительных документов или сведений. Компания должна ежедневно отслеживать жалобы, поступающие через сайт, и отвечать на них в течение 10 дней. Срок ответа отсчитывается с момента регистрации жалобы. После получения ответа потребитель оценивает ре-

³² URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1138398-7> (дата обращения: 04.02.2025).

Законопроект был принят в первом чтении 26 мая 2021 г. По итогам заседания Совета Государственной Думы, состоявшегося 24 июля 2023 г., рассмотрение во втором чтении перенесено на более поздний срок. Рассмотрение проекта федерального закона было включено в примерную программу законопроектной работы Государственной Думы на июнь 2024 г. В настоящее время оно включено в примерную программу законопроектной работы Государственной Думы на июль 2025 г., однако законопроект не относится к категории подлежащих рассмотрению в первоочередном порядке.

³³ См. подробнее: *Габов А. В.* Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ (экосистем) // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 208–235 ; *Рожкова М. А.* Перспективы правового регулирования онлайн-разбирательств потребительских споров // Закон. 2022. № 9. С. 151–156 ; *Мельник В. Д.* О создании онлайн-сервиса урегулирования потребительских споров в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. С. 58–59 ; *Чекмарева А. В.* Альтернативное урегулирование правовых споров: современное состояние и новые возможности // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 10. С. 41–46.

³⁴ Платформа создана в соответствии с положениями п. V ст. 4 Федерального закона от 11.09.1990 № 8078 «О Кодексе защиты прав потребителей» (URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l8078.htm) и статьи 7 Декрета от 15.03.2013 № 7963 (URL: https://planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2011-2014/2013/Decreto/D7963.htm).

зультат рассмотрения своего обращения³⁵. Как следует из приведенной на официальном сайте платформы статистики, в настоящее время 80 % жалоб, зарегистрированных на Consumidor.gov.br, рассматриваются компаниями в среднем в течение семи дней³⁶, что, однако, не свидетельствует о положительной статистике успешного разрешения спорных ситуаций.

Показатели результативности деятельности компаний в отношении зарегистрированных жалоб также отображаются на платформе. Посредством рейтингов, публикуемых на платформе, компании получают еще одну возможность продемонстрировать свою приверженность развитию эффективных механизмов разрешения потребительских споров. Кроме того, благодаря сбору соответствующих данных компании могут провести подробный анализ проблем, связанных с реализацией товаров и услуг, от производства до коммуникации и дистрибуции, что позволяет принять меры для повышения клиентоориентированности и конкурентоспособности.

В основе функционирования платформы именно в таком формате лежит подход, согласно которому прозрачность и общественный контроль имеют решающее значение для реализации и защиты прав потребителей, а информация, предоставляемая гражданами-потребителями, имеет стратегическое значение для проведения государственной политики в соответствующей сфере.

Стоит отметить, что платформа не только предусматривает возможность направления претензии в связи с дистанционными продажами, но и, наряду с электронной торговлей, позволяет обратиться с жалобой на компании, относящиеся к совершенно различным сегментам рынка (администраторы консорциума; вода и санитария; прокат автомобилей; потребительские базы данных и реестры; банки, финансовые учреждения и администраторы карт; бары, рестораны, ночные клубы и т.п.; дисконтные карты; строительные, девелоперские и риелторские компании; брокеры и дистрибьюторы ценных бумаг и инвестиций; распределители топлива/газа; издатели и

пресс-службы; компании, занимающиеся букмекерской деятельностью, лотереями и рекламой; компании по предоставлению услуг / бизнес-посредничеству; компании электронных платежей; компании по взысканию кредитов; компании почтовых и логистических услуг; электрическая энергия; некоммерческие организации; образовательные учреждения; производители (электроника, телефония и IT-продукция; мелкая бытовая техника, предметы домашнего обихода и личного пользования; бытовая техника; мебель, матрасы и аксессуары; продукты питания; химическая и фармацевтическая промышленность); аптеки; больницы, клиники, лаборатории и другие медицинские услуги; строительные материалы, отделка и инструменты; автопроизводители, дилеры и поставщики автомобильных услуг и др.³⁷). Как следует из отчета о деятельности за 2023 г., на платформе уже зарегистрировано более 7,7 млн жалоб, 5,4 млн пользователей и более 1 375 компаний³⁸.

В несколько ином формате в 2021 г. была запущена платформа по онлайн-урегулированию потребительских споров в Казахстане — Единая информационная система защиты прав потребителей (e-tutynushy.kz)³⁹. Она позволяет гражданам не только напрямую направить претензию/жалобу руководству / предложения в адрес соответствующей торговой организации в случае ее добровольного присоединения к платформе⁴⁰, но и обратиться в орган досудебного урегулирования для получения юридической консультации. В Единой информационной системе предусмотрены типовые формы жалоб в зависимости от предмета спора.

После получения претензии продавец (поставщик услуг) обязан дать на нее мотивированный ответ в течение 10 календарных дней. Если такого ответа не последует, потребитель имеет право направить обращение в соответствующий государственный орган (Комитет по защите прав потребителей). В отличие от платформы, функционирующей в Бразилии, в Единой информационной системе Казахстана ни обращения, ни ответы на них не размещаются

³⁵ См. примеры взаимодействия на платформе Consumidor.gov.br. URL: <https://consumidor.gov.br/pages/indicador/relatos/abrir> (дата обращения: 06.02.2025).

³⁶ URL: <https://consumidor.gov.br/pages/principal/?1738842033326> (дата обращения: 06.02.2025).

³⁷ URL: <https://consumidor.gov.br/pages/principal/empresas-participantes> (дата обращения: 06.02.2025).

³⁸ URL: <https://consumidor.gov.br/pages/publicacao/externo/> (дата обращения: 06.02.2025).

³⁹ URL: <https://e-tutynushy.kz/main> (дата обращения: 06.02.2025).

⁴⁰ Министерство торговли и интеграции Республики Казахстан ведет работу по привлечению на платформу торговых организаций.

в публичном доступе, и у потребителя нет возможности оценить эффективность разрешения спорной ситуации. При этом, как и в Бразилии, потребители вправе использовать платформу для обращения с претензией по поводу товаров (услуг), приобретенных (оказанных) как дистанционным способом, так и очно.

Согласно размещенной на официальном сайте Единой информационной системы статистике, с момента ее запуска было направлено 14 243 обращения, из них в субъекты досудебного урегулирования — 3 689, в организации бизнеса — 10 555. Количество зарегистрированных потребителей/пользователей составляет 195 388 человек, организаций — субъектов досудебного урегулирования — 18, организаций бизнеса и ИП — 159⁴¹.

Заключение

Таким образом, идея создания специальной государственной платформы для онлайн-урегулирования потребительских споров уже реализуется в некоторых странах. В то же время в научной литературе высказываются различные мнения относительно целесообразности внедрения единого общегосударственного платформенного подхода в российское правовое пространство. В частности, встречается позиция, согласно которой необходимость в таком инструменте на сегодняшний день отсутствует, поскольку «каждая посредническая онлайн-платформа или платформа продавца по продаже товаров обладает собственным уникальным интерфейсом, правилами урегулирования споров, которые на них используются, и накопленным опытом во взаимодействии с продавцами и покупателями»⁴².

Однако заявленный тезис не в полной мере соответствует действительности. До сих пор существует немало торговых организаций (причем

довольно крупных), которые наряду с продажей товаров в обычном формате реализуют их через свой сайт, не предусматривая никаких механизмов онлайн-урегулирования спорных ситуаций. Считаем, что решению задачи эффективной защиты прав участников торгового оборота в большей степени будет способствовать возложение на всех продавцов (поставщиков услуг), реализующих товары (услуги) дистанционным способом, обязанности по внедрению механизмов онлайн-урегулирования споров. Кроме того, как справедливо отмечается учеными-юристами, «сама по себе возможность разрешения претензии потребителя к продавцу онлайн способствует укреплению доверия потребителей и трейдеров к покупкам и торговле онлайн как в пределах российской юрисдикции, так и за рубежом»⁴³.

Ввиду изложенного полагаем, что соответствующие законодательные новеллы в связи с созданием механизмов онлайн-урегулирования споров должны быть включены не только в законы «О защите прав потребителей»⁴⁴ и «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»⁴⁵, но и в специально принятый для целей формирования правовой основы осуществления торговой деятельности в цифровом пространстве федеральный закон «Об электронной торговле», которым могла бы быть предусмотрена обязанность продавцов (поставщиков услуг), реализующих товары (услуги) дистанционным способом, по внедрению механизмов онлайн-урегулирования споров.

Безусловно, обращение к внедренным на платформе (сайте) продавца механизмам онлайн-урегулирования споров представляется наиболее удобным способом разрешения конфликтных ситуаций. Вместе с тем в отсутствие единых нормативных требований, закрепленных на государственном уровне, процедура онлайн-урегулирования разногласий происходит по правилам платформы (сайта)⁴⁶, которые не

⁴¹ URL: <https://e-tutynushy.kz/statistics> (дата обращения: 06.02.2025).

⁴² Бурова А. Ю. О разрешении потребительских споров на российских онлайн-платформах // Юрист. 2024. № 8. С. 25–30.

⁴³ Дьяконова М. О. Альтернативные способы разрешения споров с участием потребителей // Вестник гражданского процесса. 2020. № 6. С. 42–65.

⁴⁴ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

⁴⁵ Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

⁴⁶ Это позволяет ставить вопрос о формировании «права платформ». См. подробнее: Мажорина М. В., Терентьева Л. В., Шахназаров Б. А. Международное частное право в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 179.

всегда могут быть понятны, доступны и не всегда могут учитывать интересы пользователя.

В этом случае соответствующая государственная онлайн-платформа могла бы, во-первых, рассматриваться как следующая ступень в дистанционном механизме защиты прав участников сделок, а во-вторых, использоваться для урегулирования разногласий по договорам, заключенным в обычном формате. При этом факт принадлежности платформы к профильному органу государственной власти и осуществление им мониторинга результатов рассмотрения обращений служили бы дополнительным стимулом для добросовестного осуществления хозяйствующими субъектами торговой деятельности и эмпирической базой для выработки государственной политики в рассматриваемой области. Представляется, что предложенная в законопроекте модель организации государственной платформы по онлайн-урегулированию споров требует дополнительного осмысления с точки зрения ее функционала и применимости, в том числе для целей разрешения трансграничных и коммерческих споров,

а также урегулирования разногласий посредством переговоров, медиации, арбитража.

Интенсификация торговых операций, в том числе вследствие развития дистанционных способов осуществления хозяйственной деятельности, очевидно, требует определения стратегии по минимизации правовых и экономических рисков. В этом аспекте внедрение механизмов онлайн-урегулирования споров является не только фактором развития торгового оборота в целом и электронной коммерции в частности, но и перспективным инструментом защиты прав договаривающихся субъектов, что отвечает не только частным, но также рыночным и публичным интересам. В основе разработки соответствующего нормативного регулирования должна лежать логически выверенная концепция⁴⁷, исходящая из потребностей публичных органов, частных лиц, бизнес-структур и общественных институтов, учитывающая современные экономические, технологические, геополитические и другие реалии, позитивный и негативный международный и зарубежный опыт.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А. П. Правовой статус оператора платформы электронной коммерции в КНР // Правоведение. 2024. Т. 68. № 2. С. 284–302.

Андрущук В. В., Длусская В. В., Мальсагова Р. Г. Платформизация как неизбежный процесс становления цифровой экономики России // Экономика строительства. 2023. № 4. С. 58–62.

Бурова А. Ю. О разрешении потребительских споров на российских онлайн-платформах // Юрист. 2024. № 8. С. 25–30.

Габов А. В. Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ (экосистем) // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 208–235.

Донская Д. С. Онлайн-урегулирование трансграничных споров: архитектура регуляторной среды потребительских споров на примере Европейского Союза // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 10. С. 163–173.

Дьяконова М. О. Альтернативные способы разрешения споров с участием потребителей // Вестник гражданского процесса. 2020. № 6. С. 42–65.

Летопись российской юридической науки : в 5 т. Т. 2 : Страницы истории Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (2016–2023). М. : Юриспруденция, 2023. 496 с.

Мажорина М. В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // Lex russica. 2019. № 2. С. 107–120.

Мажорина М. В., Терентьева Л. В., Шахназаров Б. А. Международное частное право в условиях развития информационно-коммуникационных технологий // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 169–182.

⁴⁷ О разработке такого рода концепций см. подробнее: Научные концепции развития российского законодательства : монография / В. Р. Авхадеев, Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова ; ИЗИСП при Правительстве РФ. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2024 ; Летопись российской юридической науки : в 5 т. М. : Юриспруденция, 2023. Т. 2 : Страницы истории Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (2016–2023).

Мельник В. Д. О создании онлайн-сервиса урегулирования потребительских споров в Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. С. 58–59.

Научные концепции развития российского законодательства : монография / В. Р. Авхадеев, Е. Г. Азарова, Л. В. Андриченко [и др.] ; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова ; ИЗиСП при Правительстве РФ. 8-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2024. 656 с.

Рожкова М. А. Перспективы правового регулирования онлайн-разбирательств потребительских споров // Закон. 2022. № 9. С. 145–158.

Сергеева О. В. Электронная торговля в архитектуре нормативного регулирования: поиск баланса интересов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 2. С. 23–50.

Чекмарева А. В. Альтернативное урегулирование правовых споров: современное состояние и новые возможности // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 10. С. 41–46.

The Law of Global Digitality / М. С. Kettemann, A. Peukert, I. Döhmman (eds.). London : Routledge, 2022. 258 p.

REFERENCES

Alekseenko AP. Legal status of the operator of the e-commerce platform in China. *Jurisprudence*. 2024;68(2):284-302. (In Russ.).

Andrushchuk VV, Dlusskaya VV, Malsagova RG. Platformization as an inevitable process of the formation of the Russian digital economy. *Ekonomika stroitelstva*. 2023;4:58-62. (In Russ.).

Avkhadeev VR, Azarova EG, Andrichenko LV, et al. Scientific concepts of the development of Russian legislation: A monograph. Khabrieva TYa, Tikhomirova YuA, editors. IZiSP under the Government of the Russian Federation. 8th ed., rev. and suppl. Moscow: Norma Publ.; 2024. (In Russ.).

Burova AYU. On the resolution of consumer disputes on Russian online platforms. *Yurist [Jurist]*. 2024;8:25-30. (In Russ.).

Chekmareva AV. Alternative dispute resolution: status and new opportunities. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess [Arbitrazh and Civil Procedure]*. 2023;10:41-46. (In Russ.).

Diakonova MO. Alternative ways of resolving disputes involving consumers. *Vestnik grazhdanskogo protsessa [Herald of Civil Procedure]*. 2020;6:42-65. (In Russ.).

Donskaya DS. Online settlement of cross-border disputes: Architecture of the regulatory environment for consumer disputes (European Union Experience). *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2021;10:163-173. (In Russ.).

Egorova MA. Prospects for legal regulation of online consumer dispute proceedings. *Zakon*. 2022;9:145-158. (In Russ.).

Gabov AV. Online dispute resolution of participants in digital platforms (ecosystems). *Vestnik grazhdanskogo protsessa [Herald of Civil Procedure]*. 2022;1:208-235. (In Russ.).

Mazhorina MV, Terentyeva LV, Shakhnazarov BA. Private international law in the development of information and communication technologies. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2019;5:169-182. (In Russ.).

Mazhorina MV. Digital platforms and international private law, or does cyber law have a future? *Lex russica*. 2019;2:107-120. (In Russ.).

Melnik VD. On the creation of an online service for the settlement of consumer disputes in the Russian Federation. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess [Arbitrazh and Civil Procedure]*. 2022;7:58-59. (In Russ.).

Sergeeva OV. Electronic commerce in the regulatory architecture: The search for a balance of interests. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*. 2024;17(2):23-50. (In Russ.).

The Chronicle of Russian Legal Science: In 5 volumes. Vol. 2: Pages of the History of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (2016–2023). Moscow: Yurisprudentsiya Publ.; 2023. (In Russ.).

The Law of Global Digitality. Kettemann MC, Peukert A, Döhmman I, editors. London: Routledge, 2022. 258 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергеева Ольга Вячеславовна, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра частного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
д. 34, Большая Черемушкинская ул., г. Москва 117218, Российская Федерация
olgbelusva@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Sergeeva, Cand. Sci. (Law), Leading Researcher, Center for Private Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
olgbelusva@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 10 февраля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 15 марта 2025 г.

Принята к печати 15 марта 2026 г.

Received 10.02.2025.

Revised 15.03.2025.

Accepted 15.03.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.105-115

Д. В. Пономарева

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Правовые аспекты противодействия дискриминации в сфере биотехнологий в рамках БРИКС

Резюме. Статья посвящена комплексному анализу реализации принципа недискриминации в сфере биотехнологий в рамках неинституционализованного объединения Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР, а также Республики Египет, Иранской Республики, ОАЭ, Эфиопии, Индонезии, известного под названием-аббревиатурой БРИКС. Автором рассмотрены правовые основы противодействия дискриминации в сфере биотехнологии, исследована проблематика работы механизмов защиты от дискриминации. Значительное внимание уделено комплексному обзору опыта государств — участников БРИКС в противодействии дискриминации по признаку генетического статуса. Сформулированы тенденции развития правового регулирования в области противодействия дискриминации в сфере биотехнологий в рамках БРИКС, включая обозначение роли актов «мягкого» права в контексте реализации принципа недискриминации. Кроме того, подчеркнута значимость гармонизации национальных законодательств как ключевого механизма, обеспечивающего взаимодействие государств — участников объединения, нацеленное на закрепление и реализацию принципа недискриминации.

Ключевые слова: принцип недискриминации; биотехнологии; защита прав человека; БРИКС; правовая система; национальное законодательство; акты мягкого права; гармонизация; стигматизация; генетические технологии; правовое регулирование; партнерство; международное право; декларация; меморандум

Для цитирования: Пономарева Д. В. Правовые аспекты противодействия дискриминации в сфере биотехнологий в рамках БРИКС. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 4. С. 105–115. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.105-115

Благодарности. Статья подготовлена в рамках реализации проекта стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Legal Aspects of Combating Discrimination in the Field of Biotechnology within BRICS

Darya V. Ponomareva

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to a comprehensive analysis of the implementation of the principle of non-discrimination in the field of biotechnology within the non-institutionalized association of Brazil, Russia, India, China and South Africa, as well as the Republic of Egypt, the Iranian Republic, the United Arab Emirates, Ethiopia, Indonesia, known by the acronym BRICS. The author examines the legal framework of combating discrimination in the field of biotechnology and explores issues related to the operation of mechanisms for protection against discrimination. Considerable attention in the study is given to a comprehensive review of the experience of the BRICS member states in combating discrimination on the basis of genetic status. The author identifies trends in the development of legal regulation in the area of combating discrimination in biotechnology within BRICS, including clarifying the role of acts of soft law instruments in the context of the implementation of the principle

© Пономарева Д. В., 2026

of non-discrimination. Furthermore, the paper emphasizes the importance of harmonizing national legislation as a key mechanism for ensuring cooperation among BRICS member states in establishing and implementing the principle of non-discrimination.

Keywords: non-discrimination principle; biotechnologies; human rights protection; BRICS; legal system; national legislation; soft law instruments; harmonization; stigmatization; genetic technologies; legal regulation; partnership; international law; declaration; memorandum

Cite as: Ponomareva DV. Legal Aspects of Combating Discrimination in the Field of Biotechnology within BRICS. *Lex russica*. 2026;79(4):105-115. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.233.4.105-115

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Охрана общественного здоровья и продвижение новейших медицинских технологий (в частности, биотехнологии) в настоящее время становятся стратегически значимыми направлениями общественного развития. Отдельные государства и международные организации проявляют к ним огромный интерес. Не стало исключением и неинституционализированное объединение Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР, а также Республики Египет, Иранской Республики, ОАЭ, Эфиопии, Индонезии, известное под названием-аббревиатурой БРИКС, в рамках которого важными направлениями сотрудничества выступают здравоохранение, медицина и биотехнологии (включая генетические технологии), в особенности принимая во внимание совместную работу государств по противодействию пандемии COVID-19.

О правовой природе объединения БРИКС представители науки международного права спорят фактически с момента его организации¹. Большинство ученых приходят к выводу, что в отношении БРИКС некорректно использовать категорию «международная межпра-

вительственная организация», поскольку объединение не имеет постоянных органов и не обладает таким существенным признаком международной организации, как автономия воли. Кроме того, оно не имеет учредительного договора, регулируемого нормами международного права, который содержал бы его цели и задачи, средства их достижения, а также принципы, определяющие его деятельность. Понятие «интеграционное объединение» тоже представляется малоприменимым к БРИКС, хотя представители отдельных социогуманитарных наук, в частности политологии, пытаются его применять к указанному объединению государств². В. И. Балакин пишет, что «наметилась тенденция беспорядочного употребления термина “интеграция” по отношению к любым формам сближения государств»³. Поскольку специфика интеграционных объединений пронизана феноменом наднациональности, в случае с БРИКС данная характеристика видится несоответствующей действительности: указанное объединение не наделено внутригосударственными полномочиями в целях международно-правовой интеграции его государств-членов.

¹ См.: Шинкарецкая Г. Г. О правовом статусе БРИКС // Современное право. 2015. № 10. С. 140 ; БРИКС: контуры многополярного мира : монография / О. А. Аюпян, Н. М. Бевеликова, К. М. Беликова [и др.] ; отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ, Юриспруденция, 2015. С. 100–150 ; Каталано П. Главные цели и основания БРИКС: природа и история // Правовые аспекты БРИКС / отв. ред. Т. А. Алексеева, П. Каталано. СПб., 2011. С. 13–17 ; Anufrieva L. The Impact of the International Law Principles related to Co-operation between BRICS Countries on Development of Contract Law // The International Conference on Comparative Contract Law & Codification of Chinese Civil Code, and the Second Academic Forum on China-Russia Legal Cooperation. Collected Papers: Southwest University, China International Economic and Trade Law Association, Southwest University of Political Science & Law. Chongqing, 2018. P. 323–327.

² Денисова Д. Э. БРИКС: вчера, сегодня, завтра // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2022. № 2 (17). С. 40–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/briks-vchera-segodnya-zavtra> (дата обращения: 30.07.2025).

³ Балакин В. И. Европейский опыт региональной интеграции для Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 117–127.

По мнению Г. Г. Шинкаревой, объединение БРИКС может быть квалифицировано как межгосударственная институциональная структура сотрудничества, т.е. как постоянная структура, не достигающая уровня международной неправительственной организации⁴. Такое видение правовой природы БРИКС представляется наиболее верно отражающим сложившиеся реалии. Не обладая качествами международной правосубъектности (участие в межгосударственных отношениях и разработке норм международного права, наличие договорной правоспособности, способность приобретать в силу международно-правовых норм права и обязанности, нести международно-правовую ответственность), БРИКС стремительно развивает международные связи как внутри себя, так и путем создания новых субъектов международного права (Новый банк развития БРИКС, Экспертный совет БРИКС, Пул условных валютных резервов).

Какой бы ни была правовая природа объединения БРИКС, необходимо отметить, что его деятельность направлена прежде всего на организацию сотрудничества государств. Применительно к сфере здравоохранения и новейших технологий как на уровне самого объединения, так и на уровне его государств-участников формируются правовые основы сотрудничества. Ввиду стремительного развития биотехнологий (включая генетические технологии) в рамках БРИКС, как и в контексте иных интеграционных объединений и их государств-участников (Совет Европы, Европейский Союз, Организаций Американских Государств и т.д.), поднимаются вопросы защиты прав человека,

в том числе создания эффективных механизмов противодействия дискриминационным практикам, возникающим в связи с продвижением достижений генетики и геномики в медицину. Проблематике реализации принципа недискриминации в рамках БРИКС и посвящено настоящее исследование.

Основная часть

1. Правовые основы противодействия генетической дискриминации, закрепленные в документах БРИКС

Исследование проблематики реализации принципа недискриминации в сфере биотехнологий целесообразно начать с источников правового регулирования деятельности БРИКС. Бесспорно, первую скрипку в системе правового регулирования будут играть нормы и принципы международного права, которые находят свое закрепление в таких документах, как Устав ООН. Указанные нормы по своему духу наиболее интернациональны, гуманны и ставят приоритетом не защиту отдельных государств, а безопасность человечества в целом⁵. За ними следом идут многочисленные декларации, которые рассматриваются как носящие рекомендательный характер акты «мягкого» права. Среди них стоит упомянуть Московскую декларацию 2015 г.⁶, Йоханнесбургскую декларацию 2018 г.⁷, Бразильскую декларацию 2019 г.⁸, Московскую декларацию 2020 г.⁹, Делийскую декларацию 2021 г.¹⁰, Пекинскую декларацию 2022 г.¹¹

Правовую основу сотрудничества в рамках БРИКС также формируют соглашения, подпи-

⁴ Данный подход, несмотря на свою концептуальную корректность, подвергнут критическому анализу в статье Л. П. Ануфриевой. См.: Ануфриева Л. П. БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 123–133. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/briks-o-pravovoy-prirode-i-printsipah-sotrudnichestva> (дата обращения: 30.07.2025).

⁵ Бутузова К. И., Зверева А. А., Порядина В. М. Особенности правового регулирования экономического сотрудничества РФ в рамках БРИКС // Международный аспект. 2023. № 4 (1). С. 36–53.

⁶ Декларация касается вопросов сотрудничества стран БРИКС в сфере науки, технологий, инноваций.

⁷ Декларация определила основные направления сотрудничества в сфере сельского хозяйства, циркулярной экономики, водных и морских ресурсов.

⁸ Декларация имела девиз «БРИКС: экономический рост для инновационного будущего».

⁹ Декларация закрепила ориентированность партнеров БРИКС на глобальную стабильность, общую безопасность и рост инноваций.

¹⁰ Декларация провозгласила стремление государств-участников к построению финансовой безопасности при деятельности ВТО и организации совместного контроля вооружений, а также борьбе с терроризмом.

¹¹ Декларация закрепила готовность стран БРИКС к укреплению высококачественного партнерства БРИКС, вступающего в новую эру глобального развития.

санные между государствами — участниками объединения и представляющие юридически обязывающие документы, которые необходимы для регулирования конкретных вопросов. Так, Соглашение о Новом банке развития 2013 г. формулирует и закрепляет цель, функции, членство, уставной капитал, структуру, состав и другие базовые правила работы этого института. Данные документы являются *modus operandi* БРИКС, их перечень не исчерпывается соглашениями и декларациями и содержит меморандумы, коммюнике, стратегии, планы, программы, дорожные карты, резолюции, совместные заявления, обзоры о взаимодействии, решения саммитов и т.д. Но всё же ключевые результаты сотрудничества облекаются в форму совместных деклараций и заявлений. В такой форме закрепляют общие цели, принципы, направления развития¹².

Безусловно, этот перечень актов свидетельствует об отсутствии полноценного правового базиса. Неслучайно о БРИКС зачастую говорят именно как о партнерстве, а не союзе государств, предполагая, что в его рамках развиваются именно отношения сотрудничества, а имеющийся юридический инструментарий должен формировать правовые начала взаимодействия государств — участников БРИКС на международной арене¹³. Применительно к теме нашего исследования интерес представляют многочисленные акты «мягкого» права, содержащие правовые основы реализации принципа недискриминации в сфере биотехнологий.

Условно такие акты можно подразделить на две группы. Первую составляют акты «мягкого» права, принятые по вопросам здравоохранения, а вторую — акты, относящиеся к проблематике регулирования науки, инноваций и технологий.

Акты, относящиеся к проблематике регулирования отношений в области науки, инноваций и технологий, — это декларации профильных министров государств БРИКС, а также отдельные соглашения. В 2014 г. была принята первая тематическая декларация, в которой сфера биотехнологий, биомедицины и наук о жизни представлена в качестве основ-

ной для развития сотрудничества¹⁴. В 2015 г. государства БРИКС заключили Меморандум о сотрудничестве в сфере науки, технологий и инноваций, в котором обозначены важнейшие направления взаимодействия стран объединения в научной сфере. Среди них — медицина и биотехнологии. Меморандум определяет основные формы сотрудничества государств, которыми являются: краткосрочные программы по обмену учеными, исследователями, техническими специалистами и преподавателями; специализированные программы обучения для поддержки развития человеческого капитала в сфере науки, технологий и инноваций; организация практических семинаров, симпозиумов и конференций в сфере науки, технологий и инноваций в областях, представляющих взаимный интерес; обмен информацией в сфере науки, технологий и инноваций; формирование и реализация совместных программ и проектов научных исследований и разработок.

Кроме того, документ предусматривает создание структур (органов), обеспечивающих руководство сотрудничеством, таких как совещание министров науки, технологий и инноваций государств — участников БРИКС; совещание старших должностных лиц в сфере науки, технологий и инноваций государств — участников БРИКС; рабочая группа по науке, технологиям и инновациям государств — участников БРИКС. Имея рамочный характер, это соглашение не определяет правового статуса субъектов правоотношений, режима объектов правового регулирования, а также механизмов реализации принципов, которые детерминируют регламентацию отношений в обозначенной сфере (в том числе принцип недискриминации). Претворение в жизнь указанных в меморандуме целей обеспечивается за счет гармонизации подходов к правовому регулированию науки, технологий и инноваций на уровне отдельных государств — участников объединения. Применительно к сфере биотехнологий в рамках БРИКС даже действует инициатива «Сотрудничество в области биотехнологий и биомедицины, включая здоровье человека и нейроисследования», запуск которой предусмотрен Московской деклараци-

¹² URL: <https://ieml.ru/podrazdeleniya-universiteta/izdatelstvo-poznanie/monografii/brix-2024.pdf> (дата обращения: 30.07.2025).

¹³ См. об этом: Ануфриева Л. П. Указ. соч.

¹⁴ 2014 — BRICS STI Ministerial Declaration // URL: <https://brics.br/en/documents/collection-of-previous-presidencies/science-technology-and-innovation-ministerial-declarations> (дата обращения: 30.07.2025).

ей 2015 г.¹⁵ Координаторами реализации данной инициативы от БРИКС выступают Российская Федерация и Бразилия. В целях поддержки этой инициативы и других инициатив БРИКС в области науки, технологий и инноваций учреждаются Сетевой университет БРИКС, Форум молодых ученых БРИКС, Научно-исследовательская сетевая платформа БРИКС и т.д.¹⁶

Документы, относящиеся к проблематике регулирования отношений в области науки, инноваций и технологий, как уже было отмечено, не дают представления о принципах нормативного регулирования соответствующих общественных отношений. Сфере медицины и биотехнологий некоторым образом повезло, поскольку здесь мы встречаем значительное число тематических заявлений (деклараций) министров здравоохранения государств, входящих в объединение БРИКС. Данные акты принадлежат к ранее упомянутой первой группе.

Длительное время не упоминая сам термин «дискриминация»¹⁷, заявления (декларации) затрагивают вопросы равного доступа граждан государств — участников БРИКС к медицинской помощи, лекарственным средствам, высокотехнологичной медицинской помощи. Еще в 2011 г. Декларация министров здравоохранения государств БРИКС констатировала следующее: «Несмотря на имеющееся многообразие, страны БРИКС сталкиваются с похожими вызовами в области здравоохранения, включая неравный доступ к медицинским услугам и лекарственным средствам, рост расходов на получение таких услуг, рост заболеваемости определенными болезнями (инфекции, ВИЧ). Основная проблема заключается в решении вопроса о том, как обеспечить лекарственными препаратами и медицинскими услугами многомиллионное население государств, в том числе наиболее уязвимые его группы»¹⁸. Подчеркивается, что государства намерены продолжать

развивать сотрудничество в части обеспечения равного доступа к услугам общественного здравоохранения, предлагать наиболее эффективные, справедливые и устойчивые решения проблем в области охраны здоровья народонаселения. При этом не умаляется значение иных глобальных механизмов международного сотрудничества, которые предлагают специализированные учреждения ООН, в частности Всемирная организация здравоохранения, а также планируется использование возможностей, предусмотренных Всемирной торговой организацией, для обеспечения доступности лекарственных средств и медицинских услуг через применение положений ГАТТ, ГАТС и ТРИПС.

В 2012 г. совместным заявлением государств БРИКС было подтверждено стремление обеспечить равный доступ граждан к достижениям общественного здравоохранения, причем не только граждан государств — участников объединения, но и всех иных лиц, и тем самым реализовать глобальную повестку в области охраны здоровья¹⁹. В 2013 г. данный посыл был усилен участием специальных рабочих групп, которые будут претворять в жизнь дорожные карты, согласованные профильными министерствами государств БРИКС²⁰. Необходимо отметить, что в рамках БРИКС осуществляется сотрудничество по поводу совместных стратегических проектов в области здравоохранения, для которого определены три направления: общественное здравоохранение, системы здравоохранения и биомедицинские науки. Министры здравоохранения государств БРИКС подчеркнули важность мониторинга и оценки прогресса в достижении всеобщего охвата услугами здравоохранения и поручили разработать систему мониторинга, которая поможет странам отслеживать свой прогресс.

Темы, лежащие в основе сотрудничества БРИКС, на самом деле представляют собой син-

¹⁵ 2015 — BRICS STI Ministerial Declaration — Moscow Declaration // URL: <https://brics.br/en/documents/collection-of-previous-presidencies/science-technology-and-innovation-ministerial-declarations> (дата обращения: 30.07.2025).

¹⁶ 2015 — BRICS STI Ministerial Declaration — Moscow Declaration.

¹⁷ В контексте проблематики здравоохранения данный термин найдет отражение в Куритибской декларации министров здравоохранения БРИКС 2019 г., о которой будет рассказано далее.

¹⁸ BRICS Health Ministers Declaration, 2011 // URL: <https://brics.br/en/documents/collection-of-previous-presidencies/health-ministerial-declarations> (дата обращения: 30.07.2025).

¹⁹ 2012 Joint Communiqué of BRICS Member States on Health // URL: <https://brics.br/en/documents/collection-of-previous-presidencies/health-ministerial-declarations> (дата обращения: 30.07.2025).

²⁰ 2013 Joint Communiqué of BRICS Member States on Health // URL: <https://brics.br/en/documents/collection-of-previous-presidencies/health-ministerial-declarations> (дата обращения: 30.07.2025).

тез наиболее важных вопросов, определяющих прогресс во всем мире. Во-первых, для управления услугами, обеспечения подотчетности и прозрачности в системах здравоохранения будущего потребуются усовершенствованные системы наблюдения в рамках надежных информационных систем управления здравоохранением и услугами. Во-вторых, медицинские технологии и технологии здравоохранения в области инфекционных заболеваний будут определять не только инновационный потенциал услуг по охране здоровья населения, но и стоимость этих услуг. Открытие и разработка новых лекарств также вносят существенный вклад в обеспечение доступности и равенства. В конечном итоге государства БРИКС должны стремиться к созданию условий для равного, справедливого, недискриминационного доступа к современной медицинской помощи, в том числе связанной с достижениями биомедицины.

В декларациях, коммюнике и заявлениях представители государств БРИКС подчеркивают тесную взаимосвязь между развитием общественного здравоохранения и социально-экономической ситуацией. Московская декларация 2015 г. акцентирует внимание на необходимости способствовать всеобщему охвату услугами здравоохранения. Министры здравоохранения государств БРИКС отметили, что оценка прогресса в достижении этой цели должна осуществляться с помощью инструментов мониторинга, разработанных на национальном уровне²¹. В дальнейшем проблематика обеспечения доступности новейших достижений медицины, включая медицинские технологии, в том числе в свете реализации принципа недискриминации, стала развиваться посредством электронного здравоохранения. Коммюнике министров здравоохранения государств БРИКС за 2017 г. указывает на важность более широкого использования информационно-коммуникационных технологий для повышения доступности медицинских услуг, эффективного подхода к диагностике и лечению, а также более эффективного хранения и использования данных для целей

эпиднадзора и разработки соответствующей политики. Кроме того, впервые прозвучал призыв к государствам БРИКС обмениваться передовым опытом в области электронного здравоохранения, мобильного здравоохранения и электронного управления²².

В 2019 г. в Куритибской декларации министров здравоохранения государств БРИКС в отношении обеспечения равного доступа к медицинским услугам впервые применили понятие «дискриминация» в контексте запрета данной практики. Государства подтвердили свою приверженность обеспечению равного доступа без дискриминации к оздоровительным, профилактическим, лечебным, паллиативным и реабилитационным услугам здравоохранения и безопасным, доступным, эффективным и качественным медицинским продуктам, одновременно гарантируя, что использование этих услуг не создает для потребителей финансовых проблем²³. Государства признали необходимость принятия мер, способствующих доступу к безопасным, качественным и эффективным основным лекарственным и диагностическим средствам, вакцинам и другим медицинским продуктам, удовлетворяющим потребности населения.

Была подтверждена важность реализации рекомендаций Группы высокого уровня ООН по доступу к лекарственным средствам, а также приверженность содействию доступу, в том числе путем использования гибких положений Соглашения ТРИПС, подтвержденных в Дохинской декларации о Соглашении ТРИПС и общественном здравоохранении²⁴. Что особенно значимо для настоящего исследования, так это упоминание о необходимости повышения осведомленности и обсуждения доступа к прецизионной (персонализированной) медицине, использующей генетику для создания более эффективных и экономически выгодных методов генной терапии и лечения орфанных и онкологических заболеваний, что приведет к устойчивости систем здравоохранения в будущем. Проблематика применения генетических

²¹ 2015 — BRICS Health Ministers Communiqué // URL: <https://brics.br/en/documents/collection-of-previous-presidencies/health-ministerial-declarations> (дата обращения: 30.07.2025).

²² 2017 — BRICS Health Ministers Communiqué // URL: <https://brics.br/en/documents/collection-of-previous-presidencies/health-ministerial-declarations> (дата обращения: 30.07.2025).

²³ Draft Declaration_BRICS Health Ministers Curitiba // URL: <https://brics.br/pt-br/documentos/acervo-de-presidencias-anteriores/health-ministerial-declarations/2019-brics-health-ministers-declaration.pdf/@@download/file> (дата обращения: 30.07.2025).

²⁴ Draft Declaration_BRICS Health Ministers Curitiba.

технологий в этом документе БРИКС пока не увязывается с вопросами противодействия дискриминационным практикам, хотя, как будет показано ниже, отдельные государства БРИКС к 2019 г. уже столкнулись с проявлениями генетической дискриминации и необходимостью противодействия подобным практикам на законодательном уровне.

С 2020 г. вопросы обеспечения доступности лекарственных средств и медицинских технологий рассматривались через призму противодействия пандемии COVID-19. Вместе с тем государства БРИКС не отказываются и от намеченных ранее установок. В период с 2020 г. по настоящее время (2025 г.) в рамках деклараций министров здравоохранения государств БРИКС страны признают важность предоставления своевременного и равноправного доступа к основным товарам и услугам здравоохранения, включая лекарства, вакцины, диагностические средства и медицинское оборудование, при любых обстоятельствах. Подчеркивается необходимость защиты пространства для сотрудничества в области здравоохранения и гуманитарной деятельности от любых препятствий в соответствии с принципами международного права, справедливости, солидарности и достижения всеобщего охвата услугами здравоохранения²⁵.

В Бразильской декларации 2025 г. указано, что для скорейшего достижения вышеперечисленных целей в рамках БРИКС функционируют особые структуры и площадки: Сеть институтов общественного здравоохранения стран БРИКС (англ. BRICS Public Health Institutes Network), Центр БРИКС по проведению исследований и разработке вакцин (англ. BRICS Vaccine R&D Center) и т.д. Тем не менее подлинной институционализации в этой сфере не происходит, что характерно для БРИКС в целом. Что же касается проблематики недискриминации, то в так называемых постпандемийных декларациях она раскрывается применительно к использованию систем искусственного интеллекта (ИИ) и обращению персональных данных (в том числе генетической информации) с помощью таких систем.

Бразильская декларация 2025 г. предусматривает, что государства осознают необходимость безопасного и этичного внедрения ИИ в здравоохранение. Признавая важность созда-

ния надежного ИИ в здравоохранении, укрепления общественного доверия к его применению, страны подтверждают свою приверженность этичному использованию медицинских данных для моделей ИИ, а также управлению рисками в сфере ИИ, включая конфиденциальность и доступ, с целью обеспечения безопасности и защиты данных как для пациентов, так и для медицинских работников. Страны подчеркивают важность совместной разработки инклюзивных и устойчивых подходов к инновациям, гарантирующих, что ИИ и цифровые инструменты создаются и используются безопасным, этичным и недискриминационным образом и способствуют сокращению неравенства, укреплению цифрового суверенитета, повышению эффективности систем здравоохранения. Однако следует отметить, что реализация всех предусмотренных в вышеупомянутых документах подходов и призывов должна осуществляться на национальном уровне.

2. Опыт государств — участников БРИКС в части реализации принципа недискриминации в сфере биотехнологий

Поскольку БРИКС не рассматривается в качестве международной организации в традиционном понимании этого термина, сложившемся в науке международного права, ключевым механизмом, обеспечивающим эффективное взаимодействие государств — участников объединения становится гармонизация национальных законодательств. При этом сближение законодательств — непростая задача, ведь речь идет о попытке привести к общему знаменателю разные правовые системы и семьи: систему общего права (англосаксонскую), систему континентального права (романо-германскую), а также социалистическую и религиозные правовые семьи. Рассматривая многочисленные заявления (декларации) профильных министерств государств объединения БРИКС, можно заметить, что проблематика недискриминации в сфере биотехнологии затронута в них лишь фрагментарно. Но не стоит забывать, что государства БРИКС являются участниками глобальных международных механизмов, в рамках которых формируются правовые основы противодействия дискриминации в сфере биотехнологий, а дифференциация правовых систем и семей способствует разграничению подходов у

²⁵ См., например: XV BRICS Health Declaration // URL: https://brics.br/en/documents/social-issues/250617_brics_xv-brics-health-declaration.pdf/@@download/file (дата обращения: 30.07.2025).

стран применительно к закреплению и реализации принципа недискриминации.

Так, есть государства, в которых отсутствует специализированное законодательство, посвященное проблематике недискриминации в сфере биотехнологий (в частности, противодействие дискриминации по признаку генетического статуса), хотя их основные законы и (или) отраслевые акты предусматривают общий запрет дискриминации по неограниченному кругу оснований. К ним относятся Бразилия, Эфиопия, Индонезия, Египет, Иран, Российская Федерация. Вместе с тем ряд государств БРИКС встали на путь развития соответствующих нормативных основ.

Например, в 2019 г. Комиссия по регулированию банковской и страховой деятельности Китая приняла Рекомендации под названием «Меры по управлению медицинским страхованием», направленные на установление запрета гендерного дисбаланса в медицинском страховании²⁶. Согласно Закону о страховании 2015 г. Комиссия по регулированию банковской и страховой деятельности Китая обязана выдавать лицензии на ведение бизнеса как государственным, так и частным страховым компаниям, в том числе с иностранным капиталом²⁷. Упомянутые Рекомендации охватывают деятельность как самих страховых компаний, так и их сотрудников. В статье 17 предусмотрен запрет страховым компаниям устанавливать дифференцированные цены для застрахованного лица на основе генетической информации и результатов генетического тестирования. Кроме того, документом вводится запрет для страховых компаний, предлагающих услуги медицинского страхования, собирать и запрашивать результаты генетического тестирования застрахованного лица. Вместе с тем Рекомендации разрешают использовать так называемую семейную генетическую историю болезни застрахованного лица

для целей дифференцированного ценообразования или сбора генетической информации²⁸. В Специальном административном районе Гонконг Закон о дискриминации по признаку инвалидности и Закон о персональных данных (конфиденциальности) обеспечивают защиту от генетической дискриминации, хотя ни один из них не касается конкретно генетики или генетических технологий²⁹. Из судебной практики вытекает вывод о том, что дискриминация потенциальных или действующих сотрудников государственной службы только на основании семейного анамнеза психических заболеваний, связанного с результатами генетического тестирования, является незаконной³⁰. Таким образом, в КНР наблюдается тенденция к использованию инструментов «мягкого» права для реализации принципа недискриминации в сфере биотехнологий. С другой стороны, в Гонконге предпринята попытка подвергнуть принцип недискриминации по признаку генетического статуса более жесткой законодательной регламентации с помощью нормативных правовых актов, относящихся к смежной проблематике.

В **Объединенных Арабских Эмиратах** поддерживается курс БРИКС на развитие медицины и биотехнологий, в особенности в контексте продвижения генетических технологий, создается нормативная правовая база регулирования общественных отношений в области противодействия дискриминации в рассматриваемой сфере. Помимо разрабатываемого в рамках БРИКС направления по обеспечению равного доступа населения государств — участников объединения к лекарственным средствам, включая высокотехнологичные лекарственные препараты, национальный законодатель обращает внимание на дискриминацию по признаку генетического статуса. Интерес к этой проблематике связан с запуском в 2019 г. программы «Геном Эмиратов»³¹, которая призвана транс-

²⁶ См.: China Banking and Insurance Regulatory Commission. Health insurance management measures // URL: <http://www.cbirc.gov.cn/doc/9103/910303/ADFF62070EE241A28D0DD398555F4F2D.html> (дата обращения: 30.07.2025).

²⁷ См.: China Banking and Insurance Regulatory Commission. Health insurance management measures.

²⁸ См.: China Banking and Insurance Regulatory Commission. Health insurance management measures.

²⁹ См.: Wong J. G., Lieh-Mak F. Genetic discrimination and mental illness: a case report // J. Med. Ethics. 2001. № 27. P. 393–397.

³⁰ См.: Steering Committee on Genomic Medicine of the Food and Health Bureau. Strategic development of genomic medicine in Hong Kong // URL: https://www.fhb.gov.hk/download/press_and_publications/otherinfo/200300_genomic/SCGM_report_en.pdf (дата обращения: 30.07.2025).

³¹ URL: <https://u.ae/en/information-and-services/health-and-fitness/research-in-the-field-of-health/the-emirati-genome-programme> (дата обращения: 30.07.2025).

формировать сферу здравоохранения за счет всестороннего изучения редких генетических заболеваний и разработки персонализированных диагностических тестов и методов лечения. Реализация этой программы подразумевает сбор геномных данных у граждан ОАЭ для составления генетической карты населения страны и создания эталонного генома, контроль осуществляет Совет по геномике.

В 2023 г. в ОАЭ была принята Национальная стратегия в области геномики³². Рассчитанная на 10 лет Стратегия создает правовую основу для упорядочения использования достижений геномики в здравоохранении и персонализированной медицине в целом. Это попытка решить проблемы, возникающие при масштабном использовании генетических технологий, таких как защита и хранение данных, поддержка безопасной инфраструктуры данных.

Помимо документов стратегического характера, с 2023 г. в ОАЭ действует Закон о геноме (№ 49)³³, который устанавливает всеобъемлющую систему регулирования использования геномных данных, гарантируя тем самым соблюдение этических норм и защиту частной жизни. Закон предписывает получение информированного согласия на геномный и генетический скрининг, запрещает нетерапевтические генетические изменения, поддерживает развитие геномной терапии и научных исследований в границах четко установленных правил, предусматривает создание национальной геномной базы данных для обеспечения их сбора, хранения и использования, а также ответственность за несанкционированное использование или раскрытие данных, ведь именно такая ситуация порождает риски возникновения дискриминационных практик. Сам факт существования такого Закона свидетельствует о том, что ОАЭ признают потенциальный риск дискриминации по признаку генетического статуса и принимают меры для его устранения.

В Индии сложилась не уникальная для государств системы общего права ситуация, когда

судебная практика становится драйвером развития законодательства о противодействии генетической дискриминации, предвосхищая появление юридически обязательных актов. В 2018 г. рассматривалось в настоящий момент единственное в стране дело, посвященное указанной проблематике.

В 2018 г. Высокий суд Дели рассмотрел дело *The United India Insurance Co. vs Jay Parkash Tayal*³⁴, подчеркивающее влияние генетической дискриминации на сферы медицинского страхования и занятости. Суд пришел к выводу, что факт генетической дискриминации установлен, проведенное генетическое тестирование не соответствовало установленным стандартам, в том числе принципам справедливости и равноправия, отраженным в Конституции Индии. Тем не менее Верховный суд Индии данное решение отменил, что фактически сделало невозможным трансформировать законодательство в отношении генетической дискриминации прецедентной практикой Высокого суда Дели. Большинство организаций, включая страховые, работают в частном секторе, и введение в действие специального регулятора (в страховании — Управление по развитию регулирования страхования в Индии) — правильный шаг к решению проблемы генетической дискриминации в сферах трудоустройства и страхования.

Примечательно, что индийский суд достаточно активно ссылается на нормы международного права и зарубежное законодательство в подтверждение тезиса о необходимости введения запрета генетической дискриминации и стигматизации. В деле имеются ссылки на Европейскую конвенцию о правах человека и биомедицине 1997 г. (Конвенцию Овьедо), из зарубежного законодательства — на Закон Австрии о генетических технологиях 2005 г.³⁵, соответствующие акты Эстонии³⁶ и Швейцарии³⁷, содержащие положения об исключении генетических заболеваний из страховых полисов, а также регламентирующие сбор и хранение генетических данных.

³² URL: <https://www.wam.ae/en/details/1395303143133> (дата обращения: 30.07.2025).

³³ URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/2195/download> (дата обращения: 30.07.2025).

³⁴ URL: <https://indiankanoon.org/doc/60279502/> (дата обращения: 30.07.2025).

³⁵ Austrian Gene Technology Act of 2005 // URL: https://www.eshg.org/fileadmin/www.eshg.org/documents/Europe/LegalWS/AustrianGeneTechnologyAct_English.pdf (дата обращения: 30.07.2025).

³⁶ Human Genes Research Act of Estonia // URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/508042019001/consolidate> (дата обращения: 30.07.2025).

³⁷ Medical-ethical guidelines for genetic investigations in humans / H. J. Müller, Th. Deonna, I. Abbt [et al.] // *Schweiz Med Wochenschr.* 1994 Jun 4. № 124(22). P. 974–9. PMID: 11644551.

Нужно отметить, что правовое регулирование в области генетической дискриминации в Индии не ограничивается одним прецедентом. Индийский совет медицинских исследований в 2017 г. разработал Национальные этические рекомендации для биомедицинских и медицинских исследований с участием людей³⁸, где утверждается, что социальная стигматизация и дискриминация в сферах образования, занятости, здравоохранения и общего страхования — вероятный результат безответственного использования и распространения информации о генетических исследованиях, указывается на необходимость получения информированного согласия на вторичное использование генетической информации и содержатся нормы, касающиеся сохранения конфиденциальности данных, а также до- и послетестового консультирования. Однако они не являются юридически обязательными для научного сообщества, а служат положениями рекомендательного характера, которые по своей правовой природе сродни этическим нормам.

Заключение

1. Правовую основу реализации принципа недискриминации в сфере биотехнологий в рамках БРИКС составляют многочисленные акты «мягкого» права (заявления, декларации, соглашения), которые не носят юридически обязательного характера. Условно такие акты можно подразделить на две группы: акты «мягкого» права, принятые по вопросам здравоохранения, и акты, относящиеся к проблематике регулирования науки, инноваций и технологий.

2. В контексте реализации принципа недискриминации акты «мягкого» права затрагивают вопросы равного доступа граждан государств — участников БРИКС к медицинской помощи,

лекарственным средствам, включая высокотехнологичную медицинскую помощь. В декларациях, коммюнике и заявлениях представители государств БРИКС подчеркивают тесную взаимосвязь между развитием общественного здравоохранения и социально-экономической ситуацией. С 2019 г. документы, прямо или косвенно относящиеся к сфере биотехнологий, начали затрагивать вопросы недискриминации. В так называемых постпандемийных декларациях указанная проблематика раскрывается применительно к использованию систем ИИ и обращению персональных данных (в том числе генетической информации) с их помощью.

3. Ключевым механизмом, обеспечивающим эффективное взаимодействие государств — участников объединения БРИКС, служит гармонизация национальных законодательств. Это обусловлено спецификой правовой природы БРИКС как неформального межгосударственного партнерства, а не международной межправительственной организации. Но сближение законодательств — непростая задача, ведь речь идет о попытке привести к общему знаменателю разные правовые системы и семьи: систему общего права (англосаксонскую), систему континентального права (романо-германскую), а также социалистическую и религиозные правовые семьи. Рассматривая многочисленные заявления (декларации) профильных министерств государств объединения БРИКС, можно заметить, что проблематика недискриминации в сфере биотехнологии затронута в них лишь фрагментарно. Вместе с тем стоит помнить, что государства БРИКС являются участниками глобальных международных механизмов, формирующих правовые основы противодействия дискриминации в сфере биотехнологий, а дифференциация правовых систем и семей способствует ограничению подходов стран к закреплению и реализации принципа недискриминации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ануфриева Л. П. БРИКС: о правовой природе и принципах сотрудничества // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 123–133.

Балакин В. И. Европейский опыт региональной интеграции для Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 4. С. 117–127.

БРИКС: контуры многополярного мира : монография / О. А. Акопян, Н. М. Бевеликова, К. М. Беликова [и др.] ; отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, Юриспруденция, 2015. 300 с.

³⁸ National Ethical Guidelines for Biomedical and Health Research Involving Human Participant / Indian Council of Medical Research // URL: https://ethics.ncdirindia.org/ICMR_Ethical_Guidelines.aspx (дата обращения: 30.07.2025).

Бутузова К. И., Зверева А. А., Порядина В. М. Особенности правового регулирования экономического сотрудничества РФ в рамках БРИКС // *Международный аспект*. 2023. № 4 (1). С. 36–53.

Денисова Д. Э. БРИКС: вчера, сегодня, завтра // *Гуманитарные и политико-правовые исследования*. 2022. № 2 (17). С. 40–54.

Каталано П. Главные цели и основания БРИКС: природа и история // *Правовые аспекты БРИКС* / отв. ред. Т. А. Алексеева, П. Каталано. СПб., 2011. С. 13–17.

Шинкарецкая Г. Г. О правовом статусе БРИКС // *Современное право*. 2015. № 10. С. 140–145.

Anufrieva L. The Impact of the International Law Principles related to Co-operation between BRICS Countries on Development of Contract Law // *The International Conference on Comparative Contract Law & Codification of Chinese Civil Code, and the Second Academic Forum on China-Russia Legal Cooperation*. Collected Papers: Southwest University, China International Economic and Trade Law Association, Southwest University of Political Science & Law. Chongqing, 2018. P. 323–327.

REFERENCES

Akopyan OA, Bevelikova NM, Belikova KM, et al. BRICS: Contours of a multipolar world: A monograph. Khabrieva TYa, editor. Moscow: IZiSP under the Government of the Russian Federation, Yurisprudentsiya; 2015. (In Russ.).

Anufrieva L. The Impact of the International Law Principles related to Co-operation between BRICS Countries on Development of Contract Law. *The International Conference on Comparative Contract Law & Codification of Chinese Civil Code, and the Second Academic Forum on China-Russia Legal Cooperation*. Collected Papers: Southwest University, China International Economic and Trade Law Association, Southwest University of Political Science & Law. Chongqing; 2018. P. 323–327.

Anufrieva LP. BRICS: Legal Nature and Principles of Cooperation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2019;12(109). (In Russ.).

Balakin VI. The European experience of regional integration for East Asia. *Problemy Dalnego Vostoka*. 2012;4:117-127. (In Russ.).

Butuzova KI, Zvereva AA, Poryadina VM. Features of the legal regulation of economic cooperation of the Russian Federation within the framework of BRICS. *Mezhdunarodny aspekt*. 2023;4(1):36-53. (In Russ.).

Catalano P. The main goals and foundations of BRICS: Nature and history. *Legal aspects of BRICS*. Alekseeva TA, Catalano P. St. Petersburg; 2011. (In Russ.). P. 13–17.

Denisova DE. BRICS: yesterday, today, tomorrow. *Gumanitarnye i politiko-pravovye issledovaniya*. 2022;2(17). (In Russ.).

Shinkaretskaya GG. On the legal status of BRICS. *Sovremennoe pravo*. 2015;10:140. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пономарева Дарья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой практической юриспруденции, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра правового обеспечения биоэкономики и генетических технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
dvponomareva@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Darya V. Ponomareva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of Practical Jurisprudence, Senior Researcher, Scientific and Educational Center for Legal Support of Bioeconomics and Genetic Technologies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
dvponomareva@msal.ru

Материал поступил в редакцию 20 марта 2025 г.
Статья получена после рецензирования 25 августа 2025 г.
Принята к печати 15 февраля 2026 г.

Received 20.03.2025.
Revised 25.08.2025.
Accepted 15.02.2026.

ISSN 1729-5920

9 771729 592008